РОССИЯНЕ И ПОЛЯКИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ. ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕНТИФИКАЦИЙ (1998–2002 гг.)

Издательство
Русской Христианской гуманитарной академии
Санкт-Петербург
2006

УДК 1(091)
ББК 87.3
Н16

Проект выполнен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 03-03-00198а. Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 05-03016057д.

Редакционная коллегия:
Е. Н. Данилова (отв. ред.), В. А. Ядов, О. А. Оберемко

Авторский коллектив:

Данилова Елена Николаевна, Институт социологии РАН; **Дудченко Ольга Николаевна,** Институт социологии РАН; **Зарицкий Томаш,** Институт социальных исследований Варшавского Университета; **Климова Светлана Гавриловна,** Институт социологии РАН; **Косэла Кшиштоф,** Институт социологии Варшавского Университета; **Лыкошина Лариса Семеновна,** Институт научной информации по общественным наукам РАН; **Мытиль Анна Владимировна,** Институт социологии РАН; **Оберемко Олег Алексеевич,** Институт социологии РАН; **Ядов Владимир Александрович,** Институт социологии РАН

Н16 **Россияне и поляки на рубеже столетий. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998–2002 гг.) /** Сост. Е. Н. Данилова, В. А. Ядов. – СПб: Издательство РХГА. 2006. – 352 с.

Эта книга – результат совместной работы исследователей Института социологии РАН с коллегами из Варшавского Университета. В коллективной монографии рассматриваются социальные идентификации граждан России и Польши на основе данных сравнительных исследований, проведенных на рубеже XX и XXI веков, излагается методология и социально-экономическая ситуация в двух странах на момент исследований, дается описание портретов двух народов с акцентом на общее и особенное в их идентификациях.

Авторы рассматривают социальные группы и общности, которые составляют основу повседневной жизни людей и более широкого социального взаимодействия в разных общественных сферах, потенциальные и реальные социальные ресурсы с точки зрения адаптации к общественным переменам. Отдельно обсуждаются вопросы развития и трансформации национальных и гражданских идентичностей в двух странах и их соотнесенности с внешним миром.

Книга адресована исследователям, социологам, политологам, страноведам, преподавателям вузов и студентам, а также всем тем, кто интересуется вопросами сравнительных исследований и проблемами социальной жизни в России и Польши.

ISBN 5-88812-235-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — продукт сотрудничества российских и польских исследователей. Читатель имеет возможность сравнить два народа, российский и польский, как они представлены в данных исследованиях, которые проводились на рубеже веков в 1998 и 2002 годах. Это — более десяти лет после падения Берлинской стены, в новом динамичном времени, называемом посткоммунистическим. После довольно продолжительного периода пребывания в одном «социалистическом лагере» наши страны переживают сейчас время взаимного недовольства и разных притязаний, в последние годы сопровождающихся и неприятными событиями, если вспомнить избиение польских журналистов в Москве, или такие же события в Варшаве. История взаимоотношений наших стран крайне напряженна и неоднозначна. Однако не она является предметом нашей книги.

Мы стремимся к пониманию социальной жизни двух народов в условиях радикальных социально-экономических и политических преобразований. Через призму сравнительных исследований мы стараемся представить читателю картину их социального мира (как чувствует в нем россиянин и поляк) пытаемся понять, что есть общего между ними, и что их разнит.

Исследования были проведены на основе репрезентативных выборок взрослого населения России и Польши в 1998 и 2002 годах. Необходимо также сказать, что эти исследования — первый плод сотрудничества с польскими коллегами-социологами в посткоммунистический период.

Социальные идентификации. Мы исследуем социальные идентификации. Почему нас интересует именно этот показатель самоощущения граждан в изменившихся условиях? Непременное и болезненное следствие радикальных реформ становления рыночного и демократического общества из общества советского типа — это, прежде всего, поиски новой социальной идентичности граждан, поиски ответов на вопросы «кто мы», «кто я», «кого можно считать своими, а кого не своими, и даже чужими». Люди переживали, а многие продолжают переживать утрату прежнего социального статуса. Прежде уважаемый польский гураль стал безработным, российский инженер — «челноком». Польский крестьянин мог сохранить свою социальную идентичность, наш селянин, бывший советский колхозник — вряд ли.

Два общества, две страны переживают трудное время перемен, называемое в социологической литературе транзитом, трансформацией и даже «травмой». Происходящие изменения, причем, когда эти изменения носят массовый характер, не могут не сказаться на восприятии людьми окружающей действительности и самих себя, и, конечно, на самоопределении в межгрупповых отношениях, т. е. в социальных идентификациях.

Одним из основных вопросов для нас является отражение в идентификациях изменений в обществе под углом зрения перехода от одной социальной системы к другой, что связано, прежде всего, с изменениями институциональной базы. Общества переходного типа характеризуются усилением экономического расслоения и диверсификацией социальной структуры, определенным размежеванием населения, поскольку часть его была социализирована при социалистическом порядке, часть представляет собой новое поколение. Несмотря на то что, казалось бы, вектор политического и экономического развития определен, острота противоборства в российском обществе не пропадает.

Бывший функционер Польской Рабочей партии вынужден стыдиться своего прошлого, а в России бывший партийный бонза может быть членом нынешней Государственной Думы. В Польше Бальцерович инициировал шоковую терапию, что было тяжелым испытанием для народа, но и стимулировало достаточно быстрый переход к рыночным отношениям. Реформы Гайдара — Чубайса для многих людей обернулись трагедией, потерей накопленного в сберегательных кассах и невыплатами заработной платы работникам предприятий. Российские новые бедные — в прошлом инженеры, военные, ученые, а российские новые богатые легко осваивают мировые стандарты роскоши.

Наконец, польские элиты сплотились под лозунгом «Назад в Европу», а российские до сего дня расколоты на прозападников и сторонников особого русского пути в будущее.

Также очевидно, что в социальных идентификациях жителей России и Польши проступают «отпечатки» не только событий последних лет, но и исторического прошлого и культуры, истории становления нации и государства.

Идентификации — предмет трудный, «ускользающий». Немало споров вызывают методы его исследования и измерения. Для нас социальные идентификации служат своего рода призмой, объективом, с помощью которого можно «снять» портрет не только отдельных индивидов, но и общества в целом. В исследовании также стояла задача оценить пригодность инструмента, который мы используем. Авторы книги предлагают свои подходы и методики для регистрации и измерения социальных идентификаций и интерпретации. При рассмотрении социальных идентификаций учитываются два аспекта. Это, во-первых, — процессы личностного самоопределения в неустойчивом мире и адаптации к переменам. Во-вторых, это — процессы солидаризации с группами или общностями, воспринимаемыми в сознании людей в качестве «мы», самоопределения в многообразии социальной жизни.

По поводу сравнительных исследований и связанных с ними проблем и методологических трудностей немало споров. Проводить сравнительные исследования — дело неблагодарное, всегда найдутся те, кто задаст вопрос о правомерности сравнения, например, моноэтничной страны с полиэтничной. Тем не менее вряд ли можно подвергнуть сомнению то, что сравнительные исследования как метод познания полезны и эвристичны. Дело это интересное и увлекательное. Они полезны, прежде всего, тем, что позволяют по-новому взглянуть на, казалось бы, уже известные вещи, сформированные представления об иссле-

дуемом объекте, помогают лучше понять события, происходящие в разных странах, при сравнении найти «ключ» к необъясненным явлениям в своей стране. Авторы исходят из принципа: «чтобы лучше узнать себя — сравни себя с другими».

Краткая история проекта. Стимулом для совместной работы послужили результаты исследований, проведенных под руководством В. А. Ядова в России в 90-х годах[1]. Методика, предложенная российской командой, применялась в мониторинге общественного мнения в России на протяжении десяти лет[2]. Коллеги с польской стороны также имели исследовательский интерес к проблеме, но и их опыт ограничивался своим обществом[3].

Случилось так, что Владимир Ядов встретил на одной из конференций Кшиштофа Косэлу. Разговорившись, они поняли, что параллельно в двух странах проводят исследования социальных идентификаций. Ответ на вопрос, почему бы не объединить усилия, был однозначно положительным. Тем более что коллеги из Польши работали в Варшавском университете вместе с выдающимся польским социологом Стефаном Новаком, с которым во время его жизни Ядов поддерживал тесные связи. Это новое поколение польских социологов, ученики Стефана Новака. Некоторые из них принимали активное участие в деятельности «Солидарности». Первая общая встреча показала, что есть общий интерес, работа в совместном проекте переросла в дружбу и прекрасные отношения.

Для российских и польских социологов сравнительное исследование своих обществ было заманчивым не только по причине отслеживания социальных последствий трансформаций общественной жизни. Сравнение двух стран проясняет вопрос о роли и влияния государства в социальной жизни, а также связанный с этим другой немаловажный вопрос о национальном самосознании. Различия между Польшей и Россией также должны быть заметны в конфигурациях идентификаций. Их изучение позволяет лучше понять поиск идентичности соотечественников.

Для польских коллег, по их признанию, Россия представляет интересный фон для сравнений, ибо наша страна с христианскими корнями веками составляла альтернативу общественной жизни западной части европейского континента, чуждалась, противостояла и пребывала в идеологическом споре с нею. Польша, безусловно, тяготела к западноевропейской цивилизации.

Богатый эмпирический материал дает поводы для осмысления его с разных точек зрения. Авторы предлагают некоторые идеи, вытекающие из результатов сравнительного исследования, например, насколько модернизированы российское и польское общество, что служит ресурсом для интеграции и развития.

Для социологов посткоммунистических стран по-новому высветилась тема «догоняющей модернизации». В западных странах теории модернизации были подвергнуты критике еще в 70-е годы прошлого века, но с падением берлинской стены интерес к ним снова возродился. Польские коллеги предлагают свои идеи интерпретации данных под углом зрения модернизации.

Социальные идентификации, как мы полагаем, отражают реальные и потенциальные основы для солидаризационных процессов, «каркас» взаимодействия человека и общества. Для России актуальность исследования связана прежде всего с вопросом интегрированности общества. Анализ выраженности гражданских и этнических идентификаций позволяет отследить эти тенденции. Авторы предлагают свой материал, иногда в полемике друг с другом.

Все же основной ценностью являются сами данные. Наша книга не претендует на что-то новое в теоретическом поле осмысления феномена идентичности. У нас другая задача. Богатый эмпирический материал дает пищу для осмысления общественной ситуации в двух странах. Идентификации всего лишь наш инструмент. Однажды мы послали наши работы известному социологу З. Бауману. В своем письме Владимиру Ядову он написал: « …мне кажется, что разрабатывать альтернативные истолковательные модели слишком рано (помню и забыть не могу предостережения Маяковского: “*Не пишите эпических полотен во время революции — все полотно изорвут…”* Он даже не подозревал, как был прав!...). Единственное остерегался бы я усматривать порядок и тенденции там, где видимость знаний

вытекает просто из свойства статистических подсчетов. Надо бы разобрать суммарные данные на составные части, наполненные социологическим смыслом. А в каком направлении движемся? Историю, пожалуй, опередить не удастся…. Я попытался сказать что-то такое и по отношению к Польше…» Мы попытались соответствовать этому напутствию, но было также и искушение попытаться найти тенденции и смыслы.

Мы поставили перед собой два главных вопроса. Вопрос первый: какого рода социальные идентичности формируются в странах близких по славянской культуре, но разных по культурный и политической традиции и длительности «коммунистического» прошлого и не менее разных великоимперских амбиций? Польша была вынуждена столетиями отстаивать свою независимость. Что более выражено в двух народах: ближнее прошлое советского типа или дальняя историческая память наших народов? Как сказываются на формировании социальной идентичности гео-административные различия стран, ибо Россия — одно государство, но множество самобытных регионов — сообществ, а Польша — единое государство и единое общество.

Другой вопрос: как люди видят себя в новых социально-экономических условиях, как адаптируются к ним?

Отвечая на эти вопросы, мы и пытаемся найти, чего больше между двумя народами — сходства или различия. Может быть, наши обычные представления о различиях и сходствах россиян и поляков всего лишь мифы и стереотипы?

Структура книги. Книга состоит из трех частей. В первой части описывается какова социально-экономическая ситуация была в двух странах на момент исследования и излагается его методология. Во второй части дается общее описание портретов двух народов и их сравнение на основе полученной статистики, более подробно рассматриваются те социальные идентификации, которые составляют основу повседневной жизни людей и более широкого социального взаимодействия в трудовой сфере, на рынке труда. Также исследуются потенциальные и реальные социальные ресурсы с точки зрения адаптации к переменам и культурной модернизации. В третьей части речь идет о развитии или трансформации национальных идентификаций в двух странах и соотнесенности этих идентификаций с внешним миром.

[1] См. публикации: Социальная идентификация личности: Сб. статей отв. ред. Ядов В. А. М.: ИС РАН,1993; Социальная идентификация личности-2 / Отв. ред. Ядов В. А. М.: ИС РАН,1994; В. Ядов. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1; Данилова Е.Н. Идентификационные стратегии: российский выбор // Социологические исследования. 1995. № 6; E.Danilova, V.Yadov. Social Identifications in Post-Soviet Russia: Empirical Evidence and Theoretical Explanation // International Review of Sociology. 1997. Vol. 7. № 2 и др.

[2] Данилова Е. Н. Изменения в социальных идентификациях населения России, 1992–1998 // Социологический журнал. 2000. № 3/4.

[3] С польской стороны в исследовании участвовали коллеги из Института социологии Варшавского Университета: К. Козела, М. Грабовска, Т. Шавел, Е. Колбовска. См. публикации:

Koseła K. 1). Postawy młodzieży wobec narodu i patriotyzmu // Studia Politologiczne. Młodzież a zmiany we współczesnym świecie. Warszawa: Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego, 1998. Vol. 3. S. 249–276; 2) Życie publiczne a tożsamości społeczne Polaków // Śląsk-Polska-Europa, Zmieniające się społeczeństwo w perspektywie lokalnej i globalnej, Xięga X Ogólnopolskiego Zjazdu Socjologicznego. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego. 1998. S. 333–353; 3) Procedura I-sort – jej własności na podstawie badań tożsamości społecznych w Polsce i w Rosji // ASK. N 9. S. 7–38.

О методологии исследования: общий подход и используемые методики

Е. Н. Данилова, К. Косэла

В фокусе нашего сравнительного исследования — социальные идентификации россиян и поляков. В научной и популярной литературе понятие идентичности часто встречается в самых различных значениях и контекстах. В социологии, когда разговор заходит об идентичности, всегда присутствует интригующий смысл отношений личности и окружающего общества.

Социальную идентичность принято понимать как самосознание индивидов, самоопределение в окружающем их социальном мире. При этом идентичность трактуется, по крайней мере, в двух смыслах: как самосознание индивида, проявление его самости, когда речь идет о стремлении человека обрести собственное Я и выделится в окружающем мире, либо как обретение индивидом социального Я, как соотнесенность себя с какой-то социальной группой или общностью на основе чего-то общего, объединяющего индивида и данную группу. Связанное с идентичностью понятие идентификации рассматривается не как равнозначное, а скорее как процесс обретения, распознавания своей идентичности в социальном пространстве.

Идентификации служат превращению одиноких индивидов в представителей социальных групп, общностей, раскрывают социальную сущность человека. Человеческий индивид, не обладающий социальной идентичностью, — аномалия или психическое заболевание. Это либо лермонтовский Демон, либо

опустившийся и потерявший всякие связи с себе подобными пария. Такие исключения тоже могут быть предметом анализа, но в нашем случае мы пытаемся распознать некоторые типические, достаточно представительные для российского и польского обществ самоопределения людей.

Социальные идентичности составляют предмет особого интереса исследователей уже более полувека. Несмотря на то что понятие идентичности обязано своему появлению психоаналитической традиции (Эриксон, Фрейд) и применялось для различения устойчивого и неустойчивого состояния личности, оно получило дальнейшее развитие и в социологии. Пристальное внимание социальная идентичность привлекла в связи с теоретическим поворотом к конструктивизму. В конструктивистских и интеракционистских подходах (достаточно назвать Мида, Бергера, Лукмана, представителей Чикагской школы) это понятие становится центральным и рассматривается как результат взаимодействия между людьми и как продукт социального конструирования. Макросоциальные основания идентичности рассматривались начиная с «классиков» — Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма, К. Маркса, Т. Парсонса, которые обращали внимание на проблему структурных отношений общества и индивида, прежде всего в контексте объективных и всеобщих закономерностей развития общества, и заканчивая современными социальными теориями (А. Гидденс, П. Бурдье), обращающимися к идентичности через призму рассмотрения человека как активного субъекта собственной жизнедеятельности и общественных действий.

В более поздних работах акцент смещается на то, как управлять процессами формирования и порой «навязывания» идентичности в интересах политики и как такие солидаризации побуждают к коллективным акциям[1]. Проблематика идентичностей вошла в социологию и благодаря исследователям общественных движений, которые полагали, что для понимания новых движений требуются понятийные средства, используемые в моделях структуралистского плана и рационального выбора[2]. Самые ранние теоретики видели в участниках массовых движений с коллективным поведением отчаявшихся людей, доведенных до бунта безумием толпы или долгими лишениями, вызванными каким-нибудь пороком социальной системы[3]. Более поздние авторы уже

усматривали в акторах коллективных действий рациональные существа, способные извлекать выгоды из структурных сдвигов, открывающих обиженным возможности для изменения своего положения. На некоторые вопросы исследователям общественных движений так и не удалось найти ответы. Они не сумели убедительно объяснить, почему вокруг одной проблемы сформировался коллективный актор, тогда как другая проблема или даже та самая, но в другом месте, не подвигла людей к коллективному действию. Возможное разъяснение загадки стоит поискать в коллективных, общих многим людям идентификациях. Коллективные самоотождествления с чем-то самоценным позволяют также ответить на вопросы, почему, столкнувшись с проблемой, люди не выбрали стратегии «зайца-безбилетника» с желанием прокатиться за чужой счет, а взялись устранять несовершенства мирового устройства, объединяя усилия с другими людьми. Идентификация рождает обязательство, поступок приносит удовлетворение участием в мироустройстве — такая линия объяснений способна удовлетворить исследователя. К тому же и стиль акций, и результаты разных форм коллективного поведения мы сумеем лучше описать, располагая понятием коллективных идентификаций.

Наиболее интересными могут быть результаты, показывающие, когда и вследствие каких «тектонических сдвигов» в обществе вырисовываются новые коллективные идентификации. Так или иначе, понятие социальной идентичности прижилось в социологии, а явление стало одним из активно исследуемых.

Западные авторы признаются, что последнее время «наблюдается взрыв интереса к концепции идентичности», который «породил невиданный шквал мнений»[4]. З. Бауман связывает это с изменившейся природой самого общества, что, по его мнению, находит отражение и в интеллектуальном климате, создаваемом всеми теми, кто творит на обществоведческих просторах. В классических социологических работах рассматривалось общество модерна, в котором идентификации были призваны закреплять связь между индивидом и обществом в соответствии с существующими социальными делениями. З. Бауман называет идентичность порождением модернизма. Именно идентичность стала одним из центральных понятий в дискуссиях о модернизме и постмодернизме (З. Бауман, А. Гидденс, С. Лэш, Дж. Урри, К. Кумар, Дж. Фридман и др.). Обсуждается новая природа идентичности, описываемая в эпитетах размытости, разбитости и фрагментарности, которая уже не служит сцепке между индивидом и социальными структурами общества, а, наоборот, подрывает ее. По словам З. Баумана, идентичность после модернизма — это «ускользающая вещь»[5]. Однако даже если это и так, идентичности модерна остаются в силе, особенно в таких обществах, как современные Россия и Польша, где социальные структуры и деления по-новому воспроизводятся и закрепляются в отношениях людей с обществом. Появляются новые экономические классы, меняются социальные и политические институты.

Не случайно тема модернизации получила новый импульс в научной литературе после падения берлинской стены. Для Польши, которая в определенном смысле завершила свой транзит вступлением в Евросоюз и признанием ее модернизационных усилий, идея модернизации стала ключевой. Для России же, которая находится скорее в маятниковом движении, звучавшая в начале перестройки идея догоняющей или запаздывающей модернизации[6] хотя и остается в силе, но подвергается сомнению и критике. Отсюда не прекращаются споры о направлении, в котором движется Россия. Сторонники модернизации говорят о том, что постсоветский период может рассматриваться как новый раунд модернизации, а следовательно, и новый раунд этой полемики[7].

Можно ли говорить о том, что модернизация связана с успехом реформ? Успех реформ зависит от многих факторов и прежде всего от согласованного общенационального проекта, от того, как чувствуют себя люди в обществе. Наше исследование предлагает одну из возможностей сравнения двух обществ, возможностей получить информацию, о том, какие общности составляют социальную ткань современных Польши и России, об общественных силах и группах, функционирующих в конкретном обществе, что и отражается в социальных идентификациях его граждан.

Наша задача состояла в «фотографировании» двух обществ. Сделать снимки мы пытались с помощью специального объектива — социальных идентификаций, их анализ помогает

нам перейти от индивидов к более крупным явлениям — институциям и сообществам. Сравнивая эти снимки, мы стараемся найти общее и различное в двух странах. Глубокие перемены касаются жизни всего населения стран и неизбежно влекут за собой изменения социальных идентификаций в массовом масштабе. Другая задача нашего анализа — обнаружить тенденции изменений социальных идентификаций, отражающих наиболее важные социальные деления: дифференциация граждан по уровню дохода, социально-классовые и, конечно, изменения связанные с комплексом национально-гражданских идентичностей.

Метод исследования — массовый опрос на основе стандартизированного интервью. Были проведены опросы взрослого населения России и Польши с применением единых методик. Выборки репрезентативные: в России использовалась рандомизированная стратификационная выборка, ее объем — более 1600 человек, в Польше — также рандомизированная, объем — более 1100 человек. Время исследования в Польше: первое исследование — март 1998 г., второе — июнь 2002 г., в России первое исследование — апрель–май 1998 г. (т. е. до августовского кризиса 1998 г.), второе — июнь–июль 2002 г., что позволяет рассматривать наши данные как сопоставимые.

Известны изъяны массовых опросов и критичное отношение к жестким методам, которые не обладают достаточной чувствительностью, особенно когда дело касается такого деликатного предмета как идентификации, природе которого более подходят мягкие интерпретативные подходы. Но в нашем случае, «если подходить к ним (массовым опросам. — *Е. Д.*), как считает Ю. Левада, как инструменту социологического знания в известном культурном контексте и соответствующих концептуальных рамках, они могут иметь важную познавательную роль, особенно если речь идет о доминантных социальных явлениях, о “массовом человеке”»[8]. Попробуйте задать прохожему или в разговоре со случайно встреченным человеком вопрос «Кто вы?» или «Как бы Вы определили своих и не своих в массе людей?». Практически ни один человек не даст ответ сразу, он хоть ненадолго, но задумается, даже небольшое обдумывание займет некоторое время. Его ответы редко будут содержать четкие социальные характеристики. Так, например, практика исследований показала, что для массовых опросов применение открытых вопросов затруднительно, не позволяет получить сведения об идентификации в пространстве определенных «статичных» социальных категорий[9]. Разговор в интервью провоцирует опрашиваемых к самовыражению, уводит в мир его переживаний и рефлексий, человек конструирует свою идентичность по ходу интервью. Богатство интервью, имея преимущество для развернутого понимания идентичности, обладает тем недостатком, что не позволяет охватить большое множество людей.

Социальные идентификации и методики их регистрации

Идентификации как показатель общественного состояния. Нас интересует не сам феномен социальной идентичности, а скорее возможность его использования *в качестве инструмента или, лучше сказать, объектива, через который видны более широкие общественные картины.*

Когда мы начинали свои исследования в России в 1991 г., первая идея, которая пришла тогда в голову, была проста — посмотреть на общую картину самоопределения людей в неустойчивом социальном пространстве. Известно, что в ситуации социальной нестабильности, причиной которой могут быть различные факторы, люди склонны искать опору среди «своих». Усиливается чувство причастности к «своим» группам и ослабевает к другим, которые могут восприниматься как чужие, или даже враждебные. То, что мы называем здесь социальными идентификациями — это обозначение принадлежности к какой-либо группе или общности, как ее осознает или ощущает конкретный индивид.

Иными словами, нам было интересно посмотреть, какие общности закреплены в сознании людей как «свои», какие социальные группы или общности являются опорными конструкциями для самоопределения людей в ситуации глубоких общественных перемен и что меняется в зависимости от изменений социальной ситуации.

В сравнительном исследовании *общим подходом* к пониманию и применению понятия идентификации служили идеи,

взятые из когнитивной психологии, согласно которым механизмы социальной самоидентификации основаны на распознании и выделении «своих групп» в социальном пространстве. Такой процесс называется категоризацией и представляет собой проявление адаптивной функции человеческой психики, структурирующей бесконечное многообразие стимулов окружающей среды в более упорядоченную совокупность отдельных категорий. В процесс категоризации включаются другие люди и сам субъект. Воспринимая других людей, субъект определяет их как членов той же, что и он, или другой категории.

Тёрнер[10] утверждал, что достаточным условием для психологического формирования групп является распознавание в себе и внутреннее приятие принадлежности к какой-то социальной категории. Принадлежность к половой, национальной или какой другой категории, если она принята, становится частью концепции самого себя.

Тэджфел[11] и его сотрудники в серии экспериментов показали, что взаимодействие и взаимная привлекательность не являются необходимыми условиями создания групп. Для группы достаточно познавательного процесса категоризации — принятия социальной категории и применения ее для определения самого себя — даже категории внушенной, навязанной извне. Поистине, необыкновенна воля людей к образованию групп, коль скоро склонность к объединению удается продемонстрировать даже в искусственных лабораторных условиях. Достаточно определить групповые границы, как уже появится групповое поведение, уже при встречах начнут задавать вопрос: «Он/она из наших или из тех?» Исследования, проведенные в так называемой минимальной групповой парадигме, показали, что индивиды, разделенные на группы по пустяковому, явно случайному критерию, не зная людей собственной и чужой группы, не сговариваясь, не видя какого-либо конфликта интересов между своей и не-своей группой, присуждают денежные призы и просто безденежные баллы, предпочитая собственную группу чужой[12].

Огромный вклад в концепцию социальной идентификации внесли Дж. Тернер, Р. Браун, Х. Джилс, М. Биллиг и Г. Тэджфел[13]. В соответствии с этой концепцией идентичность определяется посредством логических операций сравнения своей группы с внешними группами по ряду значимых параметров. В ситуациях, когда групповое различение становится особенно заметным, индивид начинает реагировать на нее с позиции своего группового членства. В этом заключается функция идентичности как регулятора поведения. Одним из следствий идентификации, в частности, является склонность индивидов к применению в отношении себя норм и стереотипов, связанных с категорией, признанной своей[14]. Поведение становится конформистским. Индивид начинает думать о себе как о представителе группы, заменимом элементе, таком же, как другие ее члены. Эти изменения Тёрнер назвал процессом «деперсонализации». Деперсонализация («самостереотипизация») — это механизм качественного превращения индивидов в членов группы. Как только человек принимает, что данная категория — его важная черта, тотчас же это индивидуальное самоопределение продуцирует стереотипное восприятие себя и членов других групп, усиливая внутригрупповое сходство, увеличивая привлекательность и близость членов одной и той же группы и повышая единообразие поведения в ее границах. Усиливается склонность делить мир по принципу «мы — они».

Потребность в позитивном восприятии самого себя переходит в результате самоидентификации с группой в потребность позитивной оценки и предпочтения собственной группы, необязательно как самой выдающейся, но, по меньшей мере, лучшей в каких-то отношениях по сравнению с другими. Стремление к позитивной самооценке ведет к тому, что индивиды, для которых групповое членство важно, стараются отличить по ценным для них критериям свою группу от чужой. Действует закономерность, которую Тёрнер назвал законом Тэджфела: «Если категориальное членство становится важным, появляется тенденция преувеличивать различия между индивидами, попадающими в разные категории и минимизации различий внутри категории»[15]. Следствием этого не обязательно сразу будет враждебность по отношению к членам чужих категорий, но наверняка появится чувство увеличения дистанции от них.

Итак, мы предполагаем, что человек из всего многообразия социальных общностей сознательно выбирает те категории,

которые он распознает как свои, тем самым, определяя себя как члена той или иной группы.

Есть другой важный момент. Человек может одновременно идентифицировать себя с несколькими группами и общностями — известный тезис о множественности идентичностей. В нашем исследовании понятие социальной идентификации сильно связано с многообразием переживаемых человеком социальных ситуаций. Другими словами, каждый человек играет роли сразу в нескольких «пьесах». Одновременно он может играть в одной «пьесе» рабочего, товарища по работе, в другой — родителя, члена семьи, в третьей — сторонника политической партии или члена общественной организации. Такое множественное участие предписывает одним ролям большую значимость, другим меньшую, значимые идентификации отражают основной вектор жизненного развития человека, его ресурсы. Тем не менее в одних ролях он выступает чаще, в других — реже, но в любом случае человек соотносит себя с той группой, общие черты которой он принимает как близкие собственным.

Социальные идентификации воспринимаются и формируются разными способами. С. Московичи была выдвинута гипотеза об организации сознания по типу идентификационной матрицы как особой категориальной подсистемы в системе знаний субъекта[16]. Основу идентификационной матрицы человека составляет множество принадлежностей: общечеловеческая, половая, религиозная, профессиональная, этническая и др. Идентификационная матрица распределяет поступающую информацию по категориям, с которыми человек себя отождествляет. В ней, как и в других категориальных системах существуют ведущие категории — базисные идентичности. Они определяют значимые параметры сравнения собственной группы с другими.

Предполагается, что множественный индивидуальный набор социальных идентичностей организован в некую более или менее очерченную систему, характерной чертой которой является их более или менее иерархическая упорядоченность с точки зрения их предпочтительности. Хотя этот факт не считается до конца выявленным и доказанным, все же стоит обратить на него внимание.

В любом случае выбор индивидом тех или иных категорий говорит о том, что эти общности и группы присутствуют в его сознании и важны для него.

Методики регистрации идентификаций. Мы выделили два формата регистрации социальной идентификации. Первый — с какими группами и общностями индивид ощущает близость, кого полагает «своими» группами из окружающего социального многообразия («Мы-идентификации»). Второй — как сам человек видит себя, как он определяет свою социальную принадлежность («Я-идентификации»).

Применялись две методики[17]. Одна базировалась на опыте российской команды и использовалась для регистрации групповой, или Мы-идентификации, т. е. индивид соотносил себя с реальной или воображаемой группой из предложенного списка. Это идентификация в пространстве взаимодействия (или сосуществования) групп и общностей, из которых одни полагаются близкими («свои»), другие — относительно далекими («чужие»). С мая 1992 г. (спустя полгода после распада Советского Союза) в регулярных общероссийских опросах мы задавали один и тот же вопрос: «Встречая в своей жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хоть и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о Вас, как часто Вы ощущаете близость с разными группами людей, с теми, о ком Вы могли бы сказать: “Это — мы”?» Респондентам предлагался список категорий (групп или общностей) для идентификации и варианты ответов «часто», «иногда», «практически никогда», с позицией «затрудняюсь ответить». В результате респондент определяет свое отношение поочередно к каждой из предложенных групп и общностей.

Польская команда[18] предложила другую методику — процедуру сортировки карточек[19] для регистрации Я-идентификаций. Она состояла в следующем. Анкетер вручает опрашиваемому карточки с наименованиями групп и общностей и говорит: «Мы хотим спросить, что Вы думаете о себе. На этих карточках много определений. Пожалуйста, выберите те определения, которые подходят для Вас, и отложите в сторону те, которые не подходят». Определения эти были не чем иным, как социальны-

ми категориями: семейными, национальными, религиозными, профессиональными, политическими, связанными с возрастом и местом человека в социальной структуре. Об идентификации с одной из таких категорий свидетельствовал выбор соответствующей карточки из 40[20] штук. Респондент может выбрать любое количество подходящих для него определений из предложенных, например: «молодой», «отец», «гражданин России». После того как респондент разложил карточки в две стопки, его просят ранжировать по важности отобранные характеристики: сначала выбрать самую для него важную, далее — самую важную из оставшихся, затем следующую наиболее важную и т. д. Интервьюер регистрирует выбор респондента. Таким образом, для каждого респондента получался определенный набор релевантных ему социальных определений, ранжированных по степени их важности.

Различия методик в том, что они акцентируют внимание на различных механизмах идентификаций. Идентичность может ощущаться как близость, сопереживание какому-либо сообществу, либо распознаваться как принадлежность человека к этому сообществу. Психологический механизм отбора Я- и Мы-идентификаций во многом аналогичен — в обоих случаях включаются когнитивные структуры психики человека. Однако в отличие от отбора карточек (Я-идентификаций), где респондент фокусирует внимание на своей собственной принадлежности к социальным общностям, «примеряя» на себя названные категории, в вопросе о Мы-идентификациях акцент смещается на более эмоциональное отношение респондента к предлагаемым группам. Мы-идентификации говорят о тех реальных и воображаемых группах и общностях, которые люди считают своими. Соотнося себя с предложенными категориями, респонденты чувствуют свою причастность и эмоциональную близость либо отстраненность и отторжение по отношению к той или иной группе. Условно можно считать Я-идентификации скорее когнитивными, Мы-идентификации — скорее эмоциональными.

Распространенность тех или иных идентификаций, полученная простым суммированием, маркирует те общности и связи, которые составляют социальную ткань общества. В результате мы получаем картину социальных делений, структур, статусов,

функциональных в данном обществе. Распространенность и значение тех или иных идентичностей в общей структуре может меняться под влиянием изменений социального контекста.

Категории для идентификации. После многочисленных проб мы выделили виды категорий, охватывающих практически весь спектр социального пространства человеческих взаимоотношений.

В определенном смысле мы умышленно навязывали социальные категории для самоидентификации, т. е. предлагали уже сформированный список социальных категорий, по отношению к которым респондентам нужно было определиться. Предлагаемые категории, как нам видится, вполне отражают социальную реальность, поскольку так или иначе находится в поле массового сознания и «кодируются» в языках обеих культур в общепринятых смыслах[21]. Они также имеют теоретическую нагрузку, формируемую исследователями, и маркируют изменения в исследуемых обществах. Набор из описываемых ниже групп и общностей позволял использовать разные основания и различные комбинации для анализа идентификационных процессов, что обеспечивало достаточную гибкость в выдвижении рабочих гипотез по ходу исследования, не привязывая к какой-либо одной теории. В таблице 1 приведены категории для идентификации, используемые в двух методиках исследования.

Возможность совмещения в анализе двух форматов идентификации: связесозидательный потенциал. Я-идентификации трактуются нами скорее как группы самоотождествления или принадлежности, а Мы-идентификации — как группы отношений. Я-идентификации — это самоопределение в структуре социальных ролей и статусов. Мы — идентификации — самоопределение в социальных групповых связях и сетях. Сопоставление двух форматов идентификации дает нам возможность сравнивать силу вовлеченности индивидов в конкретные сообщества, определять, какой связеобразующий или солидаризующий потенциал имеет та или иная идентификация.

Утверждение «Для меня важно, что я житель данной местности, региона» является невольным признанием существова-

Таблица 1

Категории для идентификации, используемые в исследовании

Критерии общностей	Категории для Я-идентификации	Категории для Мы-идентификации
Пол	Мужчина (Женщина)	—
Возраст, поколение	Молодой Пожилой	Люди такого же возраста, поколения
Семейные	Жена (Муж)	Своя семья
	Мать (Отец)	
Дружеские	—	Друзья
Социальная структура:		
Стратификационные	Бедный Обеспеченный	Люди, оказавшиеся в числе нуждающихся Те, кто добился успеха
		Люди, которые имеют тот же достаток, что и Вы
Трудовые общности	Представитель своей профессии. Работник предприятия, компании, организации	Люди той же профессии
		Коллеги, товарищи по работе
Потенциальные участники рынка труда	Безработный Пенсионер Учащийся Студент	—
Классовые статусы	Предприниматель	Люди, занимающиеся своим бизнесом
	Рабочий Крестьянин Представитель интеллигенции	Кто считает себя наемным работником
Этнические	Русский/ Поляк Представитель своей национальности *(для России)*	Люди той же национальности
Этно-культурные	Приверженец русской национальной идеи/ приверженец польских народных традиций	Сторонники русских/польских национальных традиций
	Славянин	
Религиозные	Верующий	—
	Не верующий	—
	Сторонник православной церкви/ католической церкви	—
Ценностные	—	Люди таких же взглядов на жизнь
Локальные	Житель города, поселка, села, местности	Те, кто живет в нашем городе, деревне, селе Приверженцы местных традиций
Гражданские	Гражданин России/ Гражданин Польши	Россияне / Поляки
	Советский человек/ гражданин Польской народной республики	Советский народ/Люди кто считает, что было лучше в Польской Народной республике

	Гражданин страны, переставшей быть Великой державой / гражданин страны незначительной в мире	Граждане СНГ/ Граждане Восточной Европы
	Гражданин Великой державы/ гражданин страны важной в мире	Все человечество
	Европеец	
	Не европеец	
Политические	Сторонник политика, партии. Член политической организации, партии. Сторонник «сильной руки». Демократ Жертва реформ/ жертва перемен после 1989	Люди таких же политических взглядов и позиций. Те, кто не интересуется политикой
Индивидуальные черты (жизненные позиции)	Хозяин своей судьбы	Те, кто не ждет «манны небесной», а сами делают свою судьбу
	Такой как все	Те, кто не любит «высовываться», а предпочитает жить «как все»
	Тот, кто принимает судьбу, какой бы она не была	Те, кто уверен, что от его действий ничего не зависит
	Человек с будущим	
	Человек без будущего	

ния локального сообщества, с населением которого меня соединяет что-то такое, чего нет в отношении других людей. Эту связь можно назвать солидарностью, верностью, близостью. Разные социальные идентификации вызывают большую либо меньшую готовность к практическим действиям в пользу людей, принадлежащих к совокупности, обозначенной собственным самоотождествлением. Группы, остающиеся за границами этой категории, могут пробуждать враждебность, равнодушие или любопытство. Но за прохладными или более теплыми эмоциями здесь всегда скрывается сознание отличности, дистанции, чуждости в отношении лиц вне собственной категории.

Исследователь старается использовать процедуру количественного измерения идентификаций, чтобы познать эти связи, его интересуют связепорождающие способности самоопределений. Он хочет различать сообщества, пробуждающие в людях чувства солидарности, взаимной верности и близости от популяций, которые суть только мнимые сообщества, лишенные таких переживаний. В этих целях можно, конечно, задавать вопросы о готовности жертвовать в пользу членов каждой из совокупностей, выделенной указанием данного самоидентифицирующего определения. Однако прямые вопросы о готовности к действиям из альтруистических побуждений — это не лучший способ познания характера внутригрупповых связей. У многих опрашиваемых такие вопросы вызвали бы пожатие плечами или желание приукрасить себя. В польско-российских исследованиях 1998 и 2002 г. связепорождающие качества анализируемых идентификаций проверяли, спрашивая об ощущении близости по отношению к различным группам.

Познание близости (противопоставляемой дистанции, отдалению) к разным группам важно для социолога. В утверждении собственной близости к некой группе содержится отнесение себя к реально существующему коллективному образованию. От переживаемого чувства близости зависит стратегия поведения в отношении партнеров по взаимодействию, исход тенденции ко включению в данное сообщество либо к уходу из него. Тонкая игра переживаний сходства и близости решает, окажется ли индивид внутри или снаружи границ группы, когда та предпринимает коллективные действия. Человек говорит «Я — то»,

«Я — это» и тем самым передвигает границы делений между собой и людьми по критериям сходства. Близость без сходства может быть первым шагом в направлении группы, началом поисков сходства, началом открытия в себе черт, общих с членами группы, признанной близкой. А внутригрупповое сходство, будучи производным от принадлежности к одной и той же категории лиц, питает солидарность и чувство связи с людьми, выделяемыми на основании собственной характеристики. Положительные эмоции легче возбудить в отношении лиц, имеющих те же черты, что и наблюдатель.

К примеру, признание респондента, что его важной характеристикой является то, что он «жертва реформ», означает невольное согласие с тем, что с другими «жертвами реформ» у него имеется нечто общее, что он хоть немножко такой, как они. В группе, выделяемой с точки зрения своей важной черты, человек в большей или меньшей степени готов увидеть сообщество, скрепленное общностью судьбы: самоотождествление с такой группой означает создание сообщества на основании субъективно значимой характеристики. Внешний наблюдатель определит какие-то из таких сообществ как воображаемые, о других скажет, что они действительно существуют. Он не сможет отказать в реальности сообществам, держащимся на чувстве государственной или национальной общности, поскольку кроме деклараций там явно просматривается внутригрупповое предпочтение «своих» и дистанцирование от лиц за пределами собственного объединения.

За вопросами о переживании близости к разным группам естественно возникло желание узнать, какие идентификации порождают лишь воображаемые, фантомные сообщества. В польско-российском исследовании в список характеристик, важных для человека, включено несколько свойств, по видимости являющихся исключительно атрибутами индивидуальности человека (например, «я творец своей судьбы» и т. п.), но знание последствий преобразований в обоих сравниваемых обществах позволяет сделать допущение, что эти, казалось бы, личные черты имеют большой связеобразующий потенциал. Признание: «считаю своей важной особенностью, что я человек без будущего» — по существу может оказаться групповой, а не личностной идентификацией. При большой политической нестабильности, достаточно интенсивном чувстве близости с группой так же определяющих себя лиц, сильном сопереживании общности судьбы с ними и сильном отчаянии, вышеуказанная декларация может стать самоопровергаемым пророчеством. В Европе за два тысячелетия история не раз выносила на видные позиции людей, которые, казалось, образовывали группы без будущего. Наши вопросы об идентификациях и переживаниях чувства близости по отношению к разным группам могут помочь выявить сообщества с разным солидаризующим потенциалом в России и Польше.

Способом познания связеобразующего потенциала различных социальных идентификаций может быть совместный анализ ответов на вопросы о воспринимаемой близости групп и о наблюдаемых самоидентификациях индивидов. Вопрос об этой близости раскрывает связесозидательные потенции идентификаций. До сих пор молчаливо принималось, что с более важными идентификациями связана и более сильная тенденция к внутригрупповому предпочтению соответствующих индивидов. Рассмотрение вопросов о сходстве и близости подтверждает правильность этого ожидания и помогает уяснить значение чувства близости в отношении разных групп. Анализ идентификаций информирует исследователя, усиливается ли чувство близости к существующим коллективным образованиям склонностью индивида делить людей на «таких как я, и других, чем я». Близость к группе (Мы-идентификации) и самоотождествление (Я-идентификации) с нею могут выступать в нескольких конфигурациях.

Например, можно предложить сочетание двух форматов идентификаций, как показано в таблице 2 [22].

Всем четырем типам можно приписать достаточно ясные интерпретации:

I. Сильные связи. Процент ответивших таким образом индивидов говорит о способности создания сильных связей через данную социальную идентификацию: этот процент показывает, насколько широко проявляется в популяции активированный солидаризационный потенциал данной общности.

II. Слабые связи. Процент характеризует способность установления слабых связей посредством данной идентифика-

Таблица 2

Типология отношений, связывающих Я и Мы-идентификации

Варианты ответа — выбор Мы-идентификации	**Варианты ответа — выбор Я-идентификации**	
	Данная категория Я-идентификации **выбрана**	Данная категория Я-идентификация **не выбрана**
Респондент испытывает чувство близости к данной общности	I.Ссильные связи	IV. Близость без самоотождествления с группой
Респондент не испытывает чувство близости к данной общности	II. Слабые связи	III. Отсутствие связей

ции. Это те сообщества, с которыми индивиды себя отождествляют, но не чувствуют близости к другим челнам данного сообщества.

III. Отсутствие связей. Процент показывает отсутствие идентификации, когда респонденты ни отождествляет себя с данным коллективным образованием, ни чувствует близости к нему. Такой идентификации не существует либо она пребывает в пассивном состоянии.

IV. Своеобразная категория. Это доля тех, кто, не сумев назвать своей Я-идентификации, продекларировал свою близость к данной группе. Например, кто-то из таких респондентов не указывает, что его важной чертой является «польскость», но чувствует близость к полякам, или, например, не признает, что он православный, но чувствует себя близким другим лицам этого вероисповедания.

Исследователи общественных движений выделяют подгруппы таких участников, которые вовлечены в производство массовой мотивации, признают цели движения, но одновременно воздерживаются от идентификации с остальными членами движения. Среди жизненных позиций таких лиц можно найти даже презрение к соучастникам в общем деле[23]. Некоторые остаются зрителями, болельщиками, соучастными и непрошеными советчиками активной группы данного движения, другие ее обслуживают и ей помогают, это своего рода сочувствующие «попутчики» данной общности.

---

[1] Social Theory and the Politics of Identity / Ed. by Craig Calhoun. Oxford: Blackwell, 1994.

[2] Ср.: *Polletta F., Jasper J. M.* Collective identity and social movements // Annual Review of Sociology. 2001. Vol. 27. P. 283–305.

[3] *Smelser N.* Theory of collective behavior. New York: Macmillan, 1963.

[4] *Бауман З.* Индивидуализированное общество / Пер. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 176.

[5] Там же.

[6] *Наумова Н. Ф.* Переходный период. Мировой опыт и наши проблемы // Коммунист. 1990. № 8.

[7] *Вишневский А. Г.* 1) Модернизация или контр-модернизация: чья возьмет? // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации. М.: МВШСЭН, 2003. С. 286–296; 2) Историческая эволюция России: догоняющее развитие или особый путь? // Русский или прусский? Размышления переходного периода. М.: ГУ-ВШЭ, 2006. С. 68.

[8] *Левада Ю. А.* Социальные типы переходного периода: попытка характеристики // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 2. С. 9.

[9] *Климова С.* Стереотипы повседневности в определении «своих» и «чужих». Социс, 2000, № 12. С. 16.

[10] *Turner J. C.* Towards a cognitive redefinition of the social group // Social identity and intergroup relations / Ed. by. H.Tajfel. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 15–39.

[11] *Tajfel H.* Human groups and social categories: Studies in Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1981; *Tajfel H.* (ed.). Social identity and intergroup relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

[12] *Turner J. C., Oakes P. J.* Self categorization theory and social influence // The psychology of group influence / Ed. by P. B. Paulus. 2nd ed. Hillsdale (NJ): Erlbaum.

[13] *Billig M., Tajfel H.* Social categorization and similarity in intergroup behaviour // European Journal of Social Psychology. 1973. № 3. P. 27–52; *Tajfel H.* Human groups and Social categories: Studies in Social Psychology; *Brown R.* The role of similaritity in intergroup relations // The Social Dimension: European Developments in Social Psychology / Ed. by Tajfel H. Cambridge: Cambridge University Press. 1984.

[14] *Turner J. C.* 1) Towards a cognitive redefinition... 2) Rediscovering the social group: A self-categorization theory. Oxford, New York: Blackwell, 1987.

[15] *Turner J. C.* Towards a cognitive redefinition... P. 28.

[16] *Moscovici S.* The Phenomena of Social Representation // Social Representation. Cambridge, 1984.

[17] Дополнительно к вопросам, позволяющим регистрировать социальные идентификации в двух форматах, в общую российско-польскую анкету входил блок вопросов «Барометр социального самочувствия», направленных на измерение социальной адаптированности (см. описание методики в разделе 2.2) и вопрос на выявление степени близости к другим народам (см. раздел 3.3).

[18] Методика регистрации Я-идентификаций была предложена польскими коллегами К. Косэлой, М. Грабовской, Т. Шавелем, Е. Колбовской.

[19] Анализ особенностей этой процедуры можно найти в работах: *Koseła K.* 1) Zycie publiczne a tożsamości społeczne Polaków // Śląsk-Polska-Europa, Zmieniające się społeczeństwo w perspektywie lokalnej i globalnej, Xięga X Ogólnopolskiego Zjazdu Socjologicznego. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 1998. S. 333–353; 2) Procedura I-sort — jej własności na podstawie badań tożsamości społecznych w Polsce i w Rosji // ASK. 2000. № 9. S. 7–38; 3) Europejska tożsamość Polaków w teorii i w badaniach // Koseła K., Szawiel T., Grabowska M., Sikorska M. Tożsamość Polaków a Unia Europejska. Warszawa: Instytut Badań nad Podstawami Demokracji, 2002. S. 65–105.

[20] В польском опросе предлагалось 39 характеристик, поскольку категория «представитель своей национальности» была использована только в России.

[21] Отдельные категории были специально адаптированы к российскому и польскому контексту.

[22] Типология предложена К. Косэлой и приведена в качестве примера совмещения двух форматов идентификаций. В данной классификации ответы «иногда» трактуются как слабые связи, наравне с ответами «никогда» и «затрудняюсь ответить». Однако подобная интерпретация спорна, поскольку такие ответы могут также означать, что в определенной ситуации указанная идентификация может проявиться как обладающая сильным солидаризующим потенциалом.

[23] *Polletta F., Jasper J. M.* Collective identity and social movements // Annual Review of Sociology. 2001. Vol. 27. P. 298.

Часть 1

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ИССЛЕДОВАНИЙ

1-1. Социально-экономическая ситуация в России и Польше

1-1-1. Социально-экономическая ситуация: Россия

С. Г. Климова

Россия и Польша — страны и очень похожие, и одновременно очень разные. Сходство — это общие славянские корни, пребывание в составе одного государства на протяжении более столетия (конец XVIII–XIX в.), совместное участие в войне против немецкого фашизма, членство в социалистическом содружестве после 2-й Мировой войны. Эти обстоятельства, а также территориальное соседство предопределили довольно тесные контакты между двумя народами, но вместе с тем породили немало взаимных претензий.

1998 и 2002 гг. — время проведения сравнительных исследований идентичности россиян и поляков, это годы, которые в России относятся, как сейчас очевидно, к двум разным эпохам. 1998 г. в России — апогей кризисного десятилетия 90-х годов. В 2002 г. укрепились робкие надежды россиян на лучшую жизнь. Статистики утверждают, что 2000 г. для россиян стал переломным не только в условной шкале летоисчисления, но и в реальных, ощутимых для каждого показателях. Начиная с 2000 г., стали расти основные показатели социально-экономического развития страны. Но демографическая ситуация в России продолжает оставаться сложной.

Национально-демографическая ситуация. По размерам занимаемой территории Россия в 55 раз больше Польши (17075 тыс.

и 313 тыс. кв. км соответственно), но число жителей в России лишь вчетверо больше, чем в Польше, и продолжает снижаться в последние годы. По данным Госкомстата на 1 января 1999 г., в России проживало 146,3 млн. человек[1], а по данным переписи, проведенной в 2002 г. — уже 145,2 млн человек[2]. Таким образом, за четыре года население страны уменьшилось на 1,1 млн человек. Сальдо миграции в эти четыре года продолжало оставаться положительным, но численные потери населения компенсируются миграционным приростом лишь на 8,7%[3]. В целом по стране в 2002 г. превышение числа умерших над числом родившихся составило 1,7 раза. Продолжала расти смертность от всех фиксируемых статистикой причин, на первом месте среди которых — болезни системы кровообращения[4]. Правда, несколько снизилось число самоубийств (с 40,6 чел. на 100 тыс. населения в 2001 г. до 39,5 в 2002 г.). В 2002 г. появились и некоторые другие позитивные сдвиги в демографическом развитии России. Устойчивую тенденцию, которая сохраняется в последующие годы нового столетия, приобрело увеличение числа родившихся. Снижается и младенческая смертность. Эта тенденция также сохраняется в 2003–2005 гг.[5]

Национальный состав двух стран также сильно различается. Польша страна гомогенная по этническому составу (99% — поляки). Русских в России — 80%. Остальные — представители 192-х народностей, имеющих разный административно-государственный статус внутри страны; этнические, расовые, культурные характеристики. Численность населения, превышающую 1 млн человек, имеют, помимо русских, еще шесть народов: татары, украинцы, башкиры, чуваши, чеченцы и армяне.[6] Горожан в России больше, чем в Польше (73,3% и 57,5% соответственно).

Экономическое развитие. Экономический кризис 1990-х годов и слабость центральной власти усугубил эти различия. Региональные элиты были вынуждены вырабатывать собственные стратегии управления подвластными им территориями с тем, чтобы сделать более управляемой социально-политическую и экономическую ситуацию. В начале нового столетия появляются и экономические предпосылки для преодоления региона-

лизации. Финансово-промышленные группы активно осваивают экономическое и политическое пространство российских регионов, способствуя тем самым не только универсализации правил ведения бизнеса, но и общей центростремительной ориентации регионов. Весьма важной тенденцией, которая проявилась в последние годы, стал приход к региональной власти представителей крупного бизнеса[7]. Можно сказать, что бизнес стал большим интегратором, чем наместники центральной власти в федеральных округах. Оборотной стороной прихода бизнеса к региональной власти становится ее меньшая социальная ориентированность. Последнее десятилетие XX в. характеризовалось глубоким системным кризисом, охватившим все сферы жизни общества. Основные социально-экономические показатели развития России в 1990-е годы постоянно снижались. Некоторый рост наметился в 1997 — начале 1998 г., но финансовый кризис в августе 1998 г. оборвал эти тенденции, и к концу этого года Россия пришла с худшими, чем в 1997 г. макроэкономическими показателями[8].

Уровень жизни населения. С начала 1998 г. начал снижаться уровень жизни населения, имевший до этого некоторые тенденции к росту. Реальные денежные доходы населения в конце 1998 г. составили 81,8% по сравнению с 1997 г.[9] Выросла численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (23,8% от общей численности, в то время как в 1997 г. этот показатель был равен 20,8%). Индекс концентрации доходов (коэффициент Джини) в 1998 г. существенно не изменился и был равен 0,379 (в 1997 — 0,381), а разница в уровне денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения в 1998 г. составила 13,4 раза[10].

Имущественная дифференциация и обнищание значительной части населения в конце 90-х годов сопровождались инфляцией, которая в 1998 г. резко увеличилась: в 1997, 1998 и 1999 годах инфляция в РФ составляла 21,8%, 84,4% и 36,5% соответственно. Начиная с 2000 г. инфляция, хотя и медленно, но неуклонно стала снижаться. На декабрь 2000 г. она составляла 20,2%, на декабрь 2001 г. — 18,6%; для 2002 г. этот показатель составил 15%. В последующие годы тенденция сохраняется.

В 2003 и 2004 гг. инфляция составила 12%, и 11,7% соответственно[11]. В 2005 г., по словам премьер-министра Фрадкова, инфляция снизилась до 11%[12].

Самым неблагополучным периодом для россиян был период осень 1998 г. — зима 1999 г. В ноябре 1998 г. реальные доходы домохозяйств были на четверть меньше, чем осенью 1996 г., и на 42% меньше, чем осенью 1994 г.[13]

С 1999 г. наметилась тенденция к росту реальных доходов населения (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен). К 2000 году эта тенденция приобрела устойчивый характер, хотя рост этот не был значительным. Как видно из таблицы, в 2002 г. по сравнению с 2001 г. реальные доходы населения выросли на 11%. Эта же тенденция незначительного, но постоянного роста реальных доходов населения сохраняется и в последние годы.

Таблица 1

Реальные доходы населения

Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Рост доходов по сравнению с предыдущим годом, %[14]	112	109	111	115	108	109

В этот же период устойчиво снижалась просроченная задолженность по заработной плате. Росли и государственные трансфертные платежи (в основном, пенсии). Реальная заработная плата росла примерно на 10–11% в год, и на 5–6% увеличивались пенсии и другие государственные социальные платежи. Одновременно устойчиво снижалась и просроченная задолженность по заработной плате[15]. Задержки по выплатам пенсий и пособий удалось практически полностью ликвидировать в 2001 г.

Постепенно снижается в эти годы и численность населения с доходами ниже прожиточного минимума. В 2000 г. таких было 41,9 млн (28,9%). В 2001 г. — 27,3%, в 2002 — 24,2%. Эта же тенденция сохраняется и в последующие годы: в 2003 людей с доходами ниже прожиточного минимума было 20,3%, а в 2004 — 17,8%[16].

Но, несмотря на это, дифференциация по доходам не только не сократилась, но даже увеличилась. Индекс концентрации доходов в 2001 и в 2002 г. был равен 0,398, а соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения в 2002 г. составило 14 раз[17]. В последующие годы показатель концентрации доходов — коэффициент Джини — неуклонно растет[18]: в 2003 — 0,402; в 2004 — 0,406.[19] Н.М. Римашевская утверждает, что за короткий срок неравенство в России превратилось в поляризацию латиноамериканского типа, которая препятствует социальной интеграции даже перед лицом общих угроз, порождает отчуждение от власти и ощущение нестабильности.[20]

Экономисты отмечают, что, несмотря на рост в последние пять лет показателей, характеризующих уровень жизни населения России, уровень реальных денежных доходов россиян остается крайне низким. Покупательная способность денежных доходов по важнейшим видам продовольственных товаров остается на уровне начала 1980-х годов, несмотря на ее рост в последние годы. Суммарные доходы домохозяйств к 2002 г. лишь достигли уровня 1996 г., но остались существенно меньшими по сравнению с 1994 г. (на 22,6%)[21].

Несмотря на общее снижение уровня бедности, не изменилась ее структура. «Постоянно бедными» остаются чаще многодетные и неполные семьи. Продолжает сохраняться и большая доля работающих бедных[22]. «Постоянно бедных» больше среди работников государственных предприятий, чем среди тех, кто работает на частных. Обширные пространства России с различными географическими условиями предопределили сильную дифференциацию качества жизни в разных регионах страны. Сохраняется имущественная дифференциация по типам населенных пунктов и регионам. Бедных больше в селах, а богатых — в мегаполисах. Наиболее благополучными по уровню доходов выглядят жители Центрального, Северо-Западного и Дальневосточного федеральных округов. Наименее благополучными — жители Южного, Приволжского и Уральского округов[23].

Уровень дифференциации заработной платы по отраслям промышленности тоже очень высок. В нефтедобывающей промышленности средняя зарплата составляла в декабре 2002 г. 23445 рублей, в газовой — 19833 рубля, а в машиностроении —

4955 рублей. Меньше, чем машиностроители, получали работники лесной, деревообрабатывающей, легкой промышленности, на производстве строительных материалов[24]. Проблемы предприятий перерабатывающей промышленности, не позволяющие им развиваться и платить более высокую зарплату работникам, это изношенные фонды, недостаток оборотных средств, высокие налоги, отсутствие квалифицированных кадров, градообразующий статус многих предприятий, и как следствие этого статуса — невозможность оставить без работы сотни тысяч людей.

Таким образом, уровень жизни россиян в период между двумя нашими исследованиями 1998–2002 гг. рос, хотя и очень медленно.

Социальная структура. Вместе с социалистической идеологией на рубеже веков ушли в прошлое в России и представления о социальной структуре как состоящей из двух дружественных классов: рабочих, крестьян и «прослойки» — интеллигенции. Социологи называют сложившуюся в годы Советской власти социальную структуру «этакратической системой, которая основывается на положении социальной группы во властной иерархии».[25] Особенность социальной структуры этого типа — жесткость конструкции, предполагающей неавтономность и несамоуправляемость горизонтальных структур; узкий и единственный коридор карьерных возможностей.[26] Переход от этакратического типа социальной структуры к такому, где действует множество критериев, определяющих статус групп и индивидов, сопровождался активной рефлексией по поводу социальной стратификации. Российское общество стало «примерять на себя» другие, сложившиеся в Европе еще в период классического капитализма представления об обществе как состоящем из трех слоев, различающихся по месту в имущественной и властной иерархии: низший, средний и высший класс. К концу 90-х годов сложилась принципиально новая профессионально-должностная стратификация российского общества, основанная на критериях власти и собственности. Специалисты отмечают, что к этому времени завершилось становление элиты как олигархической структуры, основанной на власти финансово-политических группировок. Еще одним результатом рыночных реформ стало формирование слоя

мелких и средних предпринимателей-собственников и наемных работников. Третья группа — это та часть рабочих и интеллигенции, которая составила депривированный слой вследствие ряда факторов: уменьшения реальной заработной платы (группа «работающих бедных»); перемещения на непрестижные рабочие места; потери работы; снижения размеров государственной поддержки (пенсий, пособий). Различия имущественного и властного статуса этих социальных слоев определяет несходство в политических оценках и в социальном самочувствии.[27]

Социальное самочувствие россиян. Отражением социально-экономического положения российских семей стали перемены в социальном самочувствии граждан. С началом масштабных социально-экономических перемен свойственное большинству населения СССР ощущение стабильности сменяется чувством безысходности, апатии, социальной отверженности. Противоположные настроения — уверенность, ощущение новых возможностей — демонстрирует меньшая часть населения. Примечательно, что социальное самочувствие россиян, измеряемое по самооценкам,[28] с 1994 г. до середины 1998 г. менялось незначительно. Осенью 1998 г. наблюдалось резкое снижение показателей социального самочувствия. Но затем, начиная примерно с 2000 г., показатели адаптации и оптимизма медленно начали расти. Положительные изменения в своей жизни чаще ощущали жители крупных городов, более состоятельные и молодые, образованные. Квалифицированные работники начали чувствовать себя более востребованными, чем прежде, и потому была зафиксирована устойчивая связь между уровнем образования и показателями оптимизма и адаптации.

Еще один признак стабилизации социально-экономического положения в России — уменьшение числа забастовок. Всплеск забастовочной активности, вызванной невыплатами зарплаты в результате кризиса, пришелся на октябрь 1998 г., начиная со второй половины 1999 г. число забастовок снижалось. В 2001 г. забастовки прошли на трехстах предприятиях или в учреждениях, а в 2002 — только в 88. Забастовки стали менее массовыми: в 2001 г. в них участвовали 13320 чел., а в 2002 — 5130 чел. Но продолжительность забастовок выросла: если в 2001 г. на трехстах предприятиях 13 тыс. человек не отработали 25,9 тысяч человеко-дней, то в 2002 г. в 88 организациях 5 тыс. человек не отработали 29 тысяч человеко-дней.[29]

Социальное самочувствие россиян улучшалось не столько за счет реального роста уровня жизни, сколько за счет ощущения большей стабильности и надежд на скорые перемены к лучшему. Наиболее интенсивными были такие надежды в 2000 г. Показательна в этом отношении динамика ответов россиян на вопрос: «Как Вы полагаете, наступающий год лично для Вас будет в целом лучше, хуже, или таким же, как уходящий год?». В декабре 1998 г. ответили «лучше» 21% россиян, в декабре 1999 г. — 41%, в декабре 2000 г. — 46%. Затем надежды на быстрые перемены к лучшему поубавились. В декабре 2001 г. так ответили только 36%, а в декабре 2002 — 38%[30] . Вместе с тем, в 2002 г. по сравнению с 2001 годом увеличилось (с 40% до 47%) число тех, для кого ушедший год был «таким же», и не изменилась доля тех, для кого 2002 год был хуже, чем 2001 г. (23% и 22% соответственно)[31] . В целом в 2002 г. появились признаки уменьшения оптимизма. Позитивные сдвиги оказались не столь заметными, как ожидалось. У россиян возникло ощущение, что хотя прежняя нестабильность, вызванная слабостью экономики, общим хаосом, безответственностью власти, преодолена, но кардинальных улучшений не произошло. Появляется неудовлетворенность темпами позитивных изменений. В комментариях аналитиков возникает слово «застой» как объяснительный концепт такой социально-экономической ситуации, когда исчезают надежды на реализацию жизненных планов в ближайшем будущем; закрепляются, становятся институциональными правилами негативные практики (например, коррупция).

Поскольку в нашем исследовании присутствуют номинации «человек с будущим» и «человек без будущего», посмотрим, как россияне воспринимают будущее. В 2003 г. выяснялось, какие группы россиян в большей степени склонны планировать собственное будущее.[32] Россиянам был задан вопрос: «Вы строите или не строите планы на будущее? И если строите планы, то только на ближайшее будущее, только на отдаленное будущее или и на ближайшее, и на отдаленное будущее?». Оказалось, что не строят никаких планов, т. е. живут, подчиняясь течению со-

бытий, 44% опрошенных. «Короткие», только на ближайшее будущее планы у 35% опрошенных. Чаще это люди со сравнительно большими социальными ресурсами: молодые, образованные, состоятельные. Сказали, что строят планы и на ближайшее, и на отдаленное будущее, всего 17% россиян. Стратегическое планирование, т. е. определение своего ближайшего и отдаленного будущего, — прерогатива молодежи, да и то далеко не всей. Среди самых молодых (18-35 лет) таких — 32%. Строят планы только на отдаленное будущее (по сути, предаются мечтам) 2% россиян. Таким образом, большая часть россиян, даже активного возраста, не планирует свое будущее, а предпочитает жить сегодняшним днем. Социальное самочувствие большинства россиян в контексте ощущений стабильности можно охарактеризовать как «неустойчивое равновесие». Это же самоощущение сохраняется и в последующие годы. Снижение безработицы, рост доходов придали части россиян (в основном, высокоресурсным группам — молодым, образованным, живущим в крупных городах) ощущение стабильности и сформировали ожидания дальнейших положительных сдвигов. Но многие ощущают свою жизненную ситуацию как тупиковую, лишающую их надежды на будущие улучшения. Доминирующие настроения в этих группах — апатия, пассивное приспособление, отсутствие представлений (и доступной информации) о возможных стратегиях улучшения своего положения. Но замечаются и настроения диффузной агрессивности, которые выливаются в бытовое насилие или межнациональные конфликты.

Сдерживает оптимизм россиян не только медленное улучшение благосостояния, но и тревожные симптомы нестабильности в мире. Появились внешние угрозы, прежде всего угроза терроризма.

Политическая ситуация. К середине 90-х годов в России стали очевидными центробежные тенденции. Речь зашла об автономизации регионов. В 1994 г., в целях сохранения Федерации, главы регионов подписали с центральным правительством Договор об общественном согласии, но это мало изменило ситуацию. К концу 90-х годов Россия представляла собой федерацию, практически не управляемую из центра. Поэтому первой масштабной реформой, которую начал В. Путин, став президентом, была реформа административного управления, целью которой было укрепление (а фактически создание) единого правового пространства. После того, как изменился порядок формирования Совета Федерации, главы регионов лишились статуса политиков общефедерального масштаба. Назначенные центральной властью главы федеральных округов пытаются (с разной степенью успешности) под лозунгом контроля соблюдения общефедеральных законов главами регионов влиять на экономическую и политическую ситуацию на подконтрольных им территориях.

Недовольство значительной части населения медленными темпами улучшения жизни, коррупцией чиновников, и нерешенностью других больных проблем практически не сказывается на весьма высокой популярности Президента. В 2002 г. 50% россиян утверждали, что деятельность Путина отвечает интересам таких людей, как они. Так же, как и в 2001 г., 61% опрошенных полагали, что в деятельности В. Путина было больше достижений, чем неудач, и только 13% — что неудач больше[33]. Популярность Президента сказывается на степени доверия граждан государственным институтам. В период правления Б. Ельцина сравнительно более позитивным было отношение россиян к Государственной Думе. Она получала больше положительных оценок, чем Президент и правительство[34]. Сейчас самый популярный государственный институт — администрация Президента. С доверием к нему относится примерно четверть россиян, и этот показатель почти не меняется за весь период правления В. Путина. Государственная Дума занимала в 2002 г. шестое место в рейтинге доверия — такое же, как Совет Федерации (4%), после региональной (9%) и местной (13%) администрации, и после Правительства РФ (11%). Менее популярный, чем Государственная Дума, институт власти — только местные представительные органы (3%)[35].

Начало 1990-х годов в России отмечено ростом количества политических партий. К 1993 г. было зарегистрировано 37 национальных политических партий. Еще около 20 организаций, называющих себя партиями, функционировало, не оформив свой статус официально[36]. В большинстве случаев реальная численность партий ограничена количеством партийных функци-

онеров. Нет прямой зависимости между численностью партии, поддержкой ее населением и той ролью, которую играют ее лидеры в политической жизни страны.

Следствие отсутствия практики политической активности — крайне малый интерес к событиям партийной жизни. Виртуальный характер большинства политических партий — причина того, что более или менее стабильный интерес у россиян вызывают КПРФ и «партия власти», в каком бы организационном обличии она не выступала. Около двух третей граждан утверждают, что деятельность политических партий незаметна в их регионе, либо они ничего не знают об этом.

Рейтинги политических партий 2002 г. в целом соответствуют результатам голосования в 1999 г. За КПРФ в 2002 г. готовы были голосовать примерно 23% респондентов (на выборах 1999 г. КПРФ получила 15% от общего числа избирателей). За «Единую Россию» — 27% (на выборах 1999 г. у них в совокупности было почти 23%, если сложить голоса движений «Единство» и «Отечество — Вся Россия»), СПС, «Яблоко» и ЛДПР — до 4% голосов[37]. Поскольку политические партии не занимаются реальной деятельностью по защите интересов определенной части населения страны, их рейтинги зависят от рейтингов популярности лидеров и частоты их появления на телеэкране.

Политические реформы М. Горбачева и Б. Ельцина, закончившиеся принятием Конституции 1993 г., впервые за 70 с лишним лет российской истории привели к созданию ряда демократических институтов и процедур. Тем не менее власть в постсоветской России не меньше, а, возможно, и больше, чем в советские времена, отчуждена от общества, от потребностей и интересов рядовых граждан. Представители власти нередко пренебрегают правами человека, подтвержденными в Конституции, систематически нарушают закон, чинят произвол и насилие. Большинство российских политологов полагают, что предпосылки демократизации выглядят в сегодняшней России весьма слабыми по сравнению с противостоящими ей тенденциями.[38] Одна из причин этого — растущее отчуждение граждан от политических институтов, которые становятся инструментами манипуляции для консолидирующихся элит. Процесс консолидации элит, по мнению многих политологов, сочетается в России с растущим пренебрежением интересами основной массы населения.

И хотя перспективы дальнейшей демократизации страны выглядят сейчас туманными, стоит сказать, что большинство россиян ассоциируют со словом «демократия» позитивные смыслы[39]. Демократические права и свободы признаются важными подавляющим большинством россиян. Это, в первую очередь, альтернативные выборы, свобода прессы, право на получение плюралистической общественно-политической информации. От одной пятой до одной четвертой части россиян являются сторонниками развития страны в соответствии с моделью западной демократии с учетом ее национальных особенностей. Это меньшинство представляют в основном наиболее образованные, молодые, культурные и активные слои городского населения, и их удельный вес, возможно, возрастет по мере смены поколений самодеятельного населения. В этих слоях складываются основы новой для России демократической культуры.[40] Вместе с тем каждый третий участник опроса, проведенного в 2005 г. (34%), считает, что сегодня в России демократии слишком мало, потому что, — поясняли респонденты в ответ на открытый вопрос, не соблюдаются демократические права и свободы, отсутствуют законность и порядок, власть не принадлежит народу, простым людям живется плохо.[41]

Гражданское общество. С начала 90-х годов в России появляется большое количество неполитических общественных организаций. К 1993 г. зарегистрировано около 7 тыс. таких организаций. Самыми массовыми из них являются профсоюзы.[42] Локальные, местные сообщества не получили широкого распространения в постсоветской России.

Среди неполитических общественных институтов наибольшей популярностью пользуется православная церковь. Ей доверяют около трети россиян.[43] Но, если учесть, что считают себя православными 50% россиян, это немного.[44]

С профсоюзами ситуация выглядит еще более плачевно. Членами профсоюза признают себя примерно четверть опрошенных, но только 11% сказали, что профсоюзы защищают их интересы.[45] Считают себя членами других общественных орга-

низаций 2% россиян. Политолог В. Б. Пастухов утверждает, что говорить о гражданском обществе в нашей стране «могут только люди с сильно развитым воображением».[46] Такое мнение не разделяют, однако, лидеры реально действующих в России независимых общественных организаций. Это несовпадение или даже противоположность оценок во многом объясняется различием «точек отсчета» — тех референтных моделей, с которыми сравнивается нынешняя российская ситуация. Если такой моделью служит некий идеальный тип гражданского общества, сконструированный на основе западноевропейского и североамериканского опыта, выводы получаются крайне негативные. Если же сравнивать Россию начала XXI в. с советским обществом времен Л. Брежнева и Ю. Андропова, прогресс гражданского общества несомненен. В постсоветской России существует важнейшая институциональная предпосылка гражданского общества — вполне реальное право граждан на формирование самодеятельных независимых общественных организаций. Это право реализуется в деятельности десятков тысяч общественных объединений и организаций. Сколько-нибудь точная статистика здесь вряд ли возможна. Разные авторы приводят различные и, очевидно, весьма приблизительные и ориентировочные цифры — от 30 000 до 100 000. Более точные числа дает официальная статистика негосударственных и немуниципальных некоммерческих организаций: согласно ей, таковых в стране на 1 января 2000 г. было 275 тысяч, из них 70 тысяч вели активную реальную деятельность, в которой участвовало около 2,5 млн человек, включая штатных сотрудников и добровольцев.[47]

Проблема, однако, в том, что эти многочисленные общественные организации представляют собой главным образом небольшие группы, ориентированные на самопомощь. Но и о работе влиятельных общественных организаций в стране знают мало. В условиях крайней атомизации российского общества, слабости межгрупповых и межрегиональных связей опыт некоммерческих организаций остается за пределами когнитивных горизонтов массового сознания. Ситуация информационного вакуума, в котором действуют институты гражданского общества, в принципе могла бы быть в той или иной мере преодолена при помощи средств массовой информации, но в действительности этого не происходит. Отсутствие реального интереса большинства СМИ (прежде всего наиболее массового и влиятельного из них — телевидения) к конкретной практике гражданского общества, очевидно, неслучайно. Оно связано с общим вектором эволюции массовой информации в России. Как отмечают исследователи данной проблемы, переход господствующего положения в системе СМИ от газет и журналов к телевидению сопровождается растущей коммерциализацией последнего и его ориентацией на развлечение и сенсационность в ущерб осмыслению происходящего, «отстраненность, неучастие, взгляд со стороны» на события общественной жизни.[48]

Итак, в 2002 г., когда было проведено повторное исследование, в социально-экономическом положении России обозначились тенденции, в целом сохраняющиеся до настоящего времени. Наиболее существенные из них это: а) рост экономики, стимулированный инфляцией после дефолта 1998 г., и замедлившийся к 2004 г.; б) медленный, но неуклонный, без срывов рост благосостояния населения. Вместе с тем уровень реальных доходов населения Россия примерно на четверть ниже уровня, сложившегося к началу периода экономических реформ;[49] в) растущая имущественная дифференциация при высоком уровне бедности порождает ощущение социальной нестабильности; г) доминирующие настроения — неудовлетворенность темпами позитивных изменений при некотором росте оптимизма; д) рост отчуждения между основной частью населения и элитами, что выражается в снижении уровня доверия граждан государственным институтам и крайне малом интересе к событиям партийной жизни; е) по сравнению с периодом Советской власти в России появилось довольно много независимых профсоюзов и действительно общественных организаций, однако темпы развития институтов гражданского общества отстают от необходимых для данного этапа развития страны.

---

[1] Социально-экономическое положение России. М., Росстат, 1999. С. 290.

[2] Основные итоги всероссийской переписи населения 2002 г. М., Росстат, 2003, С. 8.

[3] Социально-экономическое положение России. М., Росстат, 2002. С. 237
[4] Там же. С. 238.
[5] Информация о социально-экономическом положении России. М., Росстат, 2003. Январь. С. 72; Россия в цифрах. М., Росстат. 2005. С. 73.
[6] Основные итоги всероссийской переписи населения 2002 г. М., 2003. С. 15.
[7] *Чирикова А. Е.* Региональные элиты и региональные процессы: власть и политика // Россия реформирующаяся. М.: Academia, 2002. С. 13–14.
[8] Социально-экономическое положение России. 1999. С. 7–8.
[9] Социально-экономическое положение России. 2002. С. 260.
[10] Там же. С. 268.
[11] Россия в цифрах. Росстат. М., 2005. С. 32.
[12] http://pda.utro.ru/news
[13] *Козырева П. М., Герасимова С. Б., Киселева И. П., Низамова А. Э.* Динамика социального самочувствия россиян // Россия: трансформирующееся общество. М.: Ин-т социологии РАН, 2001. С. 244.
[14] Данные для 2000 — 2004 гг. приведены по: Россия в цифрах. С. 100. Данные для 2005 г. приведены по: http://pda.utro.ru/news
[15] Россия в цифрах. С. 105.
[16] Там же. С. 101.
[17] Социально-экономическое положение России. 2002. С. 211.
[18] Коэффициент Джини — показатель, характеризующий степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов населения от линии их равномерного распределения. Величина коэффициента может варьироваться от 0 до 1, при этом, чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы в обществе (Россия в цифрах. С. 97).
[19] Там же. С. 110.
[20] *Римашевская Н. М*. Неравенство в контексте распределительных отношений // Социальное неравенство в России: вызовы обществу и публичной политике. М.: УКГФ, 2005., С. 11-12.
[21] *Козырева П. М., Герасимова С. Б., Киселева И. П., Низамова А. Э.* Эволюция социального самочувствия россиян и особенности социально-экономической адаптации (1994–2001) // Россия реформирующаяся. М.: Academia, 2002. С. 194.
[22] *Радаев В. В.* Работающие бедные: велик ли запас прочности? // Социологические исследования. 2000. № 8. С. 28–37.
[23] Опрос Фонда «Общественное мнение» 30-31 марта 2002 г. по репрезентативной общероссийской выборке (1500 человек).
[24] Социально-экономическое положение России. 2002. С. 62–63.
[25] *Радаев В. В., Шкаратан О. И*. Социальная стратификация. М., 1995. С. 46–47.
[26] *Беляева Л. А.* Социальная стратификация и средний класс в России. М.: Academia, 2001. С. 15.

[27] Там же. С. 42, 43, 45.
[28] В Фонде «Общественное мнение» в мониторинговом режиме (еженедельные опросы) замеряется уровень адаптации — размеры групп, определяемых по ответам на вопросы: «Сможете ли Вы в ближайшие год-два повысить свой жизненный уровень, жить лучше, чем сегодня?» и «Удалось ли Вам найти свое место в сегодняшней жизни?»: оптимисты — ответившие «да» на первый вопрос; адаптированные пессимисты — ответившие «да» только на 2-й вопрос и «нет» или «затрудняюсь ответить на 1-й вопрос; неадаптированные пессимисты — остальные, кроме затруднившихся с ответом на оба вопроса.
[29] Социально-экономическое положение России. 2002. С. 236.
[30] Опрос Фонда «Общественное мнение» 7–8 декабря 2002 г.
[31] Опрос Фонда «Общественное мнение» 15–16 декабря 2001 г. и 7–8 декабря 2002 г.
[32] Опрос Фонда «Общественное мнение» 2–3 августа 2003 г.
[33] *Кертман Г. В*. Путин: предварительные итоги // Десять лет социологических наблюдений. М.: Фонд «Общественное мнение», 2003. С. 270.
[34] *Климова С. Г.* Политический конфликт или конфликт среди политиков? // Власть. 1998. № 3. С. 8.
[35] Опрос Фонда «Общественное мнение» 19–20 января 2002 г.
[36] Тенденции социокульурного развития России. 1960–1990 годы. М.: РАН, Министерство культуры РФ, Российский институт культурологии, 1996. С. 240.
[37] По данным опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» 25–26 мая 2002 г.
[38] *Красин Ю. А*. Демократия в России: коридор возможностей // Россия реформирующаяся. Ежегодник–2004, М.: Ин-т социологии РАН, 2004. С. 359.
[39] По данным опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение», 26–27 марта 2005 г.
[40] *Дилигенский Г. Г.* Путин и российская демократия (размышления по результатам опросов 2000 г.) // http://bd.fom.ru/report/map/d010130
[41] По данным опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение», 26–27 марта 2005 г.
[42] Тенденции социокульурного развития России. 1960–1990 годы. М.: РАН, Министерство культуры РФ, Российский институт культурологии, 1996. С. 239.
[43] По данным опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» 4–5 мая 2002 г.
[44] *Чеснокова В*. Воцерковленность. Феномен и способы его изучения // Десять лет социологических наблюдений. М.: Фонд «Общественное мнение», 2003. С. 113.
[45] По данным опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» 12–13 июня 2001 г.

[46] *Пастухов В. Б.* Гражданское общество в России: Проблемы самоопределения и развития. М., 2001. С. 20.

[47] *Якимов В.* Создание работающих механизмов социального взаимодействия — шанс для возрождения России // Профессионалы и сотрудничество. М.: Кеннан; ЧеРо, 2000. Вып. 4. С. 155–156.

[48] *Дубин Б.* От инициативных групп к анонимным медиа: Массовые коммуникации в российском обществе // Pro et Contra. 2000. № 4. С. 55–56.

[49] http://www.demoscope.ru

1-1-2. Социально-экономическая ситуация: Польша

Л. С. Лыкошина

Национально-демографическая ситуация. Нынешняя Польша — одно из немногих мононациональных государств Европы (nation-states). В результате изменения границ после Второй мировой войны, массовых переселений 40-х годов XX в. образовалось этнически однородное государство, отличающееся от межвоенной Польши, раздираемой национальными конфликтами. По данным социологических опросов начала XXI в., 99 % респондентов в Польше идентифицируют себя как поляков и 94 % из них гордятся этим.

Интересно, что национальная идентификация все еще имеет и региональные параметры, в частности, что касается населения территорий, некогда входивших в состав России, Пруссии и Австрии. Именно в последнем регионе (т. е. бывшей Галиции) больше всего поляков только польской идентификации и меньше всего — двойственной, и число сторонников последней растет по мере продвижения на северо-запад. Этот факт сочетается с традиционно более правой политической ориентацией бывшей Галиции.

По прогнозам демографов, к 2010 г. в Польше численность населения вырастет с 38 млн до 40,2 млн человек, при этом значительно увеличится число лиц старшего возраста[1]. С 1989 г. уровень рождаемости в стране не обеспечивает простого воспроизводства населения. Вряд ли в ближайшем будущем можно ожидать радикальных перемен. Хотя молодые поляки и декларируют в числе приоритетных ценностей наличие семьи и детей, но эти декларации отнюдь не совпадают с реальным положением дел.

Экономическое развитие. За 15 лет экономических реформ Польша добилась весьма впечатляющих успехов. ВВП с 1989 г. по 2002 г. вырос на 30 % (по этому показателю Польша — абсолютный лидер в Восточной Европе). Но триумфальный полет «польского орла» к вершинам экономического развития в конце 1990-х годов заметно осложнился. В 2000 г. темпы экономического роста Польши резко снизились (до 1 %). Это был самый низкий показатель среди стран, стремившихся в тот период вступить в ЕС.

В последние годы наметилось сокращение иностранных инвестиций: с 10 млрд долл. в 2000 г. до 6,7 млрд долл. в 2001 г. и 6 млрд долл. в 2002 г. Причем это сокращение происходит на фоне роста иностранных инвестиций у соседей Польши — Чехии и Венгрии. В 2002 г. на душу населения Польша приняла 1100 долл., а Чехия — 37000 долл.

По мнению многих польских экономистов, причина трудностей польской экономики — в низкой конкурентоспособности, обусловленной незавершенностью экономических реформ и структурной перестройки экономики. Бесконечная реформа угольной и горнодобывающей промышленности, монополия в газово-энергетическом комплексе, обусловливающая высокие цены на энергоносители, — вот главные беды польской экономики. Эти беды усугубляются слабым развитием рыночных отношений в сельском хозяйстве, где 80 % бюджетных дотаций идет на выплату пенсий и пособий.

Весьма неблагополучна структура польского экспорта: в Германию, являющуюся основным внешнеторговым партнером страны, польский экспорт лишь на 31 % составляют продукты высокой технологии (тогда как в Венгрии аналогичный показатель 72, в Словакии — 56, в Чехии — 50%).[2] Однако несмотря на проблемы, динамика развития польской экономики скорее положительная: в 2004 г. темпы экономического роста состави-

ли 5,5 %, страна вступила в ЕС, что несомненно открывает перед Польшей новые перспективы[3].

Уровень жизни населения. Современный среднестатистический поляк в 2,5 раза беднее, чем среднестатистический житель ЕС. Уровень благосостояния в Польше в 2 раза ниже, чем в самых бедных странах ЕС — Португалии и Греции. Между тем в Словении уровень жизни составляет 72 % от среднего по ЕС, в Чехии — 60, в Венгрии — 52, в Словакии — 48 %. Чтобы достичь уровня Словении, Польше, по расчетам Европейской комиссии, потребуется 33 года (Чехии — 15, а Венгрии — 11 лет).

Польша остается пока рекордсменом и по уровню безработицы, которая в 2002 г. составила 19,3 % и 20,6% в 2004 г., тогда как в странах ЕС эта цифра составляет около 8,5 %[4].

Значительная часть средств в домашних хозяйствах расходуется на продукты питания, что позволяет говорить о соответствии польской структуры потребления моделям, характерным для бедных стран. Хотя расходы на продукты велики, 38 % семей не могут купить достаточного количества мяса, 27% — сахара и сладостей, 26% — овощей. На исходе 1990-х годов 30 % семей не имели в своих квартирах центрального отопления и горячей воды.

В целом расходы на питание и оплату жилья отнимают у поляков около половины доходов. Тем не менее поляки не считают наличие цветного телевизора, стиральной машины, видеомагнитофона проявлением благополучия семьи, а сами эти предметы не относят к предметам роскоши. Степень насыщенности польских семей этими товарами составляет 50–80 %[5]. Представление о бедности достаточно субъективно. Во всяком случае в Польше нет единого, общепринятого представления о границе бедности. По самым приблизительным подсчетам, в конце 1990-х годов около 15 % поляков проживали в домохозяйствах, живущих за чертой бедности. Причем имеет место тенденция к сокращению численности таких семей[6].

Социальная структура. Последнее десятилетие XX в. стало для Польши временем глубоких перемен, что, естественно, проявилось во всех сферах жизни общества. Не стала исключением и социальная структура, в трансформации которой в полной мере отразилось изменение парадигмы общественно-политического и экономического развития страны. Численность рабочих в современной Польше имеет тенденцию к сокращению. Качественно новая ситуация на рубеже 1980–1990-х гг. сложилась для польского среднего класса. В успешном становлении этого социального слоя не только либералы, но и иные политические силы в Польше усматривают залог стабильности и процветания страны, в нем видится ключ к решению мучительных проблем социальной трансформации. Известно, что одной из основных характеристик среднего класса является обладание той или иной формой собственности. Вопреки ожиданиям, быстро создать общество, подобное тому, которое существует в развитых европейских странах, оказалось невозможным, и в результате процесса трансформации сложилось особое состояние общества, сочетающее в себе элементы как старой, так и новой системы. В контексте вопроса о собственности это проявилось, в частности, в появлении некой (по определению Я. Станишкис) «гибридной собственности», сочетающей старую общественную с новой частной. Самым значительным инвестором остается государственная администрация. Крупный капитал, в значительной степени номенклатурный, представлен как немногочисленный социальный слой. Облик польского капитализма определяют скорее гораздо более многочисленные мелкие и средние собственники и средние предприниматели. Предпринимательство в Польше нацелено прежде всего на достижение престижного потребления в ущерб целям развития. В частном секторе преобладающее большинство занятых работают на предприятиях торговли, где штат составляет лишь несколько человек. Польские предприниматели главным образом происходят из рабочих и крестьян, реже — из интеллигенции, еще реже — из мещан.

Однако по целому ряду характеристик представители мелкого и среднего бизнеса не совсем соответствуют параметрам современного среднего класса. В значительно большей степени таковым может соответствовать польская интеллигенция при условии ее модернизации. Собственность как атрибут среднего класса, применительно к интеллигенции, представлена в виде интеллектуальной собственности, но приносящей доход, более легко измеряемый в соответствии с материальными критерия-

ми. Открытое мышление и «интеллектуальная гибкость» стали в Польше конца XX — начала XXI в. определяющими факторами карьерного роста. Исследование последнего, понимаемого как последовательное исполнение определенных профессиональных ролей с момента выхода на рынок труда, показывает, что в Польше 1990-х годов именно интеллектуальная гибкость в большей мере определяла успех карьерного роста, чем унаследованное от родителей социальное положение, и даже уровень образования.

Крестьяне — самый многочисленный социальный слой в современной Польше. В 1990-е годы сложилась парадоксальная ситуация, когда именно крестьяне, владельцы частной собственности оказались решительными противниками рыночных реформ. Оказалось, что социализм, с одной стороны, тормозил развитие наиболее современных хозяйств, а с другой — был условием их существования, так как обеспечивал дешевые кредиты, относительно стабильные цены и устойчивый рынок сбыта. В определенном смысле социализм законсервировал польское крестьянство, составляющее около 30 % населения, что намного больше, чем в США (2,8%), но сопоставимо с такими странами, как Греция или Италия. Почти 90 % крестьян имеют начальное или неполное среднее образование, значительно отстают от остального населения по степени участия в культуре (чтение книг, газет, посещение театров, музеев и т. п.), но зато по степени обладания телевизорами крестьяне почти догнали остальное население.

Специфика положения польского крестьянства в послевоенный период во многом определялась последствиями таких факторов исторического прошлого, как перенаселенность деревни, медленные темпы модернизации, осуществляемой сверху и во многом по инициативе государства, слабая вовлеченность крестьянства в процессы формирования национального самосознания, создания институтов гражданского общества.

Социалистическая модернизация была отличной от западного опыта попыткой прорыва сельского хозяйства и выхода его на уровень современных требований, попыткой весьма неоднозначной, но все же позволившей достичь определенного уровня технической оснащенности. Несмотря на то что в Польше не было коллективизации, процессы модернизации тоже оказались заблокированными.

Вступление Польши в Европейский Союз открывает перед польским селом (во всяком случае перед теми его жителями, которые сумели приспособиться к новым условиям жизни) хорошие перспективы, связанные со структурной перестройкой сельского хозяйства и весьма внушительными дотациями ЕС на развитие сельского хозяйства.

Социальное самочувствие поляков. Социальная дифференциация польского общества во многом предопределяет различия в социальном самочувствии людей, относящихся к разным социальным слоям. Представители привилегированных групп, как правило, отличаются явно более высокой степенью «ментальной открытости», т. е. способности к восприятию нового, готовности к переменам. Причем такое положение вещей характерно как для развитых капиталистических стран, так и для Польши, о чем свидетельствуют соответствующие социологические исследования, проводившиеся в стране как в 1970-е, так и в 1990-е годы. Этот факт подтверждает гипотезу «трансферта жизненного опыта», согласно которой на специфику менталитета той или иной личности влияет так называемая «ситуация труда», в частности степень самостоятельности личности в принятии решений в процессе труда.[7]

Одной из социальных категорий, в характеристику которой не входит высокая степень самостоятельности в принятии решений в процессе труда, являются рабочие. Исследования специфики этой социальной категории в частности и «низших» классов в целом, проведенные в последние десятилетия в Западной Европе, показали, что этим социальным группам свойственно состояние психического дискомфорта по сравнению с «высшими» классами.

Примечательно, что польские исследования 1970-х годов дали совершенно противоположные результаты. Положение в корне изменилась в 1990-е годы. В период системной трансформации польские рабочие оказались в той же ситуации психологического дискомфорта, что и их собратья в развитых капиталистических странах.

Единство интеллигенции и квалифицированных рабочих, сложившееся в 1990-е годы, утрачивает свою актуальность. Новые условия жизни все дальше разводят прежних союзников по борьбе с коммунизмом, поскольку интеллигенция демонстрирует максимальную социальную мобильность и способность приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни. В отличие от многих западных стран, именно работники умственного труда составляют в Польше большинство членов профессиональных союзов, в стране функционируют специфические, характерные только для интеллигенции профсоюзные объединения, нацеленные прежде всего на кодификацию этических норм профессиональной деятельности (Польская туристическая палата, объединение свободно практикующих врачей, объединение адвокатов и т. д.).

В сегодняшней Польше представители «высших» социальных слоев проявляют больше терпимости, больше моральной ответственности, доверия к людям и склонности поддерживать перемены, чем представители «низших» социальных слоев. Именно индивидуализм в большей степени соответствует склонности личности к самореализации и открытости мышления. Однако на свое будущее польские предприниматели смотрят с пессимизмом. Причины этого — недостаточная защита со стороны государства и собственно предпринимательских объединений, высокие налоги, несовершенное законодательство и многое другое.[8]

Не отличаются оптимизмом и крестьяне. Ценностные ориентации нынешнего польского крестьянства весьма далеки от прорыночных: преобладающее большинство считает, что жизнь при социализме была лучше и справедливее, чем в настоящее время; крестьяне чаще, чем другие категории населения высказываются за централизованное управление экономикой; среди населения польских деревень чаще встречаются противники вступления страны в ЕС.[9] Однако среди польского крестьянства можно выделить категорию хозяев, демонстрирующих иную ориентацию, которую правомерно классифицировать как фермерский или профермерский тип мышления, для которого характерны прорыночные и индивидуалистские установки и ориентиры. Эта категория чаще встречается среди владельцев крупных, механизированных хозяйств, обладающих относительно высоким образовательным уровнем и, как правило, принадлежащих к более молодой возрастной категории[10].

Очевидно, именно эта часть крестьянства имеет максимальные шансы трансформироваться в представителей среднего класса. Интересно, что в основном носители такого типа сознания сосредоточены в северных и северо-восточных районах Польши, т. е. в землях, которые в период разделов XVIII в. отходили к Пруссии.

Политическая ситуация. В 2003–2004 гг. польские политики, публицисты и аналитики, следящие за развитием политических процессов в Польше, единодушно заговорили о кризисе власти и кризисе государства. Доказательством служили, в частности, фиксировавшееся социологическими опросами снижение доверия к правительству, сообщения о все новых и новых экономических аферах с участием высокопоставленных должностных лиц, передаваемые польскими СМИ, непрекращающийся рост безработицы и другие трудности в экономике.

Некоторые политические силы в Польше (в частности правая партия «Право и справедливость») выступают даже с идеей IV Речи Посполитой, которая сменила бы переживающую кризис III Речь Посполитую. Это означает принятие новой конституции и создание нового политического порядка.

Идея IV Речи Посполитой вызывает в стране неоднозначное отношение, поскольку институциональные структуры польской демократии работают, в принципе, совсем неплохо, что самым причудливым образом сочетается с наличием множества проблем.

Согласно исследованиям Центра исследования общественного мнения (ЦИОМ), осенью 2003 г. 50 % населения страны полагало, что политическая система плоха и нуждается в серьезных переменах, примерно столько же считало, что их частная жизнь не зависит от того, живут ли они в тоталитарном или в демократическом государстве[11].

Уместно в связи с этим поставить вопрос о том, а как вообще поляки относятся к демократии, этому ключевому фактору трансформации и формирования политической системы. Со-

вершенно очевидно, что это отношение определяется главным образом функционированием не просто демократии где-то там, в идеальном мире, а функционированием польской демократии. Самые высокие оценки польская демократия получила в 1996–1998 гг., а самые низкие — в 2002 и 2003 гг. Причем оценка демократии зависит от политических убеждений респондентов; от того, идентифицируют ли они себя с правящей в данный момент элитой. Низкая оценка демократии в 2002–2003 гг. сочеталась с убежденностью в стабильности демократической системы (73% в 2002 г.) и поддержкой самих «правил демократической игры». Только 14 % респондентов были бы довольны роспуском парламента и прекращением деятельности политических партий.

По данным Института Пентор, чаще всего демократию поддерживают люди молодые, обладающие высокими доходами, а реже всего — люди старше 50 лет, живущие в деревне и обладающие низким образовательным уровнем. Поляки мало ценят Сейм, не уважают политиков, не любят политические партии, мало интересуются политикой (отсутствие интереса к политике декларируют более 50%), но вместе с тем признают ее значимость.[12] Можно констатировать, что, осознавая недостатки демократии, польское общество в принципе не видит ей альтернативы.

Очевидно, оценки демократии и ее реально действующих институтов могли бы быть выше, если бы не специфика польского политического класса, которая, по мнению известного социолога Я. Станишкис, состоит в тесной связи политики и капитала. «В нашей стране, — полагает она, — нельзя сколотить капитал, если ты не связан с властью. Именно этот механизм стирает границы между экономикой и государством»[13].

Таким образом, применительно к Польше можно говорить о политическом капитализме, где государство рассматривается политиками как средство обретения капиталов, а естественные механизмы рыночной экономики не действуют.

Возможно, прав президент А. Квасьневский, полагающий, что III Речь Посполитая просто прошла некий цикл своего развития и наступает время перемен. Президент считает, что после выборов 2005 г. польская политическая сцена должна принципиально измениться. Возможно, появятся новые партии, евро-

пейски ориентированные, обладающие мировоззренческой открытостью. Страна устала от нынешних партий и от давно известных политиков, которые, кажется, «были всегда». Тем более что сегодняшние польские политики — как правые, так и левые — не имеют четкой идейной ориентации[14].

Действительно, по наблюдениям социологов, элита все более консолидируется и дистанцируется от общества, становится социально более гомогенной. Исследования показывают, что в польской политической, административной и экономической элите конца 1990-х годов очень немного людей, совершивших беспрецедентный социальный взлет; иными словами, революционной смены кадрового состава не произошло. Среди новой элиты преобладают люди так называемого «второго эшелона» прежней системы, причем каждый четвертый представитель новой элиты принадлежал к таковой и до 1989 г. Исторически сложившееся деление на «мы» и «они», так часто употребляемое в политической публицистике, вряд ли применимо к элите, если под этим делением понимать «левицу-правицу» (именно так в польской научной и публицистической литературе принято называть левых и правых. Как правило, эта терминология используется и российскими исследователями).

Между членами элиты нет серьезных расхождений в вопросе об основных параметрах сложившейся системы. В качестве таковых признаются демократия и рынок. Это не исключает, однако, споров о том, какими должны быть демократия и рынок. Даже достаточно серьезные расхождения в мировоззрении не переходят существующих границ системы. Этот факт, несомненно, свидетельствует о принятии демократических принципов политической элитой страны.

При всех проблемах и сложностях бытия, правомерно констатировать, что закон политического маятника отчетливо проявился в жизни страны на рубеже XX–XXI вв. Осенью 2001 г. на очередных парламентских выборах польские левые — Союз демократических левых сил (СДЛС) — набрали более 40 % голосов избирателей и СДЛС стал лидером парламентской гонки. Политический маятник в стране решительно качнулся влево. Поражение прежних хозяев польского сейма стало воистину сокрушительным: они даже не вошли в парламент. А ведь

это были политические силы, связанные с «Солидарностью» (Избирательная акция «Солидарность» — ИАС), с системными реформами и их лидером Л. Бальцеровичем (Союз Свободы — СС). Победа левых ни для кого в Польше не стала неожиданностью: ее предсказывали, ее ждали. Итоги выборов 2001 г. стали «вторым пришествием» левых к власти: первое произошло в 1993 г., когда социал-демократы в союзе с Польской крестьянской партией образовали правящую коалицию в Сейме.

Новый век Польша встретила с президентом «социал-демократического происхождения» и с парламентом, где первую скрипку играют представители той же политической формации. Казалось, все благоприятствует успеху левых и, соответственно, успеху страны.

Однако объективные условия, в которых приходится действовать социал-демократам, достаточно сложны, что связано в первую очередь с серьезными экономическими и социальными проблемами, переживаемыми Польшей в начале XXI в.

Экономика требует ограничения расходов государства, рационализации системы социального обеспечения, ограничения всевластия профсоюзов — всего того, что никак не вписывается в рамки программы левой ориентации. По сути, правительство должно проводить либеральную политику, иногда для маскировки называемую прагматической.

Очевидно, маскировка не удалась. Во всяком случае, в конце 2003 г. 83 % поляков считали, что СДЛС не заботится о бедных и слабых; 72 % полагало, что левые не слышат голоса общества, не помогают предприятиям, переживающим трудные времена, не облегчают старт молодежи из бедных семей, 63 % респондентов считали партию социал-демократов партией нечестных людей. Только 40 % поляков считали, что левые — это действительно левые[15]. Таким образом, очевидно, что в глазах общества партия в значительной степени утратила свою левую идентичность.

Осенью 2003 г. впервые после парламентских выборов 2001 г. левые в опросах общественного мнения уступили место правым. Нынешние польские правые представлены партиями «Гражданская платформа» (ГП), «Право и Справедливость» (ПиС), а также Лигой польских семей (ЛПС).

ГП и ПиС имеют достаточно целостные программы. ГП делает акцент на либеральную экономическую программу, ПиС — на сильное государство, жесткие законы и борьбу с преступностью. Экономическая программа ПиС менее жестко-либеральная, чем у ГП и явно имеет оттенок некоторой социальности. Обе группировки имеют сходные позиции в области внешней политики: несколько различаются в нюансах отношений с Европой и совершенно едины в проамериканской ориентации.

ЛПС придерживается совершенно иной внешнеполитической ориентации, выступает против европейской интеграции, видя в ней угрозу национальной идентичности. В сфере экономики ЛПС выступает с протекционистских и антикапиталистических позиций. Эти программные особенности партии не позволяют ей органически вписаться в правый спектр и войти в коалицию с другими правыми силами, и, по-видимому, ЛПС обречена на изоляционизм.

Парламентские выборы 2005 г. ознаменовались победой правых партий. ПиС стала лидером, а ГП, немного уступив ей, заняла второе место.

Представляется правомерным причисление Польши к числу трансформирующихся или предгражданских обществ, ставящих перед собой задачу построения правового государства и гражданского общества.

Гражданское общество. Идея гражданского общества, имеющая трехвековую историю, в очередной раз стала объектом повышенного интереса в 1980–1990-е годы. Причем эта идея для всей Восточной Европы имеет особое значение. Ведь в известном смысле сущностным содержанием всей послевоенной истории в этом регионе стала борьба за гражданское общество.

Хотя этот термин долгое время не имел широкого употребления в данной части Европы, само понятие толковалось, особенно с появлением диссидентского движения, как «независимая культура», «альтернативное общество», «самоуправляющееся общество» и др. В публицистике нередко «общество» понималось как «общество гражданское». Собственно термин «гражданское общество» применительно к Восточной Европе стал использоваться применительно к профсоюзу «Солидар-

ность», который рассматривался нередко как его реальное воплощение.

Демократическая оппозиция своим влиянием на общественное сознание, своей практической работой по инициированию самоорганизации общества в значительной степени способствовала созданию определенного контекста становления гражданского общества в стране. Причем особую значимость имеет самое внимательное отношение к конкретным особенностям данного общества. Применительно к польскому обществу важно учитывать его особое отношение к государству. В силу своеобразия исторического развития и отсутствия на протяжении длительного времени собственной государственности у поляков сложилось недоверчивое и враждебное отношение к государственным органам, настолько устойчивое, что его не удалось преодолеть в краткий период государственной независимости Польши в межвоенное двадцатилетие.

Характер взаимоотношений между обществом и государством предопределил и особую роль таких социальных институтов, как интеллигенция и церковь. Именно они в значительной степени создавали совершенно особенную общественную атмосферу.

Война, а также первые послевоенные годы, принесшие установление системы власти, не принимаемой значительной частью польского общества, отнюдь не способствовали изменению сложившегося стереотипа отношения к государству. Польское общество было весьма далеко от единодушного одобрения нового социалистического государственного устройства. В стране существовала как подпольная оппозиция с различными идейными принципами, так и оппозиция легальная. Не преувеличивая масштабы оппозиции, вместе с тем неправомерно отрицать ее влияние на жизнь польского общества.

В социалистической Польше, где была достаточно развита сфера частной собственности, сильны авторитет и значимость католической церкви и оппозиционных демократических движений, свидетельствующие о существовании своеобразного альтернативного общества, можно констатировать наличие элементов гражданского общества и в период, предшествующий возникновению «Солидарности». Но это не было гражданское общество в

его классическом варианте, называемом иногда обществом коммерческим и неразрывно связанным с рыночной экономикой. Это был скорее образец модели этического гражданского общества. Период трансформации не устранил столь характерное для Польши противостояние общества и государства. Мир власти, мир официальных учреждений остается по-прежнему чуждым, враждебным большинству поляков, а значит перспективы гражданского общества далеко не самые радужные.

Итак, для социально-экономического положения Польши в 2002 г. были характерны следующие наиболее существенные тенденции: а) замедление темпов экономического Роста к началу нового века, обусловленное незавершенностью структурной перестройки экономики; б) так же, как и в России, в Польше благосостояние населения в постсоциалистический период росло довольно медленно, высоким был уровень безработицы, но после вступления в ЕС острота безработицы стала смягчаться открытием для поляков рынков труда в западноевропейских странах; в) тенденции изменения социальной структуры в Польше характеризуются ростом (хотя и довольно медленным) среднего класса за счет рабочих, крестьян и отчасти интеллигенции; элитные слои формируются, в основном, за счет тех, кто входил в высший слой социалистической бюрократии; г) для политической ситуации в Польше характерно снижение доверия к властям и интереса к политике у основной части населения; отчуждение от элит происходит на фоне консолидации последних, что выражается в тесном альянсе политического класса и собственников; д) в отличие от России, в Польше сильны горизонтальные связи между гражданами, основой которых стали авторитет католической церкви и интеллигенции, которые являются для основной массы населения авторитетными источниками оценок и мобилизационных лозунгов.

---

[1] Raport o sytuacji polskich rodzin. Warszawa, 2002.

[2] *Balicka M*. Ogon, dawniej tygrys // Polityka. Warszawa, 2002. № 3. S. 59.

[3] *Кулерский В.* Хроника некоторых текущих событий // Новая Польша. Варшава, 2005. № 2. С. 19.

[4] Там же; *Balicka M*. Ogon, dawniej tygrys. S. 59.

[5] Raport o sytuacji polskich rodzin. S. 63, 66, 68.

[6] Polityka spoleczna w okresie transformacji. Katowice: Akad. ekon., 2000. S. 29.

[7] *Slomczynski K.* Pozycja spoleczna a cechy osobowosci: o wzajemnych relacji w okresie transformacji systemowej. Warszawa: IFiS PAN, 2000. S. 22.

[8] *Matuszak G.* Szkic do portretu nowej klasy sredniej w Polsce. Lodz: Uniw. Lodzki. Inst. Socjologii, 1993. S. 110.

[9] *Bielecki J.* Chlopi // Res Publica (Nowa). Warszawa, 1996. № 3. S. 42–43.

[10] *Gorlach K.* Chlopi, rolnicy, przedsiebiorcy: Klopotliwa klasa w Polsce postkommunistycznej. Krakow: Kwadrat, 1995. S. 13.

[11] CBOS. Komunikat z badan. Grudzien-2003. Preferencje partyjne. Warszawa, 2003. S. 12.

[12] *Fratczak-Rudnicka B.* Demokracja w swiadomosci zbiorowej // Demokracja polska, 1989–2003. Warszawa: Scholar, 2003.

[13] *Staniszkis J.* Co sie stalo z nasza klasa // Politycy. Warszawa, 2003. № 2. S. 19.

[14] *Kwasniewski A.* Jeszcze zatancze i zaspiewam // Dzis. Warszawa. № 47. S. 26.

[15] Lewicowosc na papierze // Rzeczpospolita. Warszawa, 2002. 2 pazd. S. 1.

1-2. Российский дискурс в Польше: образ России в конструировании польской идентичности*

Т. Зарицкий

Россия и Польша — периферийные страны Запада

Конструирование образа России в польском публичном дискурсе продуктивно рассматривается сквозь призму взаимоотношений двух стран периферии, которая конституируется структурной и экономической слабостью по сравнению с центром миросистемы, т. е., с широко определяемым Западом. Экономическая отсталость находит отражение в самых разных измерениях, репрезентациях себя и другого. При этом ощущение отсталости и подчиненности центру возникает в периферийных регионах самопроизвольно и часто доминирует в том, как страна воспринимается изнутри, и как ее воспринимают извне. Это в свою очередь порождает характерный для периферии комплекс неполноценности, проявляющийся в самых разных масштабах геополитической организации: от целых континентов до периферийных социальных групп, не имеющих четкой пространственной идентификации. Сопоставление направления экономических, политических и культурных влияний, стандартов жизни, эффективности организации социально-экономической жизни, а также общее благополучие центра на фоне переживаемых периферией проблем маргинализации, бедности, структурной неразвитости постоянно рождают психологический дискомфорт. Для обеспечения стабильности социальной системы

* Перевод с польского О. А. Оберемко.

последствия относительной депривации приходится контролировать прежде всего символическими средствами. Совладание с комплексом неполноценности становится ключевой задачей, и ответственность за ее решение ложится на элиты периферийных стран. Проблема компенсирования болезненного ощущения слабости и недостаток уважения со стороны центра встает в повестку не только оперативного политико-экономического управления, но и выработки долгосрочных политических стратегий по формированию национальной идентичности.

В польском политическом дискурсе Россия часто воспринимается негативно, как менее цивилизованная страна, представляющая для Польши военную, политическую или экономическую угрозу. При этом поляки сегодня в некотором отношении с большей открытостью и меньшей боязнью смотрят на Россию, чем многие народы на Западе. Хорошим примером может служить тот факт, что Польша, вводя в 2003 г. визовый режим для российских граждан (как и граждан Беларуси и Украины) вопреки мнению значительной части польского общества[1], уступила сильному давлению со стороны Европейского Союза. Следует подчеркнуть, что мы не претендуем на объективное и систематическое описание того, как Россия в настоящее время воспринимается в Польше. Мы рассмотрим, какие функции в конструировании польской национальной идентичности выполняют негативные аспекты образа России, представленные в польском общественном дискурсе.

В формировании современной польской идентичности образ России играет ключевую роль, выполняя в дискурсивных механизмах целый набор функций, связанных с компенсированием слабости периферийной Польши по сравнению с Западом. Образы России и Советского Союза практически не различаются и используются в польских дискурсах субнационального, национального и супранационального уровней.

В субнациональном контексте роль России может анализироваться с точки зрения конкретных социальных групп, в частности выделенных по политическому признаку. Главный политический раскол на левых и правых в позднекоммунистической и посткоммунистической Польше был связан с отношением к Советской России[2]. В стане правых преобладала жесткая линия бескомпромиссной борьбы с засильем Москвы, тогда как в стане левых господствовали прагматичные соображения в пользу сотрудничества с СССР. Сегодня этот раскол трансформировался в конфликт интерпретаций коммунистического прошлого. Неудивительно, что демонизация России особенно активно транслируется антикоммунистистами справа, и этот образ разделяется большинством поляков. Более сдержанные взгляды мы находит в левой части политического спектра, однако и там трудно найти горячих и безусловных поклонников России, поскольку польские левые элиты сохранили преимущественно прагматическую (некоторые сказали бы — оппортунистическую) установку по отношению к России.

Сегодня в интерпретации польской истории и конструировании польской идентичности доминируют антикоммунистические взгляды. Негативные образы России после падения коммунизма институциализировались в текстах учебников и масс-медиа. Сегодня отчетливо пророссийские настроения обнаруживаются только в некоторых, весьма специфических сегментах польской политической сцены, абсолютно не связанных с делением на левых и правых. Скорее оно постепенно замещается нарождающимся расколом между сторонниками и противниками вступления в ЕС. Пророссийскую риторику можно обнаружить, с одной стороны, среди националистически, консервативно настроенных правых, в частности в Лиге польских семей, а с другой — среди сторонников «Самообороны» Анджея Леппера. В обоих случаях Россия прагматически рассматривается как потенциальный партнер в геополитической игре, в частности, как противовес господству Запада, а не как источник культурного или политического вдохновения и тем более не как объект восхищения.

Дискурс польской национальной идентичности условно делится на два потока: один предназначен для международной, прежде всего западной публики, другой — для внутреннего потребления.

Можно выделить пять главных функций негативного образа России: (1) точка отсчета для переоценки слаборазвитости Польши; (2) фактор усиления европейской идентичности Польши; (3) объединяющая нацию угроза; (4) роль угнетателя — цен-

тральный пункт для формирования основанной на жертвенности польской идентичности; (5) сфера исключительной компетентности поляков.

Россия — объект для утешительных сравнений

Ключевая роль России в польском политическом дискурсе состоит в переоценке слабости Польши. Сравнение с Россией позволяет польским элитам снижать остроту внутренних проблем и одновременно открыто говорить о них, что принципиально важно, например, для поддержания доверия к себе. Иными словами, здесь можно видеть попытку релятивизировать дистанцию между Польшей и Западом. На фоне представлений о гигантском отставании России в социальном, экономическом и политическом развитии те же самые слабости Польши — отсталость в развитии, бедность, коррупция, общая хрупкость гражданского общества и т. п. — должны по идее восприниматься как несущественные или, по крайней мере, уже привычные в европейском контексте. Сравнение слабых сторон Польши и России позволяет укреплять самоуверенность в спорах с иностранцами, а дома исцеляться от недовольства. Последнее, по-видимому, возникает не столько из-за объективных проблем, сколько из склонности негативно воспринимать собственную страну и состояние ее экономических, социальных и политических институтов. Польский фатализм уже стал предметом академических исследований; социальный психолог Богдан Войцишке разрабатывает концепцию «польской культуры сожаления»[3]. С геополитической точки зрения в Польше можно обнаружить своего рода постколониальный синдром утраты иллюзий. Этот синдром пережили большинство стран после своего освобождения от внешней зависимости, которую они прежде считали единственным фактором, тормозившим социальное и экономическое развитие. Постколониальный (в данном случае посткоммунистический) синдром проявился и в том, что после того как длительный запрет на выражение недовольства центром (т.е. СССР) был снят, оно получило весьма интенсивное выражение вплоть до открытого отвращения.

Большинство польских газет и телеканалов рисует состояние дел в Польше в черных красках. Может даже сложиться впечатление, что страна неуклонно движется к полному краху. Ответы на вопросы «каковы причины?» и «кто виноват?» зависят от идеологических симпатий конкретного источника коммуникации, но пораженчество свойственно всем. В такой ситуации взгляд на Восток — самое простое утешение. Именно поэтому польские СМИ столь охотно пишут о любом промахе или слабости России. В самом деле, когда взаимодействуют поляки, россияне и граждане других стран Восточной и Центральной Европы, они постоянно отслеживают состояние друг друга, специально выискивая те слабости, которые могут служить доказательством нецивилизованности, некультурности и неевропейскости в целом. От пытливого взгляда почти невозможно уклониться, и это напоминает ситуацию в некоторых обществах на Западе, где классовые разломы повышают чувствительность к манерам, произношению, костюму и тому подобным вещам. Похоже, что шкала «центр — периферия» особенно важна для социальной стратификации именно в периферийных обществах, в которых разделения на классы обычно выражено не полностью. На периферии в межгрупповых и внутригрупповых отношениях степень интернализации культуры центра гораздо важнее обладания экономическими активами. Таким образом, в периферийных обществах культурный капитал играет исключительную роль.

Говоря о польском комплексе неполноценности, следует подчеркнуть, что, по данным многих опросов, поляки выражают гораздо более высокий уровень гордости за свою страну, чем в среднем на Западе. Более того, И. Курчевская[4], опираясь на данные эмпирических исследований, видит в неуважительном отношении поляков к восточным соседям явный комплекс превосходства. Можно согласиться, что этот феномен существует, и даже можно связать его с «имперским комплексом» поляков[5]. Однако Польша — такая страна, в которой постколониальный синдром (в форме посткоммунистического похмелья) уживается с постимперским синдромом. Последний питается прежде всего воспоминаниями о славном польско-литовском содружестве XVI–XVIII в. К этим историческим образам охладевали во времена, когда польского государства не существо-

вало, и интерес к ним пробуждался, когда речь шла о поддержании национальной идентичности. Несмотря на то что сегодня о территориальных претензиях большинство поляков уже не помышляет, убеждение в особом статусе Польши на международной арене, по крайней мере в восточноевропейском ареале, сохранилось и разделяется большинством польских элит. В частности, оно проявляется в покровительственном, даже просто высокомерном отношении к восточным соседям, особенно к тем, которые исторически были частью Первой Речи Посполитой. Это отношение, сейчас гораздо более слабое и менее открытое, глубоко укоренено в польской культуре, особенно в литературе. Однако комплекс превосходства поляков перед Востоком нельзя отрывать от комплекса неполноценности перед Западом, поскольку первый фактически является функцией второго. Даже если высокомерие по отношению к Востоку имеет собственные исторические корни, оно в значительной мере стимулируется сильным комплексом неполноценности перед Западом. Эти рассуждения вполне в духе Чеслава Милоша[6], который писал, что «под рыцарской самоуверенностью поляков скрывается громадный комплекс неполноценности». Именно в нем Милош видит главный источник польского антисемитизма, который, по его мнению, имеет преимущественно крестьянские корни.

Россия — Азия, Польша — Европа

Восприятие России в Польше хорошо укладывается в известное противопоставление Восток–Запад, один из величайших метанарративов европейского континента. Как указывал Нойман[7], мифический Восток исторически является одним из важнейших значимых других для формирования европейской идентичности. Для Европы Россия и Турция — важнейшие символы Востока. Как пишет Нойман, схема Восток — Запад включает такие пары оппозиций, как тело — разум, природа — цивилизация, варварство — цивилизованность, тоталитарное — демократическое, азиатское — европейское, несвободное — свободное, план — рынок, наступательное — оборонительное и многие другие. Логика Восток — Запад особенно сильно укоренена в пограничной

зоне. Споры о принадлежности России и Турции к Европе активно ведутся как внутри этих стран, так и на всем старом континенте. Именно в переходный период активно ведется поиск границ между Азией и Европой, причем восточный рубеж обычно проводят по границе собственной территории. Так делают в большинстве наций-государств Восточной, Центральной и Южной Европы. Словой Жижек пишет, что для всякой южноевропейской нации Балканы начинаются за их юго-восточной границей[8]. В странах Восточной и Центральной Европы, в том числе и в Польше, Восточная Европа начинается за их границами, а сами себя они предпочитают называть центральноевропейцами. Некоторые немцы по-настоящему европейской считают только западную часть Германии, некогда входившую в состав Римской Империи. Конрад Аденауэр, например, проводил восточную границу Европы по Эльбе[9]. В разных регионах Польши границу между Азией и Европой проводят по-своему. Одни проводят ее по Бугу (сегодняшняя восточная граница Польши), другие — по Висле. В Висле видят межцивилизационный барьер и некоторые современные социологи[10], и деятели прошлого вроде маркиза де Кюстина, и даже некоторые жители Варшавы, которые считают Прагу — предместье, расположенное на правом берегу Вислы, азиатским и столь экзотическим, что они бывают в нем реже, чем в западноевропейских столицах. Важное символическое значение имеет проходящая по территории современной Польши историческая западная граница Российской Империи периода с 1815 по 1915 г. В региональном дискурсе постоянно воспроизводятся представления об отсталости бывшей российской части Польши. Особенно глубоко эти представления укоренены в дискурсе региональной идентичности в бывших прусском и австрийском секторах. Многие варшавские аналитики и комментаторы используют не столько исторические тексты, сколько объективные данные экономической и социальной неразвитости той части польской территории, которая четко отделяется бывшей границей Российской Империи. Символическая граница между российской и прусской Польшей весьма заметна в Верхней Силезии, восточная граница которой проходит по реке Брыница, некогда разделявшей Россию и Пруссию[11] . Некоторые современные польские историки утверждают, что для польской культуры наибо-

лее благотворным было австрийское правление; иногда в нем с гордостью видят доказательство европейскости региона.

Отказ от восточного наследия, особенно российского, представляется наиболее характерной чертой польской национальной и некоторых региональных вариантов идентичности. Влияние России на польскую экономику и общество, особенно в период раздела Польши, считается в основном негативным и даже разрушительным. Если и упоминаются случаи положительного влияния, о них говорят как о редчайших исключениях[12]. В то же время российское культурное влияние, особенно в регионах, входивших в Российскую Империю, квалифицируется как временное и поверхностное, а русской культуре в целом иногда совершенно отказывают в какой-либо привлекательности для поляков. Например, в респектабельной ежедневной газете «Речь Посполита» Кшиштоф Клопотовский писал, что от российского владычества, отсталого в цивилизационном и примитивного в политическом отношении, в польском языке остались лишь «водка», «указ» и «кибитка», тогда как поляков сильно привлекал мир германской культуры: «Если бы только германец не проявлял столь сильно свое высокомерие и склонность к уничтожению людей, он не был бы, конечно, нам братом, но был бы мудрым, хотя и строгим отцом»[13].

Нечего говорить о крайней односторонности приведенного суждения. Для многих поляков российская идентичность была крайне притягательной как с экономической, так и с культурной точки зрения. Достаточно вспомнить написанное в 1920 г. эссе Мариана Здзеховского «О русском влиянии на польскую душу»[14]. Здзеховский, будучи ведущим в Польше специалистом по русской литературе и философии рубежа веков и большим поклонником русской культуры, критиковал растущее и, как он утверждал, однобокое преклонение перед всемирным величием русской культуры. Он сетовал, что польская культура все больше игнорируется польской интеллигенцией за ее мелочность и провинциальную ограниченность.

В целом можно говорить о широком замалчивании российских влияний на польскую культуру и общество. Оно ведет свою историю как минимум со времен разделов Польши. Не так давно историк Януш Тазбир[15] представил широкую панораму

«народной», или «национальной», цензуры. Тазбира более всего интересуют табуирование, которому подверглись историки и писатели XIX в. Он пишет, что после раздела Польши присутствие Российского государства в польской литературе обнаруживается только при упоминании денег. Только рубли и копейки дают возможность читателю понять, что действие происходит в той части Польши, которая отошла к Российской Империи. Наиболее известный пример подобной «цензуры» представляет собой замечательный роман Болеслава Пруса «Кукла».

Также Тазбир пишет о замалчивании роли поляков в политической и академической жизни Российской Империи. Самым показательным примером он считает отсутствие упоминаний о поляках, сделавших карьеру в Петербурге. Тех, кто достигал успеха в российской столице, обычно негативно характеризовали как карьеристов, ренегатов, опустившихся взяточников и пьяниц. Тазбир приводит классический пример Адама Мицкевича, в биографиях которого крайне редко упоминается его пребывание в Петербурге, положившее начало его успеху, так как именно в российской столице его по-настоящему заметили, оценили и провозгласили великим поэтом. Статья Тазбира целиком посвящена истории, в основном XIX в., а между тем современный польский дискурс тоже полон примеров замалчивания российских связей с польской культурой и историей. Неприкрытость такого замалчивания поражает и унижает европейскость Польши. В качестве примера можно привести споры о маршрутных табличках на вагоне трамвая XIX в., который несколько лет назад был приобретен городскими властями Варшавы. Поскольку в находившейся на территории Российской Империи польской столице все вывески были двуязычные, историческая правда требовала, чтобы таблички были и на русском, и на польском. Однако эта идея поначалу была признана спорной даже мэром Варшавы Павелом Пискорским, который заявил, что опасается мнений прессы[16]. Можно также критически взглянуть на сайт Варшавского университета[17] и его музея, где представлен российский период истории. История Варшавского Императорского университета фактически не считается частью истории университета, а имена его ректоров не включены в общий список ректоров[18]. В то же время в Польше часто

критикуют университеты Львова и Вильнюса за недостаточную экспозицию польского периода их истории.

Россия угрожает, Польша объединяется

При конструировании негативного образа часто подчеркивается, что Россия по-прежнему представляет угрозу, причем не только для Польши, но и для других европейских стран. Поляки особенно чувствительны к малейшим признакам российского экспансионизма. Новости и комментарии о России, в которых называются действительные или потенциальные признаки возрождения имперских наклонностей восточного соседа, идут в польских СМИ постоянным потоком. Эти угрозы видятся в каждом действии, в каждом призыве, направленном на укрепление власти центра, а также едва ли не во всех без исключения внешнеполитических действиях России, особенно в отношении важных для Польши стран — Беларуси и Украины. Особенно важное место в этом контексте занимает крайне критическое восприятие войны в Чечне[19]. В новостных сводках постоянно звучит мотив неспособности России порвать с имперским наследием, который легко превращается в предупреждение о возможных амбициях в отношении Польши, а в будущем, кто знает, и в отношении других европейских государств. Конечно, сейчас не говорят об угрозе военного вторжения, но угроза видится в других сферах, прежде всего в сфере экономики. Тема поставок природного газа по трубопроводам является ключевой и весьма щекотливой для политиков, поскольку зависимость от российского газа считается главной угрозой польскому суверенитету.

Во внутренней политике основная функция российской угрозы заключается в стимулировании единения, интеграции поляков. Даже в отсутствии актуальной опасности образ грозного соседа, построенный на исторической памяти, является фундаментальным средством легитимации польской национальной идентичности и институтов польского национального государства, необходимого для защиты народа от общего врага.

В то же время многие аналитики утверждают[20], что образ потенциальной угрозы со стороны России лежит в основе польской внешней политики в посткоммунистический период, включая такие ее приоритеты, как вступление в НАТО и ЕС. Даже если опасения обосновываются не реальной агрессивной политикой России, а имманентно присущей непредсказуемостью, российская угроза делает поведение Польши на международной арене последовательным и предсказуемым.

Моральное превосходство угнетенной Польши

Для современной Польши важен также мотив страданий от угнетения России. Чем длиннее список перенесенных страданий, тем крепче основания, чтобы выразить моральное превосходство Польши в своих отношениях с Востоком и Западом. За несчастья, принесенные Польше в эпоху советского владычества, несет ответственность и Запад, сдавший Польшу Москве в Ялте и Потсдаме. Этот аргумент используется для того, чтобы внушить Западу мысль о долге, который он должен вернуть Польше.

В то же самое время Польша отказывается признавать историю своих агрессивных действий по отношению к своим соседям. Более того, Польша репрезентируется как исключительно мирное государство и вместе с Литвой пропагандирует миф о своей неагрессивности. Тазбир приводит следующее рассуждение Томаса Венцлова: «История Литвы полна героизма. Она никогда не знала ни грубости, ни жестокости, не знала она и примиренчества. Литовцы — мирная нация, им не ведом культ силы, но они часто вынуждены были воевать с захватчиками соседями… им постоянно приходится защищаться… если они побеждали, то всегда по заслугам, если проигрывали, то только потому, что они были справедливыми и оказывались жертвами. Они просто слишком добры для этого мира»[21].

Тазбир отмечает, что самовосхваление может быть характерной чертой нации, которая, утратив свою независимость, была вынуждена вести трудную борьбу за ее восстановление и теперь хочет как мученица вернуться на европейскую политическую карту. Факт польской интервенции в Россию в XVII в., которая стала важным элементом негативного образа Польши в России, несовместим с жертвенным образом Польши, а потому нуждает-

ся в реинтерпретации. Тазбир указывает, что авторы недавно вышедшего академического труда упрекают «плохих королей», действовавших против воли миролюбивого польского населения. Еще более творчески эпизод 1610 г. представлен А. Новаком, который утверждает, что польское нашествие сегодня можно было бы назвать «миссией демократии», которая, впрочем, провалилась, потому что «король Сигизмунд… вместо того чтобы послать в Москву своего сына, предложил на русский трон себя, что было равносильно желанию иностранного правителя присоединить Московию к своему королевству». Новак далее пишет: «Как указывал отец российской историографии Николай Карамзин, хотя Владислав был избран только на княжение в Москве, у него был хороший шанс стать царем всей Московии. Он стал бы править с опорой на боярский совет (Думу) и совет всех сословий (Земский Собор) и тем самым ввел бы “демократию для дворян” в России за триста лет до того, как собралась первая российская Государственная Дума. Если бы это случилось, изменился бы автократический режим, а вместе с ним и судьба России». Карамзин добавляет, что тогда, пожалуй, «изменилась бы на века и судьба Европы». Предложенный Сигизмундом московитам альянс Новак уподобляет «союзу, который имеет поразительные сходства с сегодняшним Европейским Союзом»[22]. Оба аргумента недвусмысленно намекают на польскую интерпретацию Польско-Литовской унии как предтечи Европейского Союза, как самого демократичного государства в Европе в XV, XVII и XVIII вв., которое de facto было республикой дворянства с широкими гражданскими правами для знатного населения.

С этой точки зрения интересно, что выдвигаемое Польшей России настойчивое требование отказаться от посягательств на бывшие советские республики, особенно на Украину, которое многие считают ключевым вопросом польско-российских отношений, также формулируется в моральных терминах. Не важно, заслуживают ли Беларусь, Украина или какие-то другие государства своей независимости, важно лишить Россию возможности вновь стать империей, т. е. возможности контролировать Украину. Например, Новак замечает: «Без Украины и Беларуси Москва будет не в состоянии поддерживать свои агрессивные намерения по отношению к Восточной и Центральной

Европе»[23]. При этом подчеркивается, что реализация этого замысла пойдет России только на пользу, поскольку вынужденный отказ от имперских амбиций будет способствовать ее демократизации. В этом процессе пример России подает именно Польша, отказавшаяся от собственных территориальных, имперских претензий ради модернизации и европеизации. С. Поповский писал в газете «Речь Посполита»: «Польша преодолела восточную лихорадку, но россияне, несмотря на распад СССР, все еще не могут решить, какую Россию они хотят строить. Они до сих пор не могут отказаться от мечты возродить союз славянских государств если не с Украиной, то хотя бы с Беларусью. Естественно под эгидой Москвы. В результате всякое действие Польши, направленное на усиление прозападных тенденций в Украине и Беларуси, воспринимается с раздражением. Россия видит в этом продолжение польско-российского соперничества, что приводит к усилению мифа о “злом поляке” и раскручиванию спирали взаимных предубеждений и неприязни»[24].

В этой же статье Поповски приводит утверждение Анджея Менцвела о том, что нет нужды объяснять напряженность отношений между Польшей и Россией «природой русской души или польским национальным характером», поскольку дело сводится к соперничеству за контроль над регионом, расположенным между двумя странами.

Польша — эксперт по загадочной России

Россия является важным элементом польской идентичности еще и потому, что рассматривается как объект, в котором поляки особенно компетентны. Долгая история взаимоотношений, понесенные Польшей жертвы, испытания российского, а потом советского владычества, обогатили поляков особым, полученным из первых рук знанием «российской души». Претензии на исключительную компетентность поляков во всем, что касается России, объясняется, с одной стороны, длительностью и суровостью российской оккупации, а с другой — заведомой европейскостью Польши, которая позволяет выражать свое уникальное знание Востока в западноевропейских понятиях. Польша — нация сла-

вянская и католическая одновременно. Первое обстоятельство позволяет глубоко понимать Россию, второе предопределяет ее принадлежность к западному христианству и тем самым к Западной Европе. Эти соображения часто выдвигаются для обоснования идеи о том, что Польша является мостом или посредником между Россией и Западом. Однако сегодня растет убеждение, что России не нужны посредники в ее контактах с Западом, а поэтому Польше остается роль эксперта. Мнение об особенном понимании России в Польше широко распространено. Очарованность Запада Россией считается наивной, а то, что Запад знает о России, представляется поверхностным и искаженным в результате успешной пропаганды Россией собственного образа, вводящего в заблуждение. В последние годы идея исключительной компетентности Польши в российских делах горячо обсуждается в связи со вступлением Польши в ЕС. Утверждается, что ввиду особенностей исторического опыта и интересов Польше следует претендовать на важную роль в формировании восточной политики Европейского Союза[25].

Есть еще один аспект компетентности Польши относительно России и восточноевропейских дел, который очень активно муссируется: Восток — источник духовности, неведомой материалистическому Западу. Идея о том, что Россия — «душа Европы», естественно, популярна в самой России и имеет долгую историю в ее восприятии Западом. Как пишет Нойман[26], именно так смотрел на Россию де Местр, который верил, что русские обладают «врожденной мудростью, в смысле отсутствия рациональности, установленной Просвещением в качестве европейского и всемирного идеала». Поэтому поляки полагают, что знание этой духовности и накопленный опыт взаимодействия с восточными соседями дают им преимущество перед другими народами Запада. Такой взгляд уже давно присутствует в дискурсе польской идентичности. Показательный пример — Адам Мицкевич, который сочетал ощущение морального превосходства и презрения к России с уважением и даже восхищением ее духовностью. Традиционное почтение к восточной духовности продолжают выражать ключевые фигуры в Польше. В качестве примера можно привести послание Папы Иоанна-Павла II «Orientale Lumen» от 1995 г.

Среди польских писателей и ученых можно найти уникальных знатоков «русской души». В конце XIX в. и в межвоенный период таким знатоком был Мариан Здзеховский, знакомый с Бердяевым, братьями Трубецкими и Мережковским. В коммунистический период писатель и художник Юзеф Чапский опубликовал несколько книг (наиболее важная «Бесчеловечная земля») и эссе во влиятельном ежемесячном журнале «Kultura», издававшемся в Париже польской эмиграцией. Традицию продолжил Мариуш Вилк[27], проведший несколько лет на Соловках. Его первая книга «Дневники беломорского волка» недавно была переведена на английский язык. Другой современный пример восхищения русской, православной, восточной духовностью являет «Фронда», периодическое издание молодых католиков-консерваторов.

Может, конечно, возникнуть интересный вопрос: насколько такой экспертизе можно верить. Большинство поляков, по крайней мере те, которые интересуются международной политикой, осознают, что им часто приписывают антироссийские настроения, а их суждения подвергаются сомнению как русофобские. Отсюда постоянная забота о правдоподобности польского дискурса о России. Об этом свидетельствуют попытки получить у влиятельных на Западе фигур признание в правомочности и объективности взглядов Польши на Россию. В качестве примера приведем фрагмент интервью с Ричардом Пайпсом:

Вопрос: Если мы считаем, что история России и ее традиционная «духовность» решающим образом влияют на ее политику, то следует признать, что возрождение в Польше страха перед российским империализмом глубоко оправдано?

Ответ: Конечно, поляки очень хорошо знают Россию, и у них есть основания ее бояться. Этот страх можно понять, ведь он уходит корнями в 200-летнюю историю борьбы Польши с Россией. Между прочим, меня часто упрекают в том, что я будто бы придерживаюсь взглядов, берущих начало в польской национальной традиции. Конечно, это абсолютная бессмыслица, поскольку необязательно быть евреем, чтобы придерживаться антигитлеровских взглядов, и не обязательно быть поляком, чтобы опасаться российского империализма. Подобные аргументы неприемлемы.

Вопрос: Тем не менее ученые и политики на Западе часто их используют, полагая, что поляку верить не надо, потому что все поляки — русофобы.

Ответ: Думаю, что все мы, кто родился и вырос в Польше, обладаем уникальным пониманием России, которого не достает американцам. У них романтический взгляд на русских, как на народ, похожий на них самих, которому во время колонизации огромного континента пришлось сражаться с «дикими» народами. Россия для американцев еще и родина Толстого и Чехова, т. е. великой литературы. Я же смотрю на Россию более разносторонне, и поэтому некоторые люди в Москве считают, что я придерживаюсь антироссийских взглядов[28].

Наиболее крайний взгляд во внутреннем споре о возможности Польши быть экспертом по России недавно выразил Анджей Валицкий. Свою эмоциональную критику основного течения польского дискурса о России он направил не столько на комментаторов правого крыла, известных своими антироссийскими позициями, сколько на либеральные СМИ, в частности, на наиболее уважаемые и влиятельные издания «Речь Посполита» и «Газета выборча». Среди персонально упомянутых авторов Валицкий не пощадил даже бывшего министра иностранных дел и бывшего лидера Союза Свободы Бронислава Геремека. Хотя Валицкий признал, что Геремек отрицал обоснованность страхов Польши перед экспансионизмом России, он решительно осудил его попытки защитить поляков от обвинений в русофобии. По мнению Валицкого, утверждения Геремека о том, что опасения Польши происходят из-за беспокойства о будущем демократии в России, лишены оснований, а поддержка бывшим министром иностранных дел оппозиционных Путину либеральных политиков он назвал ошибкой. Фактически Валицкий прямо увязывает внутрироссийский политический конфликт с польскими дебатами о России и занимает в обоих вопросах совершенно определенную и ясную позицию. В частности, Валицкий писал: «Несомненно, что российская оппозиционная интеллигенция репрезентирует давнюю и глубоко трагичную традицию борьбы с российской государственностью. Несомненно и то, что есть множество оправданий ее нервозности, порой даже истеричности по поводу всякой попытки построить в России “сильное государство”. Однако это не является основанием для того, чтобы считать ее мнение о путинской России объективным и авторитетным. Как раз наоборот! Когда поляки цитируют мнения Сергея Ковалева, весьма интенсивная, хотя и отличная по происхождению и содержанию “антиавторитарная” аллергия российских радикалов лишь усиливает польский национальный невроз. Тезис о том, что только демократические силы могут обеспечить стабильность и поступательный прогресс в России также представляется крайне сомнительным»[29].

Далее Валицкий говорит о том, что необходимость вестернизировать Россию, «интеллектуально и морально очевидную», Польша со своей склонностью к демонизации, изоляции и исключению России из семьи европейских наций постоянно подвергает ее обструкции. В поддержку своего тезиса Валицкий ссылается на мнение Жака Ле Гоффа и Джека Мэтлока, которые полагают, что последовательное стремление Польши к углублению раскола Европы, сохранившегося от эпохи холодной войны, опасно для процветания и безопасности всего континента.

Трудно сказать, какую поддержку встречают обвинения Валицкого среди различных слоев польского общества и элит. По крайней мере, в основном потоке масс-медиа они кажутся весьма радикальными. Приведенные цитаты Валицкого были взяты из еженедельника «Пржегляд», выражающего левые взгляды, хотя одновременно Валицкий публикуется в «Газете выборча». Возможно, левые силы ему более симпатичны, однако и среди левых немного найдется горячих сторонников союза с Россией, а среди левого электората — русофилов. Для левых характерен не столько позитивный образ России, сколько меньший страх перед ней и большая поддержка тесных экономических связей[30]. Важным фактором для посткоммунистической идентичности левых, по крайней мере среди политической элиты, видится давление со стороны правых в форме постоянных обвинений в колаборационизме, служении интересам и даже в шпионстве в пользу России. Следует подчеркнуть, что обвинения в шпионаже в пользу России заставили премьер-министра Юзефа Олексы уйти в отставку в 1996 году. Поэтому большинство левой элиты скорее будет избегать высказываться прямо в

поддержку России. В этом контексте утверждения Валицкого представляются весьма необычными, и именно потому они не прошли незамеченными.

На критику Валицкого ответил в «Речи Посполитой» Славомир Поповский[31], который отверг обвинения в русофобии, а Валицкого обвинил в русофилии. Эту позицию Поповский назвал столь же абсурдной, как и русофобию, отличающуюся лишь направленностью стереотипов, и предположил, что Валицкий просто воспроизвел типичный ответ Кремля своим критикам. Более того, Поповский нашел комментарии Валицкого по поводу либеральной российской интеллигенции шокирующими и поставил под сомнение мнение Валицкого о том, что Путин — единственный эффективный сторонник модернизации и вестернизации России. Также Поповский указал, что, в противоположность мнению Валицкого, поляки воспринимают Путина не только через призму войны в Чечне, поскольку они равным образом осуждают и террористические акции, и жестокость Российской армии. Гораздо важнее то, что действия России в Чечне критикуют не только поляки, но и Запад, в частности Совет Европы, тем самым Поповский включает представления поляков о России в западный контекст. Упоминание взглядов Запада, оценка выгод и упущений от выражения Польшей особого мнения о России, по-видимому, еще раз подтверждают полезность интерпретации дискурса польской идентичности в контексте оппозиции центр-периферия.

Роль культурного капитала в польской идентичности

Рассмотрение роли России в формировании современной польской идентичности завершим ссылкой на теоретический подход, предложенный недавно И. Селени с соавторами[32]. Они полагают, что природу системы социальной стратификации можно описать с помощью теории П. Бурдье о трех формах капитала: экономического, культурного и социального; частной формой выражения последнего Бурдье считал политический капитал[33]. Указанные авторы интерпретировали эволюцию центральноевропейских обществ в терминах изменения роли типов капитала в определении правил социальной иерархии. Сходным образом теорию капиталов можно применить к анализу программ национальной идентичности. Связь между социальной стратификацией и доминирующим пониманием социальной идентичности представляется очевидной, и можно ожидать, что идентичность любой группы будет отражать природу правил внутренней социальной иерархии. Таким образом, различия между польской и российской национальной идентичностью можно проинтерпретировать, используя понятия Бурдье. С этой точки зрения, ключевое различие заключается в том, что в Польше центральную роль играет культурный капитал, тогда как в России — капитал политический. Современная польская национальная идентичность из-за временной утраты государственности сильно связана с религиозной, а именно с католической идентичностью и основывается на этосе сильной виктимизации (жертвенности), в котором подчеркиваются два фактора: внешняя угроза и высокие моральные качества угнетенной нации. Как указывал Эшли[34], виктимизация есть интегральная часть любой программы национальной идентичности, хотя ее роль и значение могут различаться. Доминирующая среди поляков модель национальной идентичности строится на виктимизации, в которой Россия играет ключевую роль. Что касается современной российской идентичности с ее наследием многонациональной империи и статусом сверхдержавы, то она опирается на роль государства, которая на теоретическом языке может отождествляться с политическим капиталом.

В последние годы в эволюции политических настроений в Польше и России происходили колебания в интенсивности опоры на центральный аспект национальной идентичности. Так, приход Ельцина к власти можно интерпретировать как следствие недовольства советской моделью социальной организации, в которой доминировал политический капитал. Восхождение Путина, в свою очередь, произошло вследствие недовольства тем, что в 1990-е годы экономический и культурный капитал стал играть главную роль в социально-экономической жизни страны. Хождение многочисленной когорты интеллектуалов во власть в ранние ельцинские годы и появление олигархов стали символа-

ми указанной тенденции. В Польше наблюдалась обратная последовательность. Фигуру Валенсы можно рассматривать как символическую опору на традиционную модель польской идентичности, основанную на католицизме, виктимизации и крайне моралистическом дискурсе. Его поражение от Квасьневского можно интерпретировать как исчерпание (пожалуй, временное, о чем может свидетельствовать недавняя победа Леха Качиньского на президентских выборах) влияния культурного капитала в польской политике и подъем политического и экономического капиталов.

Несмотря на снижение роли культурного капитала в Польше, которое отразилось на политической роли интеллигенции[35], можно утверждать, что в долгой перспективе он снова будет играть центральную роль в польской национальной идентичности. Так или иначе, использование образов России в польском публичном дискурсе вполне соответствует модели идентичности, основанной на культурном капитале. В этом контексте неформальные аспекты культурного капитала, по-видимому, приобретают особую важность. Так, подчеркивание культурных, «цивилизационных» и моральных качеств поляков в контрастном сравнении с Россией ясно указывает на опору в самопредставлении на культурный капитал. Иногда можно даже встретить прямые попытки компенсировать политическую и экономическую неразвитость Польши конструированием идентичности на основе культурного капитала. При этом, с одной стороны, подчеркивается сила государства и военная мощь России, а иногда и ее экономическое богатство, а с другой — говорится о том, что Россия — дикое, нецивилизованное, грубое, неевропейское общество, подавляющее наряду с собственными гражданами другие нации и неспособное порвать с тоталитарным, коммунистическим и имперским наследием. Иными словами, использование образа России в борьбе с комплексом собственной неполноценности по сравнению с Западом представляется одним из элементов более широкой стратегии, направленной на компенсацию экономической и политической отсталости за счет опоры на культурный капитал.

В России действует сходный механизм, однако компенсация достигается за счет политического капитала, что наилучшим

образом доказывается популярностью идеи сильного государства. Сила государства базируется прежде всего на сильной армии и спецслужбах. Роль армии в замещении экономического капитала политическим хорошо описана И. Призелом, который отмечал, что «недовольство реальностями России и двусмысленность ее роли в Европе породили в русской душе сильную зависимость от российских вооруженных сил, необходимых, чтобы компенсировать ощущение неполноценности перед Западом»[36].

Стратегия усиления национальной идентичности за счет культурного капитала предполагает претензии на превосходство, основанное на особом знании, причастности, мудрости, обладании культурным наследием, компетентностью в высокой культуре, формальной образованностью, манерами, моральными качествами. Все эти элементы присутствуют в современном дискурсе польской национальной идентичности, а образы России используются для их оправдания.

Когда говорят о цивилизационной компетентности поляков, часто прибегают к нарративу исключенности России из основных процессов формирования современной европейской идентичности — Возрождения, Реформации, Просвещения и т. п. Превосходство Польши здесь проявляется еще и в том, что Бурдье называл «объективированным культурным капиталом», т. е., материальными объектами, обладающими культурной ценностью. Архитектура может служить наилучшей иллюстрацией: присутствие на исторической территории Польши романской и готической архитектуры, памятников эпохи Возрождения используется как доказательство превосходства над русским «другим».

Некоторые из упомянутых нарративов могут интерпретироваться как стратегии строительства идентичности на основе культурного капитала, в частности, репрезентация войны Польши с большевиками в 1920 г. и советское вторжение в 1939 г. Можно отметить, что страдания и потери поляков описываются прежде всего в моральных и культурных терминах, особо подчеркивается утрата культурного капитала в человеческом и объективированном измерениях. Часто упоминают о гибели значительной части польской интеллектуальной элиты. Катыньская расправа стала центральным символом страданий поля-

ков, принесенных Россией. Как указывает Валицкий, всякий намек на то, что Катынь может символизировать общность судьбы коммунистического порабощения польского и российского народов, обычно отвергается с порога. Другим элементом этого дискурса стала утрата важных центров польской культуры, какими были Львов и Вильно. В то же время гораздо меньший интерес проявляется к чисто экономическим аспектам обсуждаемых исторических событий. Особенно символичным кажется решение Пилсудского отказать в поддержке А. Деникина. Успех большевиков, которому способствовало бездействие Польши, крайне редко рассматривается в терминах экономического капитала, и, например, утрата собственности и капитала на территориях, занятых Советским Союзом, почти никогда не рассматривается как цена за поражение белого движения. Как показывает интерпретация Новака, гораздо большее значение придается культурному измерению, открывшейся в межвоенный период возможности укрепить национальную идентичность поляков и других наций. Утрата экономического капитала после второй Мировой войны опять-таки занимает маргинальное положение в дискурсе польской национальной идентичности по сравнению с политическим и культурным измерениями.

---

[1] По данным опроса, проведенного Центром изучения общественного мнения (CBOS) в июле 2002 г., 45 % респондентов считали, что введение визового режима с Россией (а также с Беларусью и Украиной) принесет Польше больше пользы, однако 30% полагали, что оно нанесет вред. Последнюю точку зрения разделяло большинство жителей приграничных регионов (Wizy dla naszych wschodnich sąsiadów i problem Kaliningradu: Komunikat z badań BS/134/2002. Warszawa: Centrum Badań Opinii Spolecznej. sierpień 2002).

[2] *Zarycki T.* Politics in Periphery: The Interpretation of Political Cleavages in Poland in Their Historical and International Context // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52. № 5. P. 851–873.

[3] *Wojciszke B., Baryła W.* Polacy jako uczestnicy kultury narzekania // Bralczyk J., Mosiołek-Kłosińska K. (eds.). Zmiany publicznych zwyczajów językowych. Warszawa: Rada Języka Polskiego przy Prezydium PAN, 2001. S. 45–64.

[4] *Kurczewska J.* What is Likely to Happen to Polish Collective Consciousness after Accession to the European Union? // Polish Sociological Review. 2003. N 1. P. 83–92.

[5] И. Призел, реконструируя историю попыток преодоления поляками имперского комплекса, указывает на принципиально важную роль выходившего в Париже журнала «Kultura» и особенно статьи Людвика Мерошевского. Он указывает, что по сравнению с довоенной Польшей и современным политическим дискурсом России, современная Польша почти полностью распрощалась с мечтами об империи. (*Prizel I.* National Identity and Foreign Policy: Nationalism and Leadership in Poland, Russia and Ukraine. Cambridge: Cambridge University Press, 1998).

[6] *Miłosz Cz.* Literatura polska // Gazeta Wyborcza. 2001. 29.12.

[7] *Neumann I. B.* Uses of the Other: The «East» in European Identity Formation. Manchester: Manchester University Press, 1999. P. 103.

[8] *Žižek S.* The Metastases of Enjoyment. London: Verso, 1994.

[9] *Neumann I. B.* Uses of the Other... P. 102.

[10] *Jałowecki B*. Przestrzeń historyczna, regionalizm, regionalizacja // Oblicza polskich regionów / Pod red. B. Jaloweckiego. Warszawa: Europejski Instytut Rozwoju Regionalnego i Lokalnego UW, 1996. S. 10–44.

[11] *Szczepański M. S.* Regionalizm górnośląski w świadomości społecznej: Socjologiczne studium przypadku // Pod red. Wanatowicz M. W.,. Regionalizm a separatyzm — historia i współczesność: Śląsk na tle innych obszarów. Katowice: Wydawnictwa Uniwersytetu Śląskiego, 1995. S. 45–66.

[12] Хорошим примером может служить Сократес Старынкевич, русский мэр Варшавы в 1875–1892 гг., которого помнят за исключительные личностные качества и заслуги в модернизации городской инфраструктуры. Старынкевич, кажется, единственный российский чиновник, в честь которого была бы названа улица или площадь в Варшаве.

[13] *Kłopotowski K.* Program dla P. // Rzeczpospolita. 2003. 10.11.

[14] *Zdziechowski M*. Wpływy rosyjskie na duszę polską // Dusza polska i rosyjska: Od Adama Mickiewicza i Aleksandra Puszkina do Czesława Miłosza i Aleksandra Solženicyna / Pod red. A. de Lazari. Warszawa: PISM, 2004. S. 151–174.

[15] *Tazbir J*. O czym się pisać nie godziło // Gazeta Wyborcza. 2003. 27.12.

[16] Lobbing za cyrylicą // Gazeta Stołeczna / Gazeta Wyborcza. 2000. 4.12. Потом русские надписи все же появились.

[17] http://www.uw.edu.pl/en.php/history/1870e.html

[18] http://www.uw.edu.pl/pl.php/wczoraj/historia/poczet.html

[19] Интерес поляков к войне в далекой Чечне особенно хорошо иллюстрирует ключевую роль России в формировании польской национальной идентичности. Широкую поддержку небольшого мусульманского народа на Кавказе можно противопоставить почти полному пренебрежению делами в гораздо более близкой бывшей Югославии либо отсутствию определенных симпатий к какой-либо из сторон конфликта в этом регионе. Правда, в последние годы поддержка чеченцев снизилась. По данным опросов CBOS, в январе 2000 г. она составляла 48%, то к ноябрю 2002 г. упала до 26%. В то же время лишь 9% поляков поддерживали российскую сторону в конфликте, и 6% возлагали ответственность за развязывание войны на чеченскую сторону (33% — на российскую) (Zmiana opinii o konflikcie

rosyjsko-czeczeńskim // Komunikat z badań. BS/218/2002. Warszawa: CBOS, 2002. Grudzień).

[20] *Cywinski B*. Europa w poszukiwaniu duszy: Jaka wspolnota? // Rzeczpospolita. 2003. 4.10.

[21] *Tazbir Ja*. My, europianie // Gazeta Wyborcza. 1996. 31.12.

[22] *Nowak A*. The Russo-Polish Historical Confrontation // Sarmatian Review. 1997. N 1 (Jan.) (http://www.ruf.rice.edu/~sarmatia/197/Nowak.html).

[23] *Nowak A*. The Russo-Polish Historical Confrontation.

[24] *Popowski S*. Polski honor, rosyjska dusza // Rzeczpospolita. 2003. 08.02.

[25] *Cichocki J. et al.* Polska a wymiar wschodni UE // Wymiar wschodni UE — szansa czy idée fixe polskiej polityki / Pod red. P. Kowala. Warszawa: Centrum Stosunków Międzynarodowych, 2002. S. 8–14.

[26] *Neumann I. B.* Uses of the Other... P. 93.

[27] *Wilk M*. The Journals of a White Sea Wolf. London: Harvill Press, 2003.

[28] Rosja u progu XXI weku: Z Richardem Pipesem rozmawia A.W. Pawluczuk // Rzecz*pospolita. 1995. 18.03.*

[29] *Walicki A*. Rosja Putina a polityka polska // Przegląd. 2004. 23.02.

[30] По данным опроса CBOS, проведенного в мае 2001 г., 9% респондентов считали улучшение политических отношений с Россией приоритетной задачей польской внешней политики (удивительно, что лишь 8% в качестве приоритета назвали США, тогда как 32% высказались в пользу ЕС). Среди электората левых сил улучшение политических отношений с Россией приоритетным назвали 15%, развитие экономических отношений — 21% (Pożądane kierunki polskiej polityki zagranicznej. Warszawa: CBOS, 2001. Czerwiec).

[31] *Popowski S*. Przez różowe okulary // Rzeczpospolita. 2004. 13.03.

[32] *Eyal G., Szelényi I., Townsley E.* Making Capitalism without Capitalists: The New Ruling Classes in Eastern Europe. London: Verso, 1998.

[33] См.: *Бурдье П*. Формы капитала / Пер. с англ. М. С. Добряковой; науч. ред. В. В. Радаев // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519–536.

[34] *Ashley M*. Nations as Victims: Nationalist Politics and the Framing of Politics: Paper Presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association. San-Francisco, September, 2001.

[35] *Zarycki T*. Cultural Capital and the Political Role of the Intelligentsia in Poland // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2003. N 4. P. 91–108.

[36] *Prizel I*. National Identity and Foreign Policy: Nationalism and Leadership in Poland, Russia and Ukraine. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 172.

Часть 2

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И АДАПТАЦИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

2-1. Социальные портреты двух народов: общее и особенное

2-1-1. «Я — поляк, я — россиянин»: сравнение через призму самоидентификаций*

К. Косэла

В 1998 и 2002 гг. тысяча с лишним случайно выбранных взрослых жителей Польши и более 1600 таким же образом выбранных взрослых жителей России согласились участвовать в опросе и назвать свои самоидентификации с разными социальными группами[1].

В списке определений опрашиваемые индивиды могли найти разные категории: национальные, государственные, связанные с конкретным регионом, полом и семьей, религией, политикой, возрастом, профессией, социальным слоем, а также несколько характеристик личной ситуации респондента. Одни категории признавались важными, поскольку индивид открывал для себя, что некоторые объективные свойства (например, родительство, пребывание в браке, пол, гражданство, наконец, принадлежность к жителям региона и жителям нашего континента) имеют для него большее значение, определяют его лучше, нежели другие свойства. Надо учесть, что личностные идентификации этой группы имеют объективные соответствия, которые являются действительно всеобщими. Каждый индивид имеет пол, место жительства и место в реестре граждан-налогоплательщиков. Всеобщность этих

* Перевод с польского А. Д. Ковалёва.

объективных соответствий ставит некоторые идентификации в привилегированное положение, усилия при определении индивидуальной принадлежности невелики. На этом фоне интереснее выглядели те самоотождествления, которые требовалось выбрать самому, а не приписывать себе автоматически. Восьмилетний ребенок является россиянином/поляком по официально фиксированному гражданству, восемнадцатилетний юноша — уже по собственному выбору. От национальности можно отказаться, а от пола или родительства так просто не избавишься. Религиозные идентификации тоже являются делом выбора. Идентификации навязываются людям с разной степенью настоятельности и в качестве конструкционных элементов в процессе познания собственной социальной идентичности требуют разных, меньших или больших усилий. А поскольку за легкостью или трудностью этого навязывания и конструирования стоит конкретное общество, то в распространенности тех или иных самоотождествлений отражаются особенности современных россиян и поляков, России и Польши.

О польском обществе 2002 г., стоявшем перед решением об интеграции с Евросоюзом, многое говорит то, насколько распространены были национальные, региональные и европейские идентификации. Российское общество в это время оказалось в новой ситуации стабилизации политической власти и выгодных ценовых соотношений на мировом рынке, прежде всего энергоносителей. Польша переживала ситуацию растущей неуверенности и ухудшения экономического положения населения, Россия — ситуацию известной нормализации и возвращения относительной стабильности. С точки зрения закономерностей формирования демократического и рыночного общества, Россия в 2002 г. находилась в том периоде относительной стабильности и развития, какой в Польше пришелся на время предыдущего нашего совместного исследования, т. е. на 1998 г. Поэтому в информации о распространенности конкретных идентификаций мы можем найти следы разницы социально-экономических ситуаций.

В идентификациях жителей России и Польши отразились не только последние несколько лет. Сравнительное исследование этих обществ было заманчивым не только по причине измеряемого отслеживания социальных последствий преобразова-

ний общественного строя. Для польских исследователей Россия представляет интересный фон для сравнений, ибо эта страна с христианскими корнями веками составляла альтернативу форме жизни западной части европейского континента, пребывала в идеологическом споре с нею.

Близкое географическое и особенно историческое соседство — причина того, что сопоставление поляков с жителями России со всех сторон обосновано. Варшавским исследователям оно позволяет лучше оценить силу национальной, гражданской и вероисповедной идентификаций соотечественников; московские коллеги также имеют повод для сопоставления этих идентификаций. Эти сопоставления возбуждают вопросы о последствиях ангажированности государства в строительстве коммунистического общества и в последующий посткоммунистический период. Различия в степени такой ангажироваврнности в сравниваемых странах должны проявиться в композиции персональных и групповых идентификаций. Их изучение позволяет лучше познать собственное общество.

Сравнение Польши и России по данным 2002 года

От результатов всей процедуры не следует ожидать выявления каких-то глубинных черт обоих обществ. Однако различия в ответах между Россией и Польшей достаточно интересны и заслуживают сопоставления.

Сравнение рангов распространенности выбора людьми соответствующей идентификации в качестве самохарактеристики можно подытожить следующим образом:

1. В Польше охотнее подчеркивают важность национальной общности[2], а в России — общности государственной. Бóльшая по сравнению с Польшей важность государственной общности в России видна в частоте выбора идентификации, демонстрирующей горечь от распада советской империи.

2. В Польше чаще появляется политическая идентификация демократа, в России более привлекательно политическое самоопределение «Я сторонник правительств сильной руки».

Таблица 1

Сопоставление распространенности идентификаций в Польше и России (2002)

(в скобках указана разность рангов — мера различия в распространенности данной идентификации)

РАНГИ Я-ИДЕНТИФИКАЦИИЙ в Польше	РАНГИ Я-ИДЕНТИФИКАЦИИЙ в России
Приверженец польской национальной традиции (+21)	Гражданин страны, переставшей быть Великой державой (+14)
Демократ (+16,5)	Советский человек (+11)
Европеец (+14)	Представитель своей профессии (+11)
Бедный (+11)	Обеспеченный (+9)
Интеллигент (+10,5)	Неверующий (+6)
Гражданин страны, имеющей значение в мире (+7)	Славянин (+6)
Верующий (+6)	Сторонник правительства сильной руки (+6)
Учащийся / студент (+5,5)	Представитель своей национальности (+5)
Безработный (+5)	Работник предприятия / завода / организации (+5)
Человек с будущим (+2,5)	Такой как все (+5)
	Гражданин России (+3)
	Житель региона / города / местности (+3)

3. В Польше больше распространена европейская самоидентификация, в России — славянская.

4. В Польше сильнее выражены настроения в пользу религии, в России важнее идентификации, связанные с профессией и работой.

5. В процентных величинах, показывающих распространенность идентификаций, отражаются разная демографическая структура обоих обществ и терзающие их заботы. В частности, в Польше — это выход на демографический пик общества работоспособного возраста и поэтому более высокая безработица и к тому же возбуждение потребительских ожиданий, неадекватных материальной обеспеченности польского общества.

6. Особого анализа требует бóльшая склонность россиян, чем поляков, к выбору идентификаций «Я такой как все», т. е. типичный, обычный человек, и «Я житель данного региона / города / местности». Повышенная важность этого «местного патриотизма» в России (по сравнению с Польшей) — достаточно любопытный результат, который вполне может быть связан с величиной территории российского государства.

Изменения в распространенности идентификаций между 1998 и 2002 гг.

В изменениях частоты выбора идентификаций мы хотим увидеть изменение в социально-экономических ситуациях России и Польши. Весна 1998 г. была временем относительного спокойствия и экономического роста в Польше и временем нестабильности накануне экономического кризиса в России. В 2002 г. ситуация была прямо противоположной: Польша переживала экономическую стагнацию и политические трудности, в России было время политической стабильности и экономического развития.

Таблицы 2 и 3[3] предоставляют данные для сравнения, показывают, какие идентификации потеряли, а какие приобрели в распространенности в каждом обществе. Данные по Польше показывают состояние ухода в сферу личных интересов, в частную сферу, усталость от политики, субъективное ощущение обнищания, отсутствия перспектив, отчуждение от профессиональной деятельности и даже отход от исповедуемых ценностей — словом, состояние «отчуждения»[4]. В России общая картина гораздо светлее. Потеряли в распространенности идентификации, говорящие об обнищании, отсутствии перспектив, горечи, вызванной изменениями в общественном строе и утратой положения сверхдержавы. Правда, можно заметить и отчуждение от политики, упадок гражданского общества и меньшее личное значение профессиональной деятельности, а также некоторое отступление от традиционных религиозных ценностей.

Картину изменений дополняет сопоставление самоотождествлений, которые в период снижения общей готовности лю-

Таблица 2

Сравнение идентификаций, которые между 1998 и 2002 гг. больше всего потеряли в распространенности
(см. исходную табл. 1П в Приложении)

В Польше с 1998 по 2002 г. больше всего потеряли в распространенности идентификации: Я —	**В России** с 1998 по 2002 г. больше всего потеряли в распространенности идентификации. Я —
член общественной организации/ объединения/товарищества	не европеец
не европеец	член общественной организации/ объединения/товарищества
сторонник определенного политика или партии	бедный
гражданин страны мирового значения	представитель интеллигенции
представитель своей профессии	предприниматель
человек с будущим	человек без будущего
обеспеченный	учащийся / студент
демократ	не верующий
славянин	сторонник определенного политика или партии
крестьянин	жертва перемен после 1989 г.
работник предприятия, компании, организации	работник предприятия, компании, организации
сторонник правительства сильной руки	гражданин страны, переставшей быть Великой державой
европеец	славянин
такой как все	
интеллигент	
житель региона / города / местности	
хозяин своей судьбы	
приверженец католических ценностей	

дей к идентификации в Польше все же выбирались чаще, чем в 1998 г. Это идентификации, связанные с кризисом экономики и вторжением на рынок труда претендентов из когорты рожденных во времена демографического пика начала 1980-х годов. Это также идентификация, указывающая на раздражение, вызванное малым значением польского государства на международной арене. Элементы композиции личной идентичности, которые в Польше были больше распространены в 2002 г., чем в 1998 г., показывают состояние отстранения и затруднений польских граждан (см. табл. 3).

Таблица 3

Сопоставление идентификаций, которые между 1998 и 2002 гг. прибавили в распространенности

(см. исходную табл. 1П в Приложении)

В Польше между 1998 и 2002 г. заметно прибавили в распространенности идентификации: Я —	**В России** между 1998 и 2002 г. заметно прибавили в распространенности идентификации: Я —
безработный	рабочий
гражданин страны, не имеющей значения в мире	пенсионер
учащийся / студент	гражданин Великой державы
	безработный
	обеспеченный
	крестьянин
	советский человек

В России наряду с идентификациями, свидетельствующими об изменениями структуры занятий в обществе (рост идентификаций «рабочий», «пенсионер», «крестьянин»), в 2002 г. обозначились идентификации, говорящие об удовлетворенности людей положением своего государства в мире и своим положением в обществе. Однако возросшая частота таких идентификаций, как «Я безработный», «Я советский человек» свидетельствует об увеличении недовольства, так что картина изменений российского общества не является однозначно положительной.

Анализ представляет противоречивую картину. Он показывает иерархию категорий, от наиболее привлекающих людей до таких, которые не служат членам общества материалом для созидания их «социальной души».

Из сравнения распространенности самоидентификаций в России и Польше напрашивается вывод о сходстве обоих обществ. Как различия позиций отдельных самоотождествлений в иерархии, построенной на основании частоты выбора, так и изменения этих частот достаточно удачно описывают прошлые и текущие трудности, вызовы и успехи названных обществ. Изучение важности идентификаций добавляет к этому новую информацию.

Анализ распространенности еще не говорит о центральности (противопоставляемой маргинальности) данной самоидентификации в ряду других, создающих социальную идентичность индивида. Факт европейской идентификации поляков очевиден для эмпирика, но даже при почти повсеместном проявлении он может остаться маргинальной идентификацией, не имеющей большого значения для поведения групп, выбравших ее. Нечто подобное может случиться и с любой другой идентификацией, даже национальной, гражданской или вероисповедной. Единственным способом выявления центральности, либо маргинальности идентификации в количественном исследовании является вычисление значений индекса важности. Выбираемые людьми идентификации необходимо сравнивать с учетом личной важности, ибо только центральные идентификации способны превращать частное лицо в представителя группы, и только такое превращение имеет ощутимые последствия.

Что важно в Польше, что — в России?

Методическое отступление. Образцы группового поведения, основанные на предпочтении и отличии своих от чужих, унифицирующие установки и поведение в рамках группы, а также стимулирующие коллективные размышления о критериях членства в группе, связаны только с наиболее важными для

индивида самокатегоризациями. В беседе с отдельным лицом нетрудно установить иерархию важности идентификаций. Замысел сравнительного исследования целых обществ требует статистического агрегирования множества самоопределений и испытания «продуктов», приготовленных из тысяч идентификаций. О том, как часто данная идентификация занимала центральное либо маргинальное место среди прочих идентификаций, составляющих социальную идентичность индивидов, можно узнать из значений *индекса важности* той или иной идентификации. Чем выше его значение, тем больше в изучаемом обществе важность данной идентификации. Индекс принял бы значение 100, если бы все опрашиваемые указали какое-то самоопределение на первом месте, утверждая, что для них оно наиважнейшее. В процедуре сортировки исследователь получает относительную важность идентификаций, которые уже прошли отбор и были признаны респондентами подлинными, собственными характеристиками. Иначе говоря, свои реальные черты респонденты подвергли дополнительному взвешиванию, дабы понять и показать, что для них наиболее значимо, какие из идентификаций наиболее важны, как каждое из самоотождествлений с предлагаемыми определениями размещается на шкале «центральные — маргинальные».

Для акта самокатегоризации опрашиваемым представлено 39 разных определений[5], самое высокое место в порядке важности имеет ранг 1, самое низкое — 39. О пяти-шести идентификациях, занимающих первые места, можно сказать, что они были отмечены как наиважнейшие достаточно большой группой респондентов. Интуитивно определенная граница (5–6 первых идентификаций) отделяет идентификации, способные порождать «деперсонализацию»[6], от идентификаций, не обладающих такой способностью. «Деперсонализация», по определению Тёрнера, — механизм качественного превращения индивидов в членов группы. Как только человек принимает, что данная категоризация — его важная черта, тотчас же это индивидуальное самоопределение продуцирует стереотипное восприятие себя и членов других групп («самостереотипизация»), усиливая внутригрупповое сходство, увеличивая привлекательность и близость членов одной и той же группы и повышая единообразие

поведения в ее границах. Усиливается склонность делить мир по принципу «мы — они».

В результате опроса мы получаем «социологические консервы» в виде суммы идентификаций сотен индивидов. Анализ состава этих «консервов» поучителен во всех отношениях. Общество оставляет свой след в иерархии идентификаций, построенной с учетом их важности, потому что умножает именно такие, а не иные ситуации. Связи идентификаций и социального контекста никто не оспаривает. Зависимый от контекста приоритет идентификаций благотворен в повседневных контактах, ибо помогает людям избегать конфликта социальных ролей. На короткое время исследования, однако, эту изменчивость требуется приостановить хотя бы для того, чтобы позже подсчитать, сколько жителей России / Польши чувствуют себя представителями возрастной группы, своей национальности, сколько — людьми верующими и сколько — гражданами государства в момент, когда анкетер раскладывает перед своим собеседником карточки с групповыми определениями и просит соблюдать рекомендации в процедуре отбора и сортировки карточек.

Анализ данных. В таблице 2П Приложения указаны индексы важности всех предложенных в опросе идентификаций. В ней видно, какие черты, ранее указанные как универсально важные, занимают центральное положение, а какие находятся на периферии идентичностей сотен респондентов[7]. В таблице 4 сведены идентификации, демонстрирующие наиболее значимые расхождения показателей важности.

О характере обществ обеих стран многое говорят как сходства, так и отличия полученных иерархий важности идентификаций. В Польше центральными являются национальная, семейная, религиозная, гражданская идентификаци, а также отождествление с категорией своего пола. Собственно, только эти идентификации настолько значимы для людей, что могут сильно влиять на их групповое поведение. Только в отношении этих позиций стоит проверять, ведут ли они к предпочтению представителей своей категории и отделяют как «не своих» членов

Таблица 4

Наибольшие различия между Польшей и Россией по наиболее важным идентификациям
(см. исходную табл. 2П в Приложении)

В Польше важнее, чем в России	Разница индексов	В России важнее, чем в Польше	Разница индексов
Приверженец польских национальных традиций (*вариант для России — Приверженец русской национальной идее*)	27,1	Гражданин страны, которая перестала быть Великой державой *(вариант для Польши — Гражданин страны, не имеющей значения в мире)*	-15,2
Верующий	26,8	Советский человек	-15,1
Европеец	16,2	Житель региона / города / местности	-11,8
Приверженец католических ценностей (*вариант для России - Сторонник православной церкви*)	11,6	Рабочий	-11,5
Поляк	11,4	Сторонник правительств сильной руки	-10
Бедный	9,4	Профессионал	-9,2
Демократ	8,6	Обеспеченный	-7,7
Жена / Муж	7,3	Пенсионер	-6,5
Мужчина / Женщина	7,0	Не верующий	-6,6
Представитель интеллигенции	6,7	Жертва реформ	-6,4

иных групповых категорий, вынуждают ли они отделять своих от чужих, увеличивая тем самым межгрупповые различия, благоприятствуют ли они унификации поведения в рамках группы и вообще побуждают ли людей к совместному обсуждению проблем в собственном сообществе. Привлечение российских данных убеждает в особо важном характере национальной и вероисповедной общности в Польше и слабость идентификации региональной. Признание польским респондентом того, что для него важно быть жителем какого-то региона, города или местности, не обнаруживает чувства групповой принадлежности. Наверное, региональная идентификация, впрочем, так же как и европейская, не инициирует рефлекторных форм группового поведения, не столь сильна, как национальные идентификации. Поляки прежде всего чувствуют себя членами своего народа и своих семей. Самоотождествление с национальностью оживляет связь с гражданским обществом, организованным через посредство национального государства, но поляки в первую очередь — представители своего народа, и только во вторую — граждане польского государства.

Сравнение с данными по России позволяет заметить особенности этой конфигурации. В российском обществе взаимные обязательства («лояльности») меньше нагружены идеей верности нации (этничности). Важно государство, былая мощь которого отражается в самоидентификациях, свидетельствующих о чувстве утраты; важнее всего семейные связи, а не национальные идентификации. Более высокое место в иерархии важности занимают в России региональные идентификации. Русская революция оставила след, уменьшив важность религиозных идентификаций. Она уничтожила уклад жизни, в котором национальная и вероисповедная общности тесно связаны, взаимно усиливая друг друга. По контрасту ясно видно, что поляки сохраняют память о прошлых поражениях, восстаниях, потребность в собственном государстве, национальные мифы и готовность поддержать религию — все противоречивое наследие двух последних столетий.

Таблица 4 позволяет сравнить идентификации, признаваемые наиболее важными жителями Польши и России. Анализ центральности/маргинальности идентификаций подтверждает вышеуказанные результаты, что в Польше наиважнейшая общность среди населения — национальная, затем семейная и относящаяся к половой принадлежности, религиозная и государственная. В России на первые места в иерархии личной важности также чаще всего помещают семью, государственную общность,

Таблица 5

Пять самых важных среди предварительно выбранных идентификаций[8]

В Польше	Индекс	В России	Индекс
Поляк / Россиянин	67,1	Мать / Отец	57,1
Мать / Отец	60,3	Гражданин Польши / России	56,6
Мужчина / Женщина	62,6	Поляк / Россиянин	55,6
Человек верующий	59,2	Мужчина / Женщина	55,6
Гражданин Польши / России	52,7	Житель региона / города / местности	39,8

потом национальную и половую. Относительно важной была также локальная общность, свидетельствующая о сильной привязанности к определенному региону.

Измерения важности ведут к аналогичным заключениям о различиях и сходствах обоих обществ, что и замеры распространенности предлагаемых идентификаций. Очевидно бóльшее значение национальных и религиозных ценностей для поляков и бóльшее значение могущества государства для жителей России. В различиях важности можно заметить большую привязанность поляков к Европе и ее ценностям, и также бóльшую склонность жителей России к идее правительства «сильной руки». Еще раз обращает на себя внимание большая склонность поляков указывать на свою недостаточную материальную обеспеченность и большая готовность россиян подчеркивать личную значимость своей профессиональной деятельности.

В период, предваряющий объединение Польши с Евросоюзом, в сознании поляков не имели себе равных идентификации национальные, семейные, религиозные и государственные, или такая разновидность национальной идентификации, которая отсылает к гражданству национального государства. Наследие XIX и XX вв. — сплав национальной общности с общностью вероисповедной.

Под этим углом зрения российское общество видится более приближенным к состоянию, считающемуся нормальным в современном мире.

Анализ связесозидательного потенциала идентификаций

Идентификации, кроме распространенности и важности (или места в иерархии важности), имеют и другие характеристики. Их видят публицисты и педагоги, которые во времена быстрых общественных перемен ставят, например, вопрос о новом содержании понятия патриотизма. Вопрос этот состоит в том, к каким поступкам обязывает людей, например, их национальность. Проблема выходит за пределы российской и польской наций. Неоцененный по достоинству аналитик Христиан фон Крокков привел стишок времен Второй германской империи. В нем интересна попытка определить содержание тогдашнего патриотизма. Поэт говорил об обязанностях, вытекающих из принадлежности к данному народу. С национальностью ассоциируются жизненные задачи и обязательства перед собственной страной и ее людьми. Как и следовало ожидать на основании нашего знания о закономерностях функционирования социальных идентификаций, среди обязанностей выступает долг всегда предпочитать побратимов-соотечественников и отталкивать чужаков — ненавидеть французского врага и других чужеземцев. Поэт стихами изложил истину, известную всем националистам: связи должны охватывать и усиливать общность соотечественников.

«Где немец находит отчизну свою?»
Там немец находит отчизну свою,
Где дочиста выпалывают чужеземную мишуру,
Где каждый француз означает «враг»,
А каждый немец значит «друг» —
Наш дом родной найдем лишь там!
Да будут немцы все родными нам![9]

Эрнст Мориц Арндт.

Судьба немецкого народа невольно наводит на мысли о последствиях такого толкования патриотизма. Тем интереснее кажется анализ результатов исследования, показывающих обязанности, вытекающие из идентификаций, в том числе национальной, государственной и некоторых других.

Для национальной, семейной, гражданской, вероисповедной, профессиональной и прочих идентификаций необходимо представить и сравнить распределение частот характеристик, *сочетаемых в разных комбинациях.* В польско-российских исследованиях было использовано не много совмещаемых категорий. Только немногие категории Я-идентификации имели свои точные соответствия в вопросах о Мы-идентификациях[10]. В таблице 6 представлены статистическое распределение четырех типов сочетаний. Сравнивается реакция жителей Польши и России, с учетом их указания на важную черту своего Я и декларации близости по отношению к существующим группам. Интересной особенностью российских респондентов была более частая, чем в Польше, позиция «болельщика». Такие люди не отождествляют себя с данным сообществом, но, заявляя о близости, не отделяют себя от него совсем. К примеру, идентичность, построенная на утверждении принадлежности к минувшему, прошлому укладу жизни, порождает более сильные связи в Польше (идентификация плюс чувство внутригрупповой близости). В России гораздо больший процент респондентов декларировали позицию «болельщика», позицию пассивной поддержки (близость без отождествления себя с членами поддерживаемой группы). Похожая ситуация и с идентификацией «Я — предприниматель», которая по каким-то трудным для понимания причинам находит в России более широкую благожелательную аудиторию, чем в Польше. Любопытны российские особенности региональной идентификации, которая для россиян выглядит не только более важной, но и более плодотворной, по сравнению с Польшей, в установлении связей между людьми. Местный патриотизм, конечная опора регионализма, имеет в России иную интенсивность и окраску, чем в Польше.

Каждой идентификации соответствует особая композиция сходства и близости, характеризующая интенсивность внутригруппового предпочтения «своих». Интереснее всего выглядят здесь национальные идентификации (см. табл. 6)[11].

Таблица 6

Распределение респондентов по сочетанию двух форматов идентификации
(разбиение на процентные доли применительно к строкам; данные 1998 г.)

	I. Само-идентификации и близость **(сильные связи)**	II. Само-идентификация без близости **(слабые связи)**	III. Ни само-идентификация, ни близость **(отсутствие связей)**	IV. Близость без самоидентификации **(«болельщики»)**
Национальная идентификация **(Польша)**	39	48	9	4
Национальная идентификация **(Россия)**	54	27	9	10
Идентификация: Человек Народной Польши **(Польша)**	9	20	63	8
Идентификация: Советсткий человек **(Россия)**	4	14	61	21
Идентификация жителя местности, региона **(Польша)**	34	30	23	13
Идентификация жителя местности, региона **(Россия)**	47	27	13	13
Идентификация предпринимателя **(Польша)**	2	5	86	7
Идентификация предпринимателя **(Россия)**	4	2	79	16

В таблице значений индекса важности можно было увидеть, что национальная идентификация в иерархии важности стоит выше у поляков, чем у россиян[12]. Одновременно из таблицы 6 следует, что эту национальную идентификацию охотнее поддерживают декларациями близости к собственной национальной группе в России, чем в Польше. Таким образом, неожиданно показатели важности идентификации и связанное с идентификацией чувство близости по отношению к соотечественникам расходятся. Для жителей Польши вовсе не очевидно, что «каждый поляк значит друг».

Этот результат заслуживает комментария. Национальная самоидентификация по природе своей должна быть социально содержательной: все-таки она присоединяет индивида к сообществу, позволяя ему претендовать на богатое историческое и культурное наследие. В то же время сравнение польской и российской выборок указывает на ущербность такой социализации в Польше. Узрение в себе «польскости» и признание ее важной личной чертой не означают склонности к сильной национальной солидарности. Россияне могли бы выступить здесь в роли учителей национальных рефлексов. Содержание польского патриотизма отличается от содержания патриотизма российского. Последний ближе к образцу, намечаемому националистическими программами и теориями социальной психологии.

Одновременно исследование сочетаний сходства и близости относительно разных общностей раскрывает многомерность народных чувств. Показ причин существующего состояния их — это очередная проблема для исследователя. Результаты, представленные в таблице 6, должны быть включены в какое-то связное описание процессов, происходящих в обоих обществах.

Оказалось, что, изучая связесозидающий потенциал самоидентификаций, исследователи заметили нечто, чего они не могут объяснить, — разную в сравниваемых обществах склонность к чувству солидарности.

Более или менее убедительно выраженный призыв к внутригрупповой солидарности и к дистанцированию от групп «не своих» — не единственная обязанность, ассоциируемая с каждой из идентификаций. Многое было добавлено в дискуссию о том, что поляк/россиянин должен, а чего не должен делать. Исследователя интересует, насколько богат репертуар обязательств, сопряженных с принадлежностью к национальному сообществу, а также то, насколько члены этого сообщества проникнуты этими обязательствами. Оба вопроса поддаются разрешению эмпирическими методами[13]. То же самое можно сказать о каждой идентификации, рассматриваемой в свете дискуссии о долге и обязательствах.

Коллектив ученых в Москве и Варшаве находился в особой ситуации, начиная количественные исследования социальных идентичностей. Чтобы пояснить эту ситуацию, вообразим ученого, который вставил в микроскоп такой набор линз, какого еще никто не применял до него. Теоретическое обоснование исследовательского поведения в случае количественного измерения идентификаций существовало довольно давно — со времени опубликования результатов работ Тэджфела и Тёрнера по проблемам социальных самоидентификаций и закономерностей процессов категоризации вообще. И вот наш воображаемый ученый, пользуясь своим микроскопом, увидел много вещей, которые ожидал увидеть, но наряду с этим были и такие явления, которых он не предвидел, которые его удивили.

Первым поводом для удивления была высокая степень сходства распространенности и важности и связеобразующих способностей идентификаций в России и Польши. Если сходство социальных идентификаций так велико, если фундаменты социализации людей так похожи, то как объяснить разницу способов реагировать на вызовы бурных преобразований в каждом из сравниваемых обществ? Очевидно, для этого недостаточно описать, кем являются члены общества до прояснения принципов функционирования данного сообщества в целом. Методологический индивидуализм, требующий исходить из описания свойств элементов, — плохой советчик там, где надо объяснять деятельность целой системы. Более надежный путь к выяснению трудностей и успехов трансформации всего общества наряду с сознанием людей требует включения в анализ и разнообразных структурных переменных. Социологи имеют свой взгляд на то, каким образом структурные категории влия-

ют на действия людей. Институциональные требования и культурные нормы (как и ожидания, связанные с ролями, с местом, занимаемым на определенном уровне общественной лестницы, с позицией в обществе) — суть факторы, учитываемые при осуществлении деятельности. Все они — составной элемент знания об условиях этой деятельности, а не безальтернативный комплект не подлежащих сомнению и обсуждению решений и поступков[14]. Без учета этих факторов не получится удовлетворительного объяснения явлений, особенно во времена крупных общественных сдвигов.

Новые исследовательские инструменты показали также различия менталитета жителей России и Польши. Некоторые различия функционируют даже в стереотипах обеих наций, например, католичество поляков. Но в стереотипе россиян не было такого элемента, как удовлетворенность достигнутым материальным положением, а в стереотипе поляка не было недостатка в обязательствах испытывать чувство особой близости по отношению к другим полякам.

---

[1] Обсуждение идентификаций по данным исследования 1998 г., См.: *Koseła K.* Procedura I-sort — jej własności na podstawie badań tożsamości społecznych w Polsce i w Rosji // ASK. 2000. N. 9. S. 7–38.

[2] Сравнение частоты выбора идентификации «Я человек, приверженный польским национальным традициям» преувеличивает разницу между Польшей и Россией, поскольку российское «Я приверженец русской национальной идеи» не является адекватным эквивалентом польского определения. Однако при этом нельзя не считаться с большей распространенностью выбора других категорий национальной идентификации в Польше.

[3] Составлены на основе исходных таблиц 2П и 2Па Приложения.

[4] «Отчуждение» в том смысле, каком для нужд эмпирических исследований придал этому термину Мелвин Симан. См.: *Seeman M.* Alienation and engagement // The Human Meaning of Social Change / Angus Campbell, Philip E. Converse (eds.). New York: Russel Sage Foundation, 1972. P. 467–527.

[5] В 2002 г. таких определений было 40. Исследование 1998 г. показало значимость национальной идентификации, почему, принимая во внимание национальную структуру России, и было добавлено определение «Я — представитель своей национальности».

[6] *Turner J. C.* Towards a cognitive redefinition of the social group // Social identity and intergroup relations / Ed. by. H. Tajfel. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 15–39.

[7] Индекс важности идентификаций описывает совокупность индивидов, которые признали данное самоотождествление собственной важной чертой. Тем самым индекс не измеряет распространенности идентификаций.

[8] Значение величины индекса станет яснее благодаря следующему сопоставлению:

— если бы 100% респондентов поместили идентификацию 6-м месте, значение индекса равнялось бы 68,8;

— если бы 100% респондентов поместили идентификацию 7-м месте, значение индекса равнялось бы 62,5;

— если бы 100% респондентов поместили идентификацию 8-м месте, значение индекса равнялось бы 56,3;

— если бы 100% респондентов поместили идентификацию 9-м месте, значение индекса равнялось бы 50,0;

— если бы 100% респондентов поместили идентификацию 10-м месте, значение индекса равнялось бы 43,8;

— если бы 100% респондентов поместили идентификацию 11-м месте, значение индекса равнялось бы 37,5;

— если бы 100% респондентов поместили идентификацию 16-м месте, значение индекса равнялось бы 6,3.

[9] *Grass G.* Krockow op. cit. str. 99 cytat za. Niemieckie rozliczenia. Warszawa: Niezalezna Oficyna Wydawnicza, 1990.

[10] Вопросы о степени близости различных групп российские исследователи задают с регулярными промежутками, начиная с 1991 г. Отслеживание тренда здесь справедливо признается более важным делом, чем методологические тесты. Ср.: *Danilova E., Yadov V.* Social identifications in post-soviet Russia: Empirical evidence and theoretical explanation // International Review of Sociology. 1997. Vol. 7. No. 2. P. 319–335.

[11] Приводятся данные исследования 1998 г.

[12] См. таблицы 4 и 5.

[13] Ср.: *Koseła K.* Postawy młodzieży wobec narodu i patriotyzmu // Studia Politologiczne. Młodzież a zmiany we współczesnym świecie. Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego, 1998. Vol. 3. S. 249–276.

[14] Ср.: Alicja Rokuszewska-Pawełek Miejsce biografii w socjologii interpretatywnej // ASK. 1996. N. 1. S. 37–54.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Таблица 1П**

Динамика распространенности идентификаций в Польше и России

(в порядке убывания распространенности идентификаций в Польше в 2002 г. по отношению к 1998 г.)

Предлагаемые характеристики	**% выбранных характеристик**				**Соотношение процентов в 2002 г. к 1998 г.**	
	Польша		**Россия**		**Польша**	**Россия**
	1998 г.	**2002 г.**	**1998 г.**	**2002 г.**	**2002/1998**	**2002/1998**
Член корпораций / объединений / товариществ	5,5	1,9	4,2	2,7	**0,35**	**0,64**
Не европеец	3,7	1,8	14,1	6,9	**0,49**	**0,49**
Сторонник определенного политика или партии	13,7	6,9	11,7	8,6	**0,50**	**0,74**
Гражданин страны мирового значения (Гражданин Великой державы)	42,9	27,2	24,7	28,2	**0,63**	**1,14**
Представитель своей профессии	33,3	21,9	41,3	36,6	**0,66**	**0,89**
Человек с будущим	40	26,7	38,1	32,8	**0,67**	**0,86**
Обеспеченный	8,4	5,8	18,1	20,2	**0,69**	**1,12**
Демократ	37,7	26,7	13,8	12,5	**0,71**	**0,91**
Славянин	35,7	26,2	43,8	36,3	**0,73**	**0,83**
Крестьянин	15	11,1	14,9	16,1	**0,74**	**1,08**
Работник предприятия, компании, организации	26,6	19,9	39,8	30,3	**0,75**	**0,76**
Сторонник правительств сильной руки	29,8	22,6	38,6	34,5	**0,76**	**0,89**
Европеец	59	45,3	25,5	24,2	**0,77**	**0,95**
Такой как все	56,8	44,5	53,4	47,3	**0,78**	**0,89**
Представитель интеллигенции	33,1	26,3	24,1	15,9	**0,79**	**0,66**
Житель региона / города / местности	63,6	50,6	73,2	65	**0,80**	**0,89**
Хозяин своей судьбы	60,3	48,2	**52,8**	**52,2**	**0,80**	**0,99**
Приверженец католических ценностей (Сторонник православной церкви)	59,2	47,5	40,4	38,6	**0,80**	**0,96**
Предприниматель	7,4	6	6,7	4,4	**0,81**	**0,66**
Человек Народной Польши / Советский человек	29,1	24,1	41,8	43,8	**0,83**	**1,05**
Пожилой	28,1	23,2	31,7	29,6	**0,83**	**0,93**
Человек, который терпеливо переносит превратности судьбы	56,6	47,6	49,2	46,6	**0,84**	**0,95**
Жертва перемен/ реформ после 1989 г.	19	16	37,6	27,7	**0,84**	**0,74**
Неверующий	3,3	2,8	21,5	15,7	**0,85**	**0,73**
Приверженец польской национальных традиций / Приверженец русской национальной идеи	61,5	52,7	16,6	16,6	**0,86**	**1,00**
Пенсионер	30,6	26,3	29,5	34,1	**0,86**	**1,16**
Рабочий	21,6	18,7	29,4	35,1	**0,87**	**1,19**
Молодой	42,3	37,4	41,6	39,5	**0,88**	**0,95**
Гражданин Польши	80,2	71,6	81,7	79,3	**0,89**	**0,97**
Жена / Муж	58,2	53,1	58,4	52,9	**0,91**	**0,91**

Верующий	83,4	77,1	47,1	47,2	**0,92**	**1,00**
Бедный	47,8	44,1	38,6	25	**0,92**	**0,65**
Мать / Отец	70,8	65,7	73	68,7	**0,93**	**0,94**
Человек без будущего	13,7	12,8	22,1	14,6	**0,93**	**0,66**
Мужчина / Женщина	82,5	77,9	89,2	79,1	**0,94**	**0,89**
Поляк / Полька (Русский / Русская)	86,7	83,4	80,6	77,5	**0,96**	**0,96**
Учащийся / Студент	10,3	11,1	8,7	5,7	**1,08**	**0,66**
Гражданин страны, не имеющей значения в мире / Гражданин страны, переставшей быть Великой державой	10,9	12,1	46	34,8	**1,11**	**0,76**
Безработный	12,6	16,2	11,3	12,6	**1,29**	**1,12**
Представитель своей национальности	-	0,8	-	10,2	**-**	**-**

* В таблице 1П строки упорядочены по убыванию соотношения распространенности идентификаций в Польше (колонка 6).

Таблица 2П

Сравнение индексов важности идентификаций в Польше и России

(в порядке убывания различий индексов важности, данные 2002 г.)

Для меня важно, что я:	**Польша**	**Россия**	**Разница между значениями индексов (Польша–Россия)**
приверженец польской национальной традиции (приверженец русской национальной идеи)	34,8	7,7	**27,1**
человек верующий	59,2	32,5	**26,8**
европеец	27,1	10,9	**16,2**
приверженец католических ценностей (сторонник православной церкви)	33,3	21,7	**11,6**
поляк / россиянин	67,1	55,6	**11,4**
человек небогатый	25,5	16,1	**9,4**
демократ	14,5	6,0	**8,6**
жена / муж	46,0	38,7	**7,3**
мужчина / женщина	62,6	55,6	**7,0**
интеллигент	16,1	9,4	**6,7**
учащийся / студент	7,9	4,1	3,8
безработный	11,0	7,7	3,3
мать / отец	60,3	57,1	3,2
человек, который терпеливо сносит превратности судьбы	30,5	28,9	1,5
частный предприниматель	3,8	2,6	1,2
типичный человек	26,5	27,0	-0,5
работник сельского хозяйства	9,2	9,7	-0,5
член корпораций / объединений / товариществ	0,9	1,7	-0,9
сторонник определенного политика или партии	3,2	4,5	-1,3
человек без будущего	7,2	9,0	-1,8
молодой человек	27,7	29,7	-1,9
творец своей судьбы	33,3	35,4	-2,1
не европеец	0,8	2,8	-2,1
гражданин Польши / России	52,7	56,6	-3,9
человек с будущим	17,3	21,7	-4,4
гражданин страны мирового значения (гражданин Великой державы)	12,7	17,3	-4,6

славянин	13,6	18,8	-5,2
работник предприятия, завода, фирмы	11,9	17,3	-5,4
человек пожилой	14,1	19,7	-5,6
представитель национального меньшинства (представитель другой, кроме русской, национальности)	0,3	5,9	-5,6
жертва реформ после 1989 г. (жертва реформ)	9,9	16,3	**-6,4**
пенсионер или рантье	17,9	24,4	**-6,5**
человек неверующий	1,6	8,1	**-6,5**
человек зажиточный, обеспеченный	3,3	11,0	**-7,7**
профессионал	13,6	22,8	**-9,2**
сторонник правительств сильной руки	12,4	22,4	**-10,0**
рабочий	11,2	22,8	**-11,5**
житель региона / города / местности	28,0	39,8	**-11,8**
человек Народной Польши (советский человек)	13,4	28,5	**-15,1**
гражданин страны, не имеющей значения для мира (гражданин страны, которая перестала быть Великой державой)	5,8	21,0	**-15,2**

2-1-2. Кто такие «мы» в России и Польше: сравнение коллективных портретов

Е. Н. Данилова

В литературе единодушно подчеркивается, что постсоветский кризис социальной идентичности — продукт «культурной травмы». Польский социолог Петр Штомпка обозначил таким термином состояние практически всех граждан посткоммунистических стран как минимум в первые годы начала преобразований в экономике, политике и иных сферах общественной жизни. С этим утверждением трудно не согласиться. Вместе с тем, как свидетельствуют наши многолетние исследования в России, наступает определенная стабилизация социальных идентификаций россиян. Начиная с 1992 г. и на протяжении 10 лет мы фиксировали основные тенденции в социальном самоопределении: кого люди считают «своими», кого определяют в качестве «Мы»?[1] По данным мониторинга в 90-е годы сформировались представления россиян о своем месте в системе дифференциации по уровню дохода и рыночных статусов, усилились этническая и локальная идентичности наряду с новой гражданской, испытавшей наиболее серьезный кризис за эти годы.

Наши исследования говорят о чувствительности социальных идентификаций к изменению социального климата в обществе и подтверждают предположение о том, что социальные идентификации имеют контекстуальный характер, т. е. меняются в процессе изменении социальной реальности. Такой же вывод напрашивается и по результатам сравнительного исследования в 1998 г. и 2002 г.: в своих идентификациях россияне и поляки реагировали на текущую ситуацию в своих странах. За период между двумя исследованиями в двух странах произошли заметные изменения. Так, в Польше за этот период макросоциальная ситуация ухудшалась. На эти изменения граждане ответили общим сворачиванием стремления идентифицироваться с различными сообществами. А в России, судя по данным 2002 г., наметилась позитивная тенденция: граждане начинают чувствовать себя благополучнее. Выбирая для себя подходящие характеристики, в 1998 г. (причем

этот опрос проводился до августовского финансово кризиса, весной) на вопрос «Кто Я?» 38% из 1600 респондентов отвечали «Я — жертва реформ», а в 2002 г. таких ответов — 28%. В 1998 г. бедными определяли себя 39%, в 2002 г. — на 14% меньше. В начале 90-х около 70% населения относили себя к «людям без будущего», в 1998 г. (до августовского кризиса) — 22%, а в 2002 г. — всего 14%. Растет и доля соотносящих себя с теми, кто добился успеха: в 1998 г. — 69%, в 2002 г. — 76%. Это серьезные изменения. Люди начинают смотреть вперед увереннее и планировать свою жизнь. Насколько эта тенденция является свидетельством общего оздоровления общественного климата — пока не ясно, но понятно, что в идентификациях «улавливается» социальное самочувствие граждан в конкретной ситуации.

Тем не менее были выявлены и определенные константы в идентификациях. Было установлено, что *первичные группы* (близкий круг общения, включая семью, друзей и товарищей по работе) составляют устойчивый базовый комплекс идентификаций, т. е. большинство россиян всегда выбирает эти группы в качестве «своих». И почти все идентификации, которые связаны с большими «воображаемыми» сообществами и социальными институтами — неустойчивы. При этом общность по политическим убеждениям для большинства населения отходит на периферию искомых признаков для идентичности. Главными ресурсами выживания остаются персональные сети общения: круг знакомых и близких, вызывающих доверие. Вопрос о том, характерны ли эти тенденции только для России или они типичны для других обществ в условиях перемен, оставался открытым. Восполнить этот пробел нам помогают результаты сравнительных российско-польских исследований.

Характер статистических распределений групповых идентификаций

Что общего и различного можно найти в суммарных статистиках идентификаций, полученных в России и Польше? Здесь мы рассмотрим групповые, т. е. Мы-идентификации. Напомним, что Мы-идентификациями мы обозначаем степень причастности индивидов к группам и общностям, указывающую на восприятие их в качестве «своих». В ответах респонденты отмечали, как часто они чувствуют близость к предложенным группам — «часто», «иногда» или «никогда».

Возможны два варианта регистрации идентификации. Первый вариант — расширенный, когда ответы «часто» и «иногда чувствую близость с данной группой» рассматриваются как показатель наличия идентификации, а ответы «никогда» с вариантом «трудно сказать» толкуются как отсутствие идентификации. В этом случае процент выбравших какую-либо группу расширяется за счет ответа «иногда». Природа этого ответа не совсем ясна: вероятно, что такой ответ говорит о ситуативности идентификаций — к ним обращаются лишь иногда, в определенных ситуациях. Также вероятно, что такой ответ может свидетельствовать о небольшой степени актуальности или осознанности выбранной общности, причем не обязательно об отсутствии в ней солидаризующего потенциала.

Второй, более жесткий вариант определения позитивной идентификации основан только на ответе «часто». Здесь мы получаем свидетельства о более устойчивом выборе своей социальной группы. Во втором случае выбор аналогичен отбору самохарактеристик, о чем говорит поквартильный анализ ответов (табл. 1), причем в польской выборке это соответствие выше, чем в российской.

Условно будем определять ответы «часто» как устойчивую идентификацию, а ответы «иногда» — как ситуативную.

Интересно, что именно в характере распределений ответов обнаружена специфика выбора россиян и поляков.

1. В российской выборке выше все статистики позитивной идентификации практически со всеми группами, и суммарной, и в более жесткой формулировке (только «часто»). Нет ни одной общности, которая набрала бы голоса менее половины опрошенных при расширенном варианте регистрации. В польской выборке и те и другие показатели позитивной идентификации ниже.

2. Россияне предпочитают ответ «часто», поляки же гораздо чаще выбирают в качестве положительного ответа «иногда» (См. табл. 1П Приложения). В российской выборке перевес в

Таблица 1

Поквартильное распределение выбора Я- и МЫ-идентификаций и связь между ними

	Квартиль по выбору карточек Я-идентификаций	Среднее количество выбранных карточек в квартиле	Среднее количество выбранных ответов «часто» в Мы-идентификациях	Коэффициент корреляции Пирсона между выборами объектов Я- и МЫ-идентификации
Российская выборка	1 2 3 4	8,7 13 16 20	9,4 11,1 11,4 12,8	0,2472 p=0,0000
Польская выборка	1 2 3 4	7,7 13,6 16,5 20,9	7,4 9,0 10,3 12,1	0,3478 p=0,0000

сторону ответа «часто» встречается для большинства категорий (см. табл. 2 и табл. 1П в Приложении). В польской такой перевес обнаружен только для 7 предложенных групп идентификации (см. табл. 2 и табл. 1П в Приложении).

3. Для поляков характерен более частый выбор негативных идентификаций («никогда не чувствую близость с отдельными группами/общностями»).

Таким образом, россиян отличает большее стремление чувствовать близость с разными группами. Россияне готовы хоть иногда видеть своими практически все предложенные общности, порой даже логически взаимоисключающие.

Поляк не спешит солидаризироваться со многими группами, он более *избирателен* в своем желании увидеть близкие ему группы.

В дальнейшем анализе мы используем в основном только ответы «часто», свидетельствующие о более устойчивом выборе идентификаций.

Распространенность групповых идентификаций «Мы»

Портреты двух народов, полученные через объектив идентификаций, оказались на удивление похожими. Прежде всего, сходство заключается в том, что самыми распространенными являются идентификации с кругом повседневного общения: с семьей, друзьями, коллегами, сверстниками, единомышленниками. В число распространенных попадают идентификации со своим этносом и страной, с людьми одинакового материального достатка, причем и в 1998, и в 2002 г.

Тем не менее для большинства россиян набор «своих» групп шире (см. табл. 2). Для наших соотечественников характерны множественные отношения и низовые связи. Свои — это все те, с кем живут, работают, общаются. Выбор их довольно устойчив, ситуативная составляющая (ответ «иногда») этих солидаризаций менее значительна, чем в Польше.

Большинство же поляков устойчиво выбирают в качестве своих только две категории — семью и друзей. Некоторые исследователи отмечают высокую роль семьи в обществах советского типа или восточноевропейских странах и связывают это с тем, что общественная официальная жизнь не представляла альтернативы дому и семье. Институт семьи в этих обществах окреп в 70-е годы и стал основой «суверенности индивида по отношению к действительности, официозу реального социализма. Именно «в сфере семьи концентрировалась жизненная энергия восточноевропейского общества».[2]

Если ранжировать все категории по процентам ответов, то в упорядоченной таким образом картине отчетливее видны сходства и различия между двумя выборками. Различия в рангах говорят о том, что данная идентификация имеет более высокую распространенность по сравнению с другими идентификациями в этой же выборке, независимо от сравнения показателей ее распространенности по двум выборкам (см. исходную табл. 2П Приложения).

В одинаковой мере базовыми общностями и для поляков и для россиян являются семья, друзья, «свои» по взглядам на жизнь, люди одной и той же по уровню дохода группы (см. табл. 3,

Таблица 2

Наиболее распространенные идентификации в России и Польше, 2002

Россия	% ответов «часто»			Польша
Со своей семьей	87		88	Со своей семьей
С друзьями	87		76	С друзьями
С людьми моего поколения, возраста	80		57	С поляками
С людьми такого же достатка	80		52	С людьми моего поколения, возраста
С теми, кто живет в нашем городе, поселке	72		62	С теми, кто разделяет мои взгляды на жизнь
С теми, кто разделяет мои взгляды на жизнь	79		54	С людьми такого же достатка
С людьми своей национальности	74		50	С приверженцами польских народных традиций
С людьми той же профессии, рода занятий	64			
С россиянами	63			
С товарищами по работе, учебе	61			
С теми, кто уважает местные традиции	60			
С приверженцами русских народных традиций	53			

общее). Россияне и поляки, наверное, не отличаются от других народов. Это прагматическая основа жизни людей в любых странах, по сути, общекультурная модель.

Принципиальное отличие в том, что для россиян поколенческие и трудовые общности, связь с «малой родиной» и этнос все же предпочтительнее, чем общегражданская идентичность

Таблица 3

Базовые общности (1998, 2002)

Общее	Различия	
Одинаковые ранги	***Выше ранг в России***	***Выше ранг в Польше***
Семья	Коллеги	Нация, страна
Друзья	Люди той же профессии	Национальная культура
Единомышленники	Люди одного поколения, возраста (сверстники)	
Люди одной и той же группы по уровню дохода	Этнос	
	Земляки	
	Приверженцы местных традиций	

«россияне». Для поляков, наоборот — общепольская идентичность важнее (табл. 3).

Что касается других, менее распространенных, социальных категорий (табл. 4), то обнаруженные различия имеют симптоматичный характер, поскольку указанные идентификации в определенном смысле маркируют изменения последних лет. Рассмотрим их.

Так, ***усиление социальной дифференциации*** фиксируется по идентификациям «те, кто оказался в числе нуждающихся» и «те, кто достиг успеха». *Общим* является то, что в обеих странах соотношение тех, кто устойчиво относит себя к нуждающимся, и тех, кто считает себя успешным, в пользу первых (табл. 5). В целом в двух странах довольно значительна доля людей, переживающих понижение своего социального и имущественного статуса за годы реформ, испытывающих чувство относительной депривации. В Польше разрыв заметнее (табл. 5) за счет более скромной оценки успешности, и к 2002 г. он усилился. В ранговых порядках здесь «нуждающиеся» заметнее превышают «успешных» по сравнению с Россией. Различие в том, с кем жители этих стран соотносят себя при субъективной оценке: поляки с гражданами Западной

Таблица 4

Общности, идентификации с которыми имеют ранговые различия в России и Польше
(по ответам «часто»)

В России относительно больше распространены (выше рангом), чем в Польше	**В Польше относительно больше распространены (выше рангом), чем в России**
Успешные	Нуждающиеся
Предприниматели	
Наемные работники	
Безразличные к политике	Сторонники тех же политических взглядов
Советский народ	
Граждане СНГ (вариант в Польше –граждане Восточной Европы)	Все люди на планете
Кто уверен, что от его действий ничего не зависит	Кто делает свою судьбу сам
	Кто не любит высовываться

Таблица 5

Соотношение идентификаций с «нуждающимися» и «успешными» в России и Польше
(по ответам «часто»)

Идентификации	**Россия**				**Польша**			
	% ответов		**соотно-шение**		**% ответов**		**соотно-шение**	
	1998	2002	1998	2002	1998	2002	1998	2002
С теми, кто оказался в числе постоянно нуждающихся	38	41	1,6	1,1	40	36	2,1	2,4
С теми, кто добился успеха	23	37			18	15		

Европы, россияне с другими гражданами страны, в рамках внутреннего расслоения.

Новые классовые общности — наемные работники и предприниматели — воспроизводятся в портретах обоих народов в определенных пропорциях; их соотношение, естественно, в пользу наемных работников (табл. 6). Но среди российского населения заметно больше тех, кто чувствует свою близость с людьми, занимающимися своим делом, бизнесом. Это вряд ли означает, что в России в пропорции к численности населения больше предпринимателей, чем в Польше. Такая идентификация у нас имеет своеобразную коннотацию, в этом находит отражение все более распространяющаяся среди населения стратегия опоры на собственные силы в любом деле, что является во многом следствием не оправдавшихся ожиданий в отношении результатов реформ, инициированных государством, и роста антиэтатистских настроений, в том числе и среди самих предпринимателей. В российской выборке оба статуса имеют более высокую статистику и ранговые позиции, чем в польской. Большая их распространенность в России говорит об актуальности указанных общностей, свидетельствует о том, что идет освоение новых понятий и статусов. Поляки же реагируют на данные статусы спокойнее, можно сказать, адекватнее.

Отстраненность населения от политики — тенденция многих стабильных современных обществ. Как показывают наши

Таблица 6

Соотношение идентификаций со статусами «наемные работники» и «предприниматели» в России и Польше
(по ответам «часто»)

Идентификации	**Россия**				**Польша**			
	% ответов		**соотно-шение**		**% ответов**		**соотно-шение**	
	1998	2002	1998	2002	1998	2002	1998	2002
С теми, кто считает себя наемными работниками	30,6	38,1	1,6	1,3	19,7	20,1	2,1	2,2
С теми, кто занимается собственным делом, бизнесом	19,6	30,1			9,0	9,2		

данные, и тем обществам, где недавно бушевали политические страсти, такая тенденция тоже свойственна, но в разной мере. В России соотношение тех, кто безразличен к политике, и тех, кто солидаризуется по политическим взглядам, в пользу первых, причем разрыв растет (табл. 7). А в Польше, наоборот, больше

Таблица 7

Соотношение идентификаций по критерию «отстраненность-вовлеченность в политику» в России и Польше
(по ответам «часто»)

Идентификации	Россия				Польша			
	% ответов		соотношение		% ответов		соотношение	
	1998	2002	1998	2002	1998	2002	1998	2002
С теми, кто не интересуется политикой	29,7	44,6	1	1,3	24,9	22,6	0,7	0,8
С теми, кто близок мне по политическим взглядам, позициям	28,5	33,1			35,0	26,5		

тех, кто солидаризуется по политическим взглядам, хотя различия со временем уменьшаются.

Образы ***социалистического прошлого*** все еще заметны в сознании двух народов, суммарная статистика их распространенности на удивление сходна. Так, понятие «советский народ» в той или иной мере живо в 2002 г. для более 60% российского населения. Сопоставимая категория польского варианта — «те, кто считает, что в ПНР было лучше» — набрала 57%, причем процент идентификаций не упал с 1998 г. Но в России люди заметно чаще делают устойчивый выбор этой общности, а в Польше — больше ситуативных (табл. 8).

Внешний мир. В отношении к новым геополитическим регионам (Содружество Независимых Государств, Восточная Европа) россияне и поляки различаются. Восточная Европа практически не имеет значительного солидаризующего значения для поляков, а страны СНГ обладают притягательной силой для трети россиян (табл. 9).

Таблица 8

Распространенность идентификаций с общностями прошлого

Идентификации	Россия		Польша	
	1998	2002	1998	2002
	Суммарно ответы «часто» и «иногда»			
С общностью «советский народ» / кто считает, что лучше было в ПНР	51,8	62,8	48,7	57,2
	Устойчивый выбор (ответ «часто»)			
С общностью «советский народ» / кто считает, что лучше было в ПНР	25,6	38,4	17,8	20,9

В то же время россияне на фоне поляков в 1998 г. заметно дистанцированы от мирового сообщества, хотя к 2002 г. различия сокращаются. Россияне чаще соотносят себя с «людьми мира».

Таблица 9

Распространенность идентификаций с геополитическими общностями

Идентификации	Россия		Польша	
	1998	2002	1998	2002
	Суммарно ответы «часто» и «иногда»			
С гражданами СНГ / Восточной Европы	62,8	66,8	46,9	41,6
Вообще со всеми люди на планете	48,1	56,9	75,0	71,9
	Устойчивый выбор (ответ «часто»)			
С гражданами СНГ / Восточной Европы	25,6	34,0	8,7	8,0
Вообще со всеми люди на планете	20,7	33,0	40,2	33,6

Нельзя не обратить внимания на такие черты в портретах народов, которые связаны с ***выбором жизненной позиции***. Речь идет о распространенности идентификаций, связанных со стратегиями по критерию «локуса контроля». В анкете были предложены категории для идентификации: с теми, кто не ждет «манны небесной», а сам делает свою судьбу и свою жизнь («интерналы»); кто уверен, что от его действий мало что зависит — главное, как повезет («экстерналы»), и кто не любит «высовываться», а предпочитает жить как все. В целом перевес в ответах в сторону «интерналов», творцов своей судьбы. В обеих странах примерно одинакова доля обывателей, людей которые предпочитают не высовываться, а жить как все.

Однако есть принципиальное различие. В России значительно больше тех, кто не верит в свои действия, в то, что способен что-то изменить. Причем доля таких людей не падает, а растет, несмотря на, казалось бы, относительную стабилизацию общей ситуации к 2002 г. В Польше доля «экстерналов» относительно низка, в пропорции солидаризация по активной позиции заметно выше, чем по пассивной.

Таблица 10

Распространенность и соотношение идентификаций по жизненным позициям
(по ответам «часто»)

Идентификации	Россия				Польша			
	% ответов		соотношение		% ответов		соотношение	
	1998	2002	1998	2002	1998	2002	1998	2002
С теми, кто не ждет «манны небесной», а сам делает свою судьбу	41,9	46,9	1,8	1,4	44,0	39,1	3,9	4,5
С теми, кто уверен, что от его действий ничего не зависит	**23,5**	**34,6**			**11,2**	**8,7**		
С теми, кто не любит «высовываться»	29,4	34,3			29,6	27,4		

Изменения социальных идентификаций 1998–2002 гг.

Казалось, четыре года — не такой значительный период времени для того, чтобы ожидать существенных изменений. Однако это немало для стран, переживающих быстрые социальные перемены. Сравнивая данные за эти годы, мы подтверждаем гипотезу о контекстуальности социальных идентификаций, их зависимости от изменений широкого социального контекста.

В целом можно сказать, что в России повысилась распространенность практически всех коллективных идентификаций, в то время как в Польше наблюдалось скорее сворачивание солидаризационных настроений.

Даже по этим предварительным результатам можно говорить, что в России наблюдается некоторый подъем солидаризационных чувств, что, возможно, отражает оздоровительные тенденции после кризиса 1998 г. Эти тенденции связаны с налаживанием прежде всего частной жизни, адаптацией, а также с ростом политической апатии.

Главное изменение, фиксируемое по российской выборке, — существенный рост солидаризации с большими воображаемыми сообществами. Особенно заметен рост гражданских и патриотических чувств, растет желание солидаризироваться в рамках страны и с внешним миром. Одновременно этнические и локальные сообщества приобретают притягательную силу для россиян.

Усилились и идентификации по достатку, причем появилось больше россиян, идентифицирующих себя с теми, кто достиг успеха и имеет собственное дело. Такие тенденции косвенно говорят о появлении все большего числа людей, которых можно отнести к разряду благополучных. Но есть и другие изменения, которые не позволяют трактовать изменения в однозначно позитивном смысле, — существенно вырос процент тех, кто не интересуется политикой, а также тех, кто считает, что от его действий ничего не зависит.

В Польше изменения говорят о неблагоприятном периоде. Заметны негативные тенденции, что связано с определенными экономическими и социальными проблемами, обострившимися

Таблица 11

Значимые изменения в распространенности идентификаций в России 1998-2002 гг.
(по ответам «часто», %)

Идентификации	1998	2002	Прирост
С теми, кто не интересуется политикой	30	45	**+15**
С приверженцами русских / польских народных традиций	39	53	**+14**
С теми, кто уважает местные традиции	46	60	**+14**
С теми, кто добился успеха	23	37	**+14**
С общностью «Советский народ» / кто считает, что лучше было в ПНР	26	38	**+12**
С теми, кто живет в нашем городе, поселке	60	72	**+12**
С россиянами / поляками	51	63	**+12**
Вообще со всеми люди на планете	21	33	**+12**
С теми, кто уверен, что от его действий ничего не зависит	24	35	**+11**
С людьми своей национальности	64	74	**+10**
С людьми такого же достатка, что и я	70	80	**+10**
С теми, кто занимается собственным делом, бизнесом	20	30	**+10**
С теми, кто считает себя наемными работниками	31	38	**+7**
С гражданами СНГ / Восточной Европы	26	34	**+8**
С людьми моего поколения, возраста	74	80	**+6**

в этот период, прежде всего ростом безработицы и социального расслоения. Уменьшилась доля тех, кто считает, что добился успеха, занимается собственным бизнесом, идентифицирующих себя с земляками, профессиональными сообществами, политическими единомышленниками, однако, увеличилась доля тех, кто испытывает ностальгические чувства по социализму.

Таблица 12

Значимые изменения в распространенности идентификаций в Польше 1998-2002 гг.
(по ответам «часто», %)

Идентификации	1998	2002	Спад
С людьми моего поколения, возраста	57,7	**51,7**	**-6**
С теми, кто близок мне по политическим взглядам, позициям	35,0	**26,5**	**-9**
С людьми той же профессии, рода занятий	47,7	**41,0**	**-7**
С товарищами по работе, учебе	49,7	**42,2**	**-7**
Вообще со всеми люди на планете	40,2	**33,6**	**-6**

Латентные структуры социальных идентификаций

Латентные структуры — итог статистической операции, обнаруживающей «узлы» взаимосвязей тех ответов, которые дали респонденты на вопрос об идентификациях. Факторный анализ предназначен для того, чтобы выявить скрытую от самих респондентов структуру их солидаризационных стремлений.

Представим себе, что психологи подвергли множеству тестовых испытаний сотни людей, стремясь измерить уровень воображения, долгосрочную и краткосрочную память, аналитические способности, меру волевого усилия и т. п. Нетрудно предположить, что одни из этих свойств психики взаимосвязаны, тогда как другие — нет. Чтобы выявить эти «связки» — синдромы, А. Гинфорд предложил статистическую процедуру факторного анализа. Суть ее состоит в следующем. Устанавливаются взаимосвязи каждого отдельного свойства (каждое свойство измерено отдельным тестом и получило числовое значение как сильное или слабое) с каждым другим из сколь угодно большого множества измеренных свойств. В итоге этой процедуры будет получена матрица взаимосвязей — попарных интеркорреляций. Группы свойств, взаимосвязанных между собой, но слабо взаимосвязанных с другими группами свойств и будут теми синдромами — гнездами свойств, которые образуют скры-

тую за многими тестовыми показателями (латентную) структуру психики (в частности, интеллекта, волевых качеств и др.).

Мы прибегли к факторному анализу идентификаций более тысячи опрошенных в каждом отдельном опросе в надежде обнаружить скрытую структуру идентификационных предпочтений в массовом сознании. Это — общая для всей совокупности опрошенных структура идентификаций.

Коррелирующие с фактором, т. е. имеющие высокие факторные нагрузки, переменные дают подсказку к интерпретации и наименованию данного синдрома-фактора. Показатель информативности («И» — процент исчерпанной данным фактором общей дисперсии) говорит о том, какова доля корреляционных взаимосвязей, объясняемых этим фактором (табл. 13).

При факторном анализе методом вращения OBLIMIN по обеим выборкам 24 групповых идентификации были сведены к шести «связкам» по данным 1998 г. и к пяти — по данным 2002 г., причем в 2002 г. факторные структуры практически воспроизвелись.

Итак, для двух народов характерны одни и те же тенденции в определении «своих» групп. Полученные факторы говорят о том, что в совокупном сознании россиян и поляков присутствуют одинаковые «синдромы». Это — тяготение к тем, кто окружает и с кем общаются люди в повседневной жизни, национально-гражданские чувства, включенность в деловые и профессиональные сообщества, обывательско-пассивный синдром, а также тоска по прошлому (табл. 13).

Тем не менее в структурах самих факторов есть некоторые особенности, на которые полезно обратить внимание. Они добавляют существенные штрихи к портретам россиян и поляков.

Самые заметные различия видны при рассмотрении структуры факторов, условно названных «Мы-россияне» и «Мы-поляки». Польские данные дают нам четко выраженную консистентную структуру национальной идентификации. Воображаемые сообщества сплавились в одно. Этот сплав обогащен национальной, гражданской, культурной («сторонник польских народных традиций») и локальной компонентами, при этом здесь не отвергается открытость национальной идентичности внешнему миру — «близость со всем человечеством». Это — самый информативный фактор из шести полученных («И» = 16 %).

Для россиян сплава этнической, культурной и гражданской составляющих не наблюдается. В сознании россиян они расщеплены. В факторах наблюдается разрыв этих компонент: этнические общности коррелируют с первичными группами, культурные компоненты — с советской идентичностью. Гражданская идентификация «россияне» остается абстрактной, но при этом открытой. Она не наполнена никакими другими смыслами, кроме стремления идентифицироваться с большими общностями типа «граждане СНГ» и «все люди на планете».

Как было отмечено, для россиян и поляков все еще имеют значение образы социалистического прошлого, причем, скорее для тех, чье материальное положение ухудшилось. Идентификации с сообществами прошлого (в нашей стране — «советский народ», в Польше — «те, кто считает, что было лучше в ПНР»), как и близость с «обездоленными», не случайно сгруппировались в одном факторе на двух массивах данных. Они имеют схожую смысловую нагрузку и для поляков, и для россиян — утрата стабильности и социальных гарантий, имевших место при социализме, и трудности адаптации к рыночным условиям. Как правило, стремление идентифицировать себя с общностями прошлого заметнее выражено у групп, не обладающих достаточными социальными и личностными ресурсами.

В Польше сторонники социализма — просто депривированные слои. А в российской выборке высокие нагрузки в этом факторе получили еще и идентификации с теми, кто уважает русские и местные традиции. Сторонниками русских и местных традиций чаще являются те, кто относит себя с советскому народу. Данный фактор выявляет структуру массового сознания, называемого в современной теории «локальным» (в отличие от глобального или называвшегося в 60-е годы «метрополитическим), «закрытым». Он противостоит модели открытой гражданской идентификации, которая, как показал факторный анализ, есть в Польше, а в России связана с категорией «россияне».

Фактор, называемый «контактные группы», практически идентичен в двух выборках. В российской выборке в состав этого

Таблица 13

Структуры социальных идентификаций россиян и поляков (2002)

РОССИЯ		ПОЛЬША	
МЫ — россияне *(И = 11,7%)*		**МЫ — поляки** *(И = 15,9%)*	
Россияне	**0,68**	Поляки	**0,50**
Граждане СНГ	**0,42**	Приверженцы польских традиций	**0,75**
Все люди на планете	**0,77**	Люди моей национальности	**0,50**
		Сторонники местных традиций	**0,50**
		Все люди на планете	**0,60**
«Советские люди» *(И = 13,4%)*		**«Сторонники социализма»** *(И = 9,5%)*	
Общность «Советский народ»	**0,62**	Сторонники ПНР	**0,78**
Нуждающиеся	**0,60**	Нуждающиеся	**0,56**
Приверженцы русских традиций	**0,54**	Кто считает, что от него ничего не зависит	**0,61**
Сторонники местных традиций	**0,70**		
«Контактные группы» *(И = 7,5%)*		**«Контактные группы»** *(И = 12,9%)*	
Семья	**0,60**	Единомышленники	**0,64**
Единомышленники	**0,58**	Семья	**0,63**
Друзья	**0,67**	Друзья	**0,71**
Люди моего поколения	**0,57**	Люди моего поколения	0,41
Люди такого же достатка	**0,63**	Равные по достатку	**0,50**
Земляки	**0,55**	Земляки	**0,68**
Люди моей национальности	**0,52**		
«Деловые люди» *(И = 10,3%)*		**«Деловые люди»** *(И = 12,3%)*	
Хозяева своей судьбы	**0,60**	Хозяева своей судьбы	**0,55**
Те, кто добился успеха	**0,63**	Те, кто добился успеха	**0,71**
Бизнесмены	**0,64**	Бизнесмены	**0,59**
Люди той же профессии	**0,68**	Люди той же профессии	**0,51**
Товарищи по работе	**0,67**	Товарищи по работе	**0,53**
Сторонники таких же политических взглядов	**0,57**	Сторонники таких же политических взглядов	**0,47**
		Наемные работники	**0,43**
«Пассивные обыватели» *(И = 9.5%)*		**«Пассивные обыватели»** *(И = 9.7%)*	
Кто не интересуется политикой	**0,52**	Кто не интересуется политикой	**0,69**
Кто не любит высовываться	**0,75**	Кто не любит высовываться	**0,59**
Кто считает, что от него ничего не зависит	**0,67**		
Наемные работники	**0,46**		

фактора входят этнические идентификации («люди моей национальности»), которые в России отражают скорее реальные группы, чем воображаемые сообщества.

Два других фактора выявляют общности по сходству жизненных стратегий, различаемых аналогично критерию «локуса контроля». В одном случае — это стремление найти себе подобных по активной жизненной позиции и ориентации на свои собственные силы («интерналы»), в другом — на пассивное принятие судьбы («экстерналы»).

Первая стратегия нашла выражение в факторе, условно названном «деловые люди», который собрал в «связку» идентификации с теми, кто не ждет «манны небесной», а сам делает свою судьбу; кто добился успеха; с теми, кто занимается собственным бизнесом и близок по политическим взглядам. Отрадно, что в данный фактор вошли и идентификации с профессиональными и трудовыми общностями. Такие идентификации характерны скорее для новых слоев российского и польского обществ.

Другая — «отстраненно-пассивная» позиция, проявилась в факторе, условно обозначенном как «пассивные обыватели», и объединила «тех, кто не любит “высовываться”, а предпочитает жить как все» и «тех, кто считает, что от его действий мало что зависит». Такой фактор присутствует и в польской, и в российской выборках.

Однако есть одно небольшое, но принципиальное отличие. Идентификации с наемными работниками в польской выборке коррелируют с фактором активности «деловые люди», а в российской — с пассивными обывателями, что, возможно, говорит о негативном восприятии россиянами статуса наемного работника. В их сознании, в отличие от поляков, эта категория не

связывается с успехами в профессиональной деятельности и активной стратегией.

Заключение

«Фотографические портреты» двух народов, полученные с помощью объектива идентификаций, оказались весьма похожими. Исследование показало, что в двух странах, переживающих серьезные структурные изменения, социальная ткань сохранилась. В России, так же как и в Польше, низовые социальные связи не разрушены, наиболее распространенные идентификации отражают сферу повседневных контактов и жизненных интересов. Прав был Фердинанд Тённис, рассматривая общинность в качестве источника социальной стабильности. В годы радикальных перемен люди особенно испытывают потребность в присущих общинному, устройству социальных взаимоотношениях. Для обоих народов также важны национальные и государственные сообщества. Общим является и то, что в коллективных портретах примерно одинаковым образом проявляются идентификации, отражающие вызовы и изменения последних лет.

Тем не менее польский портрет более сфокусирован, а российский — более размыт. Образно говоря, совокупный польский портрет состоит из множества фотографий отдельных поляков в окружении их семей и близких на фоне высоко поднятого польского флага и других символов своей нации и культуры. Россияне же сфотографированы в обширном кругу тех, с кем общаются, живут, работают, с кем эмоционально связаны, на фоне приподнятого российского флага и других символов, в том числе этнических, местных и советских.

Портреты имеют и различную четкость изображения. Средний поляк более избирателен и осторожен в своих стремлениях солидаризоваться, он не спешит проявлять близость ко многим социальным группам. Только в двух случаях большинство поляков делают устойчивый выбор — семья и друзья. Солидаризация с другими сообществами, в том числе и со своей нацией, отмечается частью поляков ситуативно. Средний россиянин готов распознать своих практически в любой общности, открыт многим сообществам. Конечно, можно приписать эти различия коллективистскому характеру россиянина и более индивидуалистичному — поляка. Но если попытаться уйти от стереотипов, то возникает вопрос, а не скрывается ли за этим фактом, обнаруженным в двух замерах, различий в чем-то ином? И именно в более ответственном отношении среднего поляка к выбору своих групп, и «всеядном» — россиянина, ищущего вокруг возможных опор. Не от того ли эта «всеядность», что россиянин не очень осознает, что за декларациями о сопричастности может стоять определенное поведение, некая ответственность и готовность сотрудничать с этими группами? Признавая многие группы своими, россиянин выбирает больше как бы на всякий случай — кто знает, может, пригодятся, ничего, даже если и окажешься «своим среди чужих» или «чужим среди своих». Представления россиянина о своем обществе, проступающие сквозь его идентификации, более неопределенные, размытые, основной мотив солидаризации — поиск опоры в любых общностях.

По характеру выбора своих групп поляком складывается впечатление, что для него более понятно, что ожидается от него и что он может ожидать от конкретных групп, его выбор более тщателен. Может быть, оттого, что четче оформлены и сами сообщества, и известны и приняты правила взаимоотношений и взаимных обязательств, по которым они существуют? Россиянин же не ведает таких правил или в эти правила не верит.

При ярче выраженном стремлении солидаризоваться россияне более пассивны, многие из них уверены, что от их действий ничего не зависит, проявляют политическую апатию, отстраненность. Поляки при безусловной ценности семьи и частной жизни демонстрируют относительно большую, чем россияне, вовлеченность в политическую жизнь и более активную жизненную позицию. Скорее всего, это не свидетельство российской патриархальности, но продукт недоверия российским властным структурам и тем, кого называют «олигархами», коррумпированным чиновникам, представляющим власть.

Другое принципиальное различие — в основах консолидации. Основная общность консолидации поляков — в рамках нации. Это — стержневая конструкция идентификаций, поддерживающая все остальные. В России же линий солидаризации множество. Единой консолидирующей конструкции, как в Польше,

нет. Отсюда рост партикуляристских идентификаций. Практически все они основаны на противостоянии интересов: это и локализм, и корпоративизм, и противостояние по мировоззренческим позициям. В России — очаговая солидаризация, в Польше — стержневая. Этим же во многом обусловлен и тяжелый процесс формирования общенациональной гражданской идентификации в современной России, что отчетливо видно на фоне Польши. Тем не менее в России есть тенденция к открытости внешнему миру— растет число тех, кто видит себя частью мира, всего человечества.

Есть еще один вопрос, возникающий при рассмотрении данных, — о тенденции позитивных изменений в России, схваченных нашим исследованием. Рост солидаризационных настроений можно рассматривать как позитивный показатель социального самочувствия, отрадно, что в близкие общности россияне стали чаще включать и остальной мир. Но насколько твердо можно говорить об улучшении общественных настроений и психологическом климате в обществе, в котором растет доля людей, считающих, что от их действий ничего не зависит?

Да, падение интереса к политике соответствует общей мировой тенденции. По недавним советским меркам плохо, что люди не интересуются политикой, а по современным западным образцам — так и должно быть. Люди живут семьей, своей работой. Они входят в нормальный режим повседневности. Замыкание в обывательском мире, может, и неплохо, но странам, стоящим перед различными внешними и внутренними вызовами, скорее нужны активные люди, верящие в себя и свои силы, а не апатичные и безразличные. В этом смысле польский портрет выглядит более энергичным и четким.

---

[1] *Данилова Е. Н.* Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 76–86.

[2] *Коровицына Н. В.* С Россией и без нее: Восточноевропейский путь развития. М.: Эксмо, 2003. С. 78.

Таблица 1П

Распределения ответов «Часто….» и «Иногда чувствую близость с ……..»

2002	Россия			Польша		
	«Часто» %	«Иногда» %	Соотношение «часто»/«иногда»	«Часто» %	«Иногда» %	Соотношение «часто»/«иногда»
Со своей семьей	87	10	8,7	88	11	8,0
С друзьями	87	10	8,7	76	19	7,6
С людьми такого же достатка, что и я	80	16	5,0	54	37	1,5
С людьми моего поколения, возраста	80	17	4,7	52	41	1,3
С теми, кто разделяет мои взгляды на жизнь	79	16	4,9	62	30	2,1
С людьми своей национальности	74	21	3,5	38	**48**	**0,8**
С теми, кто живет в нашем городе, поселке	72	24	3,0	43	**45**	**0,9**
С людьми той же профессии, рода занятий	64	23	2,7	41	35	1,2
С россиянами / поляками	63	25	2,5	57	36	1,6
С товарищами по работе, учебе	61	21	2,9	42	30	1,4
С теми, кто уважает местные традиции	60	28	2,1	36	**46**	**0,8**
С приверженцами русских / польских народных традиций	53	30	1,8	50	38	1,4

С теми, кто не ждет «манны небесной», а сам делает свою судьбу	47	30	1,6	39	38	1,0
С теми, кто не интересуется политикой	45	34	1,3	23	**44**	**0,5**
С теми, кто оказался в числе постоянно нуждающихся	41	38	1,1	36	**45**	**0,8**
С теми, кто считает себя наемными работниками	38	29	1,3	20	**41**	**0,5**
С общностью «Советский народ» / кто считает что лучше было в ПНР	38	25	1.5	21	**36**	**0,6**
С теми, кто добился успеха	37	**39**	**0,9**	15	**41**	**0,4**
С теми, кто уверен, что от его действий ничего не зависит	35	**37**	**0,9**	9	**37**	**0,2**
С гражданами СНГ / Восточной Европы	34	33	1,0	8	**34**	**0,2**
С теми, кто не любит «высовываться»	34	**36**	**0,9**	27	**37**	**0,7**
С теми, кто близок мне по политическим взглядам, позициям	33	31	1,1	27	**39**	**0,7**
Вообще со всеми люди на планете	33	24	1,4	34	**38**	**0,9**
С теми, кто занимается собственным делом, бизнесом	30	**36**	**0,8**	9	**30**	**0,3**

Таблица 2П

Распространенность идентификаций, 2002

(по ответам «часто», в порядке убывания % ответов в российской выборке)

Идентификации	**% ответов**	***ранг***	**% ответов**	***Ранг***
Со своей семьей	87	*1-2*	88	*1*
С друзьями	87	*1-2*	76	*2*
С людьми моего поколения, возраста	80	***3-5***	52	*6-7*
С людьми такого же достатка, что и я	80	*3-5*	54	*4-5*
С теми, кто разделяет мои взгляды на жизнь	79	*3-5*	62	*3*
С людьми своей национальности	74	***6-7***	38	*11-12*
С теми, кто живет в нашем городе, поселке	72	***6-7***	43	*8-10*
С людьми той же профессии, рода занятий	64	*8-11*	41	*8-10*
С россиянами / поляками	63	*8-11*	57	***4-5***
С товарищами по работе, учебе	61	*8-11*	42	*8-10*
С теми, кто уважает местные традиции	60	***8-11***	36	*13-14*
С приверженцами русских / польских народных традиций	53	*12*	50	***6-7***
С теми, кто не ждет «манны небесной», а сам делает свою судьбу	47	*13-14*	39	***11-12***
С теми, кто не интересуется политикой	45	***13-14***	23	*18-20*
С теми, кто оказался в числе постоянно нуждающихся	41	*15*	36	***13-14***

С общностью «Советский народ» / кто считает что лучше было в ПНР	38	***16-18***	**21**	***18-20***
С теми, кто считает себя наемными работниками	38	*16-18*	20	*18-20*
С теми, кто добился успеха	37	***16-18***	15	*21*
С теми, кто уверен, что от его действий ничего не зависит	34	***19-21***	9	*22-24*
С теми, кто не любит «высовываться»	34	*19-21*	27	*16-17*
С гражданами СНГ / Восточной Европы	34	***19-21***	8	*22-24*
С теми, кто близок мне по политическим взглядам, позициям	33	*21-24*	27	***16-17***
Вообще со всеми люди на планете	33	*21-24*	34	***15***
С теми, кто занимается собственным делом, бизнесом	30	*21-24*	9	*22-24*

Таблица 3П

Динамика изменений распространенности идентификаций 1998–2002
(по ответам «часто»)

Идентификации	**Россия**			**Польша**		
	1998	**2002**	**Разница 2002–1998**	**1998**	**2002**	**Разница 2002–1998**
С теми, кто не интересуется политикой	29,7	**44,6**	**+15**	24,9	22,6	-5
С приверженцами русских / польских народных традиций	38,6	**52,5**	**+14**	51,5	49,7	-2
С теми, кто уважает местные традиции	45,8	**60,0**	**+14**	39,1	36,0	-3
С теми, кто добился успеха	22,7	**36,6**	**+14**	18,4	14,8	-4
С общностью «Советский народ» / кто считает, что лучше было в ПНР	25,6	**38,4**	**+13**	17,8	20,9	+3
С теми, кто живет в нашем городе, поселке	60,0	**72,3**	**+12**	47,2	42,8	-5
С Россиянами / поляками	50,8	**63,2**	**+12**	57,7	56,5	-1
Вообще со всеми люди на планете	20,7	**33,0**	**+12**	40,2	**33,6**	**-6**
С людьми своей национальности	63,8	**74,4**	**+11**	43,7	38,4	-5
С теми, кто занимается собственным делом, бизнесом	19,6	**30,1**	**+11**	9,0	9,2	0
С теми, кто уверен, что от его действий ничего не зависит	23,5	**34,6**	**+11**	11,2	8,7	-2
С людьми такого же достатка, что и я	70,3	**79,7**	**+9**	58,0	54,3	-4
С теми, кто считает себя наемными работниками	30,6	**38,1**	**+8**	19,7	20,1	0
С гражданами СНГ / Восточной Европы	25,6	**34,0**	**+8**	8,7	8,0	-1
С людьми моего поколения, возраста	74,3	**80,3**	**+6**	57,7	**51,7**	**-6**
С теми, кто не ждет «манны небесной», а сам делает свою судьбу	41,9	46,9	+5	44,0	39,1	-5
С теми, кто близок мне по политическим взглядам, позициям	28,5	33,1	+5	35,0	**26,5**	**-9**

С теми, кто не любит «высовываться»	29,4	34,3	+5	29,6	27,4	-2
С теми, кто оказался в числе постоянно нуждающихся	38,3	41,3	+3	40,2	36,0	-4
С людьми той же профессии, рода занятий	61,1	64,0	+3	47,7	**41,0**	**-7**
Со своей семьей	84,4	87,3	+3	89,3	88,2	-1
С теми, кто разделяет мои взгляды на жизнь	75,3	78,7	+3	65,5	62,2	-3
С друзьями	86,4	86,6	0	79,2	76,3	-3
С товарищами по работе, учебе	64,0	61,1	-3	49,7	**42,2**	**-7**

2-2. Адаптация к переменам: кто выиграл, кто проиграл

О. Н. Дудченко, А. В. Мытиль

Социальный контекст адаптационных процессов

Глубинные изменения, происходящие в нашей стране и странах бывшего «социалистического лагеря», послужили своеобразным катализатором общественного внимания к теме социальной адаптации. Окончание противостояния двух систем знаменовало начало внутренних преобразований, названных П. Штомпкой «культурной травмой». Социально-политические и экономические реформы, развернувшиеся в странах Восточной Европы, существенным образом изменили «правила игры», сформулировали вызовы, ответить на которые должны были не какие-то отдельные социальные группы, а общество в целом.

Помимо всех прочих вопросов, связанных с процессом индивидуального и группового приспособления к изменяющимся условиям, несомненный интерес представляет изучение социального эффекта адаптации. Можно перечислить ряд проблем, исследование которых имеет и теоретическую, и практическую значимость: каким становится общество в результате успешной или неуспешной адаптации своих членов к новым условиям; какие адаптационные ресурсы и стратегии являются удачными или воспринимаются в качестве таковых; какие ценности, нормы, системы правил формируются в процессе адаптации? И еще один вопрос: можно ли по характеру изменений прогнозировать специфику не только адаптационного процесса, но и его результатов?

Наше российско-польское исследование предоставило возможность ответить на ряд поставленных вопросов. Помимо этого, сопоставление адаптационных процессов в двух стра-

нах, претерпевших сходные социально-политические изменения (в Польше путем «шоковой терапии» Бальцеровича, в России — путем длительного реформирования), позволяет оценить эффективность адаптационных стратегий, ресурсов, обрисовать стадии процесса адаптации общества к кардинально изменившимся условиям.

Многие исследователи подчеркивали, что в странах бывшего «социалистического лагеря» «общие закономерности обеих структурных трансформаций — и той, что началась на рубеже 1940–1950-х, и второй, рубежа 1980–1990-х годов, связанной с крушением социалистической системы, — преобладают над национальными особенностями»[1].

В этом смысле интересны результаты сравнительного исследования самовосприятия социально-политической ситуации в 1991 г. западными и восточными немцами. По оценке западных немцев, бывшие граждане ГДР, социализированные в восточноевропейской среде, скромнее, более уважительны и дружелюбнее относятся к детям. Кроме того, отмечались такие качества «веси» (восточных немцев), как отзывчивость, прилежность, честность, интерес к политике и критичность. Восточногерманский менталитет менее прагматичен, т. е. не столь ориентирован на достижение конкретного результата деятельности и отношений. По самооценке, западные немцы («оси») самостоятельнее, больше открыты миру, мыслят свободнее, решительнее, более деловые и предприимчивые, дисциплинированные, больше заботятся о деньгах[2].

Еще одна общая характеристика предадаптационного периода — неясность ожиданий от реформ. Хотя рыночные категории для подавляющего большинства восточноевропейцев оставались полной абстрацкией, на неясную и неопределенную идею экономической реформы ими возлагались большие надежды. Так, Л. Коларская и А. Рихард пришли к выводу о «туманном представлении о реформе» в сознании поляков. Народ просто хотел иметь хороший общественный порядок, подразумевая под ним одновременно и эгалитарную модель, и признание принципа вознаграждения за эффективность. Считалось, что это два независимых друг от друга элемента социальной справедливости[3].

Методика исследования уровней адаптированности к данной ситуации в обществе

Социальное самочувствие населения можно рассматривать как индикатор благополучия общества в период трансформаций, т. е. инструмент, фиксирующий степень адаптированности населения к происходящим изменениям.

Помимо этого анализ уровня социального самочувствия в отдельных социальных группах позволяет оценить «адресность» реформ, т. е. выделить те социальные общности, ожиданиям которых в наибольшей степени отвечают происходящие изменения.

В данном разделе уровень социального самочувствия рассматривается как интегральный показатель степени адаптированности россиян и поляков к новым социальным реалиям, адекватным движению общества от тоталитаризма к демократии, от правил «плановой экономики» к рынку, свободной конкуренции.

Речь идет о принятии или отвержении новой матрицы социального взаимодействия: тех или иных социальных общностей и конвенциальных ролей в качестве основы для самоидентификации. При этом анализ построен на сопоставлении оценок контрастных по степени адаптации групп: тех, кто по идентификационным показателям считает себя «выигравшим» от произошедших изменений, и тех, кто ощущает себя «проигравшим».

Сопоставление характеристик наиболее адаптированных к социальным изменениям групп дает представление о направленности реформ в России и Польше. Можно предположить, что социальная направленность изменений одинакова в обеих странах, если группы «выигравших» обладают схожими социально-экономическими, демографическими и социально-психологическими характеристиками. В этом случае выявленная разница в идентификационных основаниях у наиболее адаптированных групп будет свидетельствовать о специфике социальных трансформаций в России и Польше, о последовательности и успешности прохождения реформ в обеих странах.

Конечно, необходимо учитывать, что в России и Польше существовал различный адаптационный социальный фон. Раз-

личались скорость, последовательность и направленность реформ. В течение пяти лет, прошедших между первым и вторым исследованием, в обеих странах также произошли серьезные события, определенным образом скорректировавшие условия адаптации и ее содержание.

Существовало различие и в сроках наступления трансформаций: если в России движение в сторону демократизации и рыночных реформ началось на рубеже 90-х годов, то в Польше — уже в начале 80-х. Таким образом, у поляков по сравнению с россиянами адаптационная история длиннее практически на целое десятилетие. К тому же необходимо помнить о различиях в агентах, формулировавших новые вызовы. В России инициатором реформаторской деятельности были «верхи» (партийно-номенклатурная элита), в Польше — «низы» (протестное движение «Солидарность»).

Тем не менее, по данным многих исследований, предадаптационный фон (социально-политические условия, сложившиеся к началу 80-х годов) в обеих странах имел схожие черты. Отсутствовали традиции политической демократии в западном ее понимании, как и традиции современной рыночной экономики[4].

Методика оценки «социального самочувствия». Уровень социального самочувствия — показатель, свидетельствующий о том, насколько комфортно и уверенно ощущает себя человек в своей социальной среде. Он определяется нами на основании комбинации трех взаимосвязанных составляющих:

1. Удовлетворенность достижениями — социальное самочувствие «здесь и сейчас», основанное на оценке ретроспективной динамики развития личной ситуации. Ощущение позитивной динамики личного благополучия — необходимое условие для хорошего социального самочувствия в целом.

2. Уверенность в будущем. Если удовлетворенность достижениями является необходимым, то «уверенность в завтрашнем дне» — достаточным условием для успешной адаптации. Это, прежде всего, возможность прогнозировать развитие событий, «просматривать» для себя «социальное будущее», что становится особенно важным именно в ситуации нестабильности. Исследования показали, что сужение горизонтов «прогнозируемого будущего» приводит к серьезным негативным последствиям для отдельного индивида (тревожность, депрессия, раздражительность, апатия) и общества в целом. На социетальном уровне доминирование неуверенности в будущем означает риск нарастания экстремизма, преступности, нарушения социальных норм.

3. Локус контроля в классическом понимании[5] означает склонность человека приписывать ответственность за результаты своей деятельности либо внешним силам (экстернальность), либо собственным способностям и усилиям (интернальность). При определении уровня социального самочувствия мы интерпретируем локус контроля, как ощущение человеком возможности влиять на развитие ситуации, обеспечение собственного благополучия. Получается континуум, на одном из полюсов которого находится ощущение собственного бессилия («от меня ничего не зависит»), на другом — абсолютизация собственного влияния («все зависит от моих собственных усилий»). Образно говоря, характер локуса контроля является своеобразным связующим звеном, скрепляющим необходимый и достаточный элементы социального самочувствия.

Техника диагностики достаточно проста, заключается в подсчете плюсов и минусов по каждой из трех позиций. Три плюса — это хорошее социальное самочувствие, два — среднее, один или ни одного — плохое. Например, если человек считает, что его жизнь в целом улучшается, он обладает возможностью планировать свое будущее и каким-то образом влиять на реализацию этих планов, то его социальное самочувствие «хорошее». Наоборот, если есть ощущение, что жизнь стоит на месте, перспективы не ясные, и все зависит от внешних обстоятельств, то социальное самочувствие «плохое».

Методологической основой для измерения социального самочувствия стал блок вопросов, касающихся оценки уровня личного благополучия респондентов (методика «социального термометра»). Вопрос задавался следующим образом: «Представьте себе шкалу из десяти пунктов, на которой справа (в точке 10) — люди, которых лично Вы считаете наиболее благополучными, а слева (в точке 1) — наиболее, с Вашей точки зрения, неблаго-

получными. Где на этой шкале Вы поместили бы себя: а) в настоящее время; б) где Вы находились пять лет назад; в) какое место Вы считаете подобающим для себя?».

На основе разницы данных между сегодняшней и ретроспективной самооценкой благополучия были выделены три группы по степени социальной адаптированности:

— «потери» — отрицательная динамика; вошедшие в эту группу респонденты ощущают ухудшение своего благополучия;

— «стабильность» — самооценки сегодняшнего и прошлого уровня благополучия совпадают;

— «приобретения» — положительная динамика благополучия.

Пятилетний интервал для ретроспективного анализа был выбран с целью фиксации изменений, относящихся к «недавнему прошлому», но происходящих на фоне трансформации общества. Таким образом, динамику самооценок можно рассматривать, в том числе, и как реакцию на изменения, происходящие в обществе.

Наше внимание сконцентрировано на сопоставлении характеристик и оценок двух контрастных по степени адаптированности групп: группы «потерь» и группы «приобретений». Группа «стабильных», которая, несомненно, представляет самостоятельный интерес при исследованиях трансформирующихся обществ, привлекается нами в данном случае только для иллюстрации отдельных моментов.

В литературе до сих пор идут споры, является ли интернальность врожденным свойством характера или же она — продукт филогенеза. Мы придерживаемся той позиции, что имеет место воздействие обоих факторов. Те или иные социальные условия способны как несколько «подавить» врожденное свойство, так и заметно его проявить.

Сравнивая результаты исследований 1998 и 2002 г. мы использовали четыре показателя для определения уровня интернальности:

— выбор карточки «я — хозяин своей судьбы» (Я-индентификация);

— выбор варианта «я часто идентифицирую себя с теми, кто не ждет “манны небесной”» (Мы-идентификация);

— выбор варианта «я никогда не идентифицирую себя с теми, кто уверен, что от его действий ничего не зависит» (Мы-идентификация);

— выбор ответа «мое положение на шкале благополучия зависит от меня» (блок социального благополучия).

Таким образом, индекс интернальности находился в диапазоне от 4 баллов (удовлетворение всем условиям) до нуля.

Ощущение социального времени как индикатор адаптации. Один из критериев успешности адаптации к переменам — самоопределение на шкале времени, встроенность во временной поток. Н. Ф. Наумова справедливо отмечает: «В переходные периоды становится проблематичной сама включенность человека в социальный поток времени. История, общество, группы, индивиды начинают жить по разным часам»[6].

Начиная с середины 90-х годов, мы в России занимались исследованием проблемы самоопределения на временной шкале в условиях кризисных социальных изменений. Исследуя различные группы работников предприятий Москвы мы смогли выявить отчетливые различия в смысловой насыщенности отрезков шкалы времени (прошлого, настоящего и будущего) у групп, находящихся на разных стадиях процесса адаптации к кризисной ситуации.

Настоящее, насыщенное бифуркационными процессами, собственно и порождает дисбаланс, требующий включения адаптационных механизмов. Даже для групп, индивидов, обладающих максимальными адаптационными ресурсами, период социальных трансформаций означает утрату ощущения стабильности, необходимость приложения специальных усилий по сохранению и тем более приращению своего социального статуса, что нередко ведет к ухудшению социального самочувствия. Наш опыт исследования восприятия отрезков временной шкалы с помощью техники семантического дифференциала дал возможность эмпирически зафиксировать это как своего рода отторжение настоящего, его выхолащивание, ослабление связи настоящего (как понятия исследуемого семантического пространства) с другими понятиями, описывающими адаптационный процесс. Вместе с тем нередко происходит насыще-

ние настоящего понятиями, ассоциирующимися с протестом, борьбой, дискомфортом.

Прошлое. Специфическим становится в этой ситуации и восприятие прошлого. Именно оно чаще всего оказывается наиболее «обжитым» отрезком временной шкалы. Именно к нему стягиваются понятия, вытесняемые из настоящего. Среди них — те, что тесно связаны с благополучием, комфортом. Межгрупповые сопоставления убедительно показывают: у групп, проходящих процесс адаптации с наибольшими проблемами или находящихся на самых проблемных этапах адаптации прошлое оказывается наиболее насыщенным, оно тесно ассоциируется с позитивно окрашенными понятиями.

Будущее. Однако ключевым для адаптационного процесса оказывается освоение будущего. Л. В. Корель[7] отмечает страх перед будущим, боязнь всего нового как одну из фундаментальных характеристик адаптационной стадии социального шока. Неминуемая в период интенсивных преобразований насыщенность будущего новыми вызовами, для ответа на которые привычные поведенческие алгоритмы оказываются недостаточными, превращают этот отрезок временной шкалы в зону более или менее выраженного дискомфорта.

Особенно отчетливо это проявляется в период обострения кризисных процессов, в ситуации конфликта. В кросситуационном исследовании двух машиностроительных заводов в 1996 г. нам удалось зафиксировать показательные различия в этом отношении. На заводе, где ситуация характеризовалась как конфликтная, понятиями, наиболее тесно связанными с «будущим», оказались «протест», «завод» и «борьба». В застойной ситуации торможения перемен, консервации привычных способов взаимодействия такими понятиями стали «достаток» и «благополучие»[8].

Важным аспектом, определяющим актуальность освоения будущего в процессе адаптации, является значимость предсказуемости перспектив, возможности планирования жизни для комфортности социального самочувствия.

Н. Ф. Наумовой удалось зафиксировать значительное сокращение периода планируемого будущего после начала реформ по сравнению с ситуацией стагнации в обществе. В неопубликованном экспертном интервью она отмечает, что ее многолетний мониторинг в первые годы реформ, как и в дореформенные времена, фиксировал продолжительность периода планируемого будущего, равную пяти годам. Перелом, по словам Н. Ф. Наумовой, произошел в 1996 г., когда его длительность снизилось до трех лет.

Социальная депривация. Еще одним показателем, диагностирующим благополучие общества, является уровень социальной депривации. В формулировке одного из основателей теории «относительной депривации» Т. Гурра, это «воспринимаемая разница между ценностными ожиданиями (вещами и условиями жизни, которых, как полагают люди, они заслуживают по справедливости) и ценностными возможностями (вещами и условиям, которые они в действительности могут получить)»[9]. В данном случае мы рассматривали депривацию как баланс «достижений» и «притязаний»: чем больше разрыв между ними, тем больше вероятность существования социальной депривации.

В качестве инструмента измерения социальной депривации мы применяли шкалы «Социального термометра». Достижения — это самооценка ретроспективной динамики благополучия, где действуют те же группы «приобретений» и «потерь». Уровень притязаний мы фиксировали на основе разницы между достигнутым уровнем благополучия и тем, который респондент считает подобающим для себя.

Здесь опять-таки очевидны две контрастные ситуации. Одна — когда человек ощущает позитивное изменение ситуации для себя лично, и на основе этого предполагает, что в будущем благополучие можно будет еще более преумножить. Другая — когда респондент понимает, что уровень его благополучия падает, но считает это несправедливым, недостойным его способностей, личных качеств и т. д. Возникает определенный конфликт «достижений» и «притязаний». Один из способов его смягчения — выбор более эффективных алгоритмов действия, другой — снижение планки ожиданий. В ином случае происходит потеря ориентации в социальном пространстве, проявляется тенденция к деструктивным действиям или, наоборот, временной социальной апатии.

В социальном плане уровень депривации может служить индикатором готовности общества или отдельных общностей к взаимодействию, конструктивному диалогу. Чем в большей степени общество депривировано, тем более оно не способно к консолидации, генерированию алгоритмов действия, адекватных вызовам внешней среды. Вся энергетика концентрируется на обличении социальных изменений, внешних условий, зачастую — персон, олицетворяющих для респондентов барьер для достижения ими искомого благополучия. В этом случае повышается вероятность ориентации на тех агентов, которые, манипулируя понятиями социальной справедливости, установления порядка, по сути дела ведут к реставрации отвергаемого прошлого, тоталитаризма. Мировая история изобилует подобными примерами.

Естественно, что в том случае, когда начинают торжествовать интересы депривированного большинства, меняется и социальный портрет успешно адаптировавшихся.

Примером, иллюстрирующим фоновую депривацию, может служить ситуация с доступностью образования. В начале нового тысячелетия Россия оказалась в той же ситуации, в какой была Польша в 90-е годы. В 90-е не произошло открытия каналов социальной мобильности, как в 40-е годы, когда снятие социальных барьеров повлекло за собой беспрецедентную коллективную восходящую мобильность низовых слоев общества. Напротив, общество стало более экономически стратифицированным, социальное происхождение сильней, чем прежде стало влиять на получение образования. В противоположность периоду социализма возросло неравенство в доступе к высшему образованию, приток в высшие учебные заведения из низших страт уменьшился. У малообеспеченных слоев населения сократились возможности инвестирования средств в повышение уровня образования потомства, что обрекло «детей» на наследование низкого социального статуса «отцов», его воспроизводство[10].

Выигравшие и потерявшие в процессе реформ в России и Польше

Как видно из таблицы 1, в обеих странах в 1998 г. в целом произошло снижение самооценки уровня благополучия. Однако у россиян оно было более значительным, чем у поляков. В среднем самооценка снизилась на 1,13 балла для россиян и на 0,48 балла для поляков (разница в оценках статистически значима, p<0,0001). Помимо этого уровень притязаний россиян оказался значительно более высоким, чем поляков.

Таблица 1

Самооценки уровня благополучия в России и Польше, 1998 г. (средний балл)

Самооценка уровня благополучия	Россия (N=1605)	Польша (N=1093)	Значимость различий между странами
Настоящее время	4,35	4,47	—
Пять лет назад	5,48	4,95	p<0,0001
Подобающий уровень	7,49	7,12	p<0,0001

Несмотря на то что в обеих странах у респондентов в целом существует ощущение потерь, выявлено существенное различие в восприятии этой динамики в России и Польше. У россиян одновременно фиксируются и более ощутимые «потери», и более существенные «притязания». Поляки же более «умерены» в оценке и прошлых достижений, и притязаний.

Налицо существенное различие между странами в отношении уровня «достижений» и «притязаний». Уровень депривации в России оказался в два раза выше, чем в Польше (коэффициент, соответственно, равнялся –0,36 и –0,18). Таким образом, можно утверждать, что в 1998 г. российское общество в целом было более депривировано, чем польское.

Косвенным свидетельством того, что в России социальная депривация более выражена, является численное соотношение контрастных идентификационных групп: «потерявших» и «приобретших».

Таблица 2

Группы социальной адаптации, 1998 г., %

Адаптационные группы	Россия (N=1604)	Польша (N=1081)
«Потери»	57,1	42,1
«Стабильность»	23,9	33,0
«Приобретения»	19,0	24,9

Как показывают данные таблицы 2, и в России, и в Польше преобладает группа «потерявших от реформ». Но в России разница между группами «потерь» и «приобретений» значительно более существенная, чем в Польше. Российская группа слабо адаптированных по численности в 3 раза превышает группу успешно адаптированных; в Польше это соотношение менее разительное — 1,7 раза.

Изменение общей ситуации с 1998 по 2002 г. По сравнению с 1998 г. в 2002 г. доля каждой из рассматриваемых групп в обеих странах несколько изменилась. Тенденции изменения в России и Польше оказались различными (см. табл. 3). В Польше доля группы «приобретших в итоге реформ» уменьшилась примерно на столько же, на сколько увеличилась группа «потерявших» (на 7,9% и на 7,3% соответственно). Численность «стабильных» осталась неизменной. В России тенденция оказалась обратной: значительно уменьшилось число «проигравших», за счет этого существенно увеличились группы «стабильных» и «приобретших».

Таблица 3

Группы социальной адаптации, 2002 г., %

Адаптационные группы	Россия (N=1602)	Польша (N=1069)
«Потери»	35,7	49,4
«Стабильность»	26,6	36,6
«Приобретения»	27,7	17,0

Таким образом, за период между двумя исследованиями ситуация в отношении групп проигравших и выигравших в двух странах существенно изменилась. В России произошло некоторое выравнивание численности «выигравших» и «проигравших». В Польше, наоборот, увеличилась дифференциация, наиболее социально благополучные оказались в явном меньшинстве.

В исследованиях, которые мы проводили после 1998 г. во всех федеральных округах России, респонденты (особенно предприниматели и представители так называемой региональной элиты) наиболее часто упоминали три момента, благоприятно отразившихся на изменении внешних условий для адаптации.

Первое условие — это оздоровление социально-экономической сферы, произошедшее, по мнению респондентов, после дефолта 1998 г. Второе — окончание «ельцинской» эпохи постоянных пертурбаций в высших эшелонах власти. Неоднократно высказывалось мнение, что после 2000 г. в стране наступила определенная стабильность, «правила игры» стали более понятными, определенными. Третье обстоятельство относится, скорее, не к изменениям внешней среды, а собственно к ощущению результата адаптации к ним. Оно заключается в том, что за десятилетие перестройки большинство дееспособных людей так или иначе уже приспособилось к новым условиям, пусть даже суть их заключается в постоянных изменениях.

Кстати, по поводу оценки изменения внешней среды: в новом исследовании задавался дополнительный вопрос (его не было в 1998 г.): «Как вы оцениваете изменения, произошедшие в стране за последние годы?». Группа «приобретших» оценивает их намного более положительно, чем представители всех остальных групп. Так, в целом доля тех россиян, кто считает, что изменения были к лучшему или скорее к лучшему, составила 38,8%. Среди «приобретших» эта доля достигла 63,3% (у «стабильных» и «потерявших» она составляет примерно 28–29%). Наоборот, «потерявшие» лидируют по числу негативных оценок: 49% считает, что ситуация изменилась к худшему. Доля негативных оценок среди «приобретших» и «стабильных» оказалась примерно одинаково не очень большой — 17,6% и 22% соответственно. Как можно догадаться, группа «стабильных» дала максимальное количество ответов относительно того, что изменений вообще не произош-

ло: 29,5% в сравнении с 15,8% «приобретших» и 18,0% «потерявших». Если приплюсовать сюда тех, кто затруднился ответить, где «стабильные» снова оказались абсолютными лидерами (8% — вдвое больше, чем у других групп), то различие будет еще более существенным.

Изменились и абсолютные значения по шкале благополучия (см. табл. 4). Если в 98-м году оценки текущего уровня благополучия у поляков и россиян практически совпадали, то в 2002 году они существенно различаются. При этом в первом исследовании поляки оценивали свое благополучие несколько выше, чем россияне, хотя это различие было статистически не значимо (4,35 и 4,47 балла соответственно). Теперь же выше, причем на уровне хорошей статистической значимости, оценки россиян (4,76 балла по сравнению с 4,25 баллами у поляков).

Таблица 4

Самооценки уровня благополучия в России и Польше, 2002 г. (средний балл)

Самооценка уровня благополучия	Россия (N=1605)	Польша (N=1093)	Значимость различий между странами
Настоящее время	4,76	4,25	$p<0{,}0001$
Пять лет назад	5,02	5,15	—
Подобающий уровень	7,45	7,15	$p<0{,}001$

По результатам первого исследования, разница между уровнем теперешнего и прошлого благополучия в обеих странах была статистически значима. Исследование 2002 г. подтвердило факт, отмеченный в 1998 г.: в целом в обеих странах уровень прошлого благополучия оценивается выше, чем теперешнего. Однако статистически значимой эта разница осталась только у поляков.

Изменилось и соотношение между «достижениями» (разница между настоящим и прошлым благополучием) и «притязаниями» (разница между подобающим и настоящим уровнем). В 1998 г. это соотношение, которое мы назвали уровнем депривации, было значимо худшим у россиян, чем у поляков (коэффициент составлял –0,36 и –0,18 соответственно). В 2002 году значимо более депривированными оказались поляки. У них коэффициент равнялся –0,45, а у россиян всего –0,11.

Конечно, когда мы оперируем категориями самоопределения (как, впрочем, и любыми относительными характеристиками), необходимо принимать в расчет, что может рассматриваться респондентами в качестве базы для сравнения с собственными оценками. В ряде случаев именно различия в базовых точках отсчета могут вызывать дифференциацию оценок, и сама их «относительность» провоцирует вопрос о размерности соотношений. В нашем случае можно предположить, что реперные точки для определения уровня благополучия у россиян и поляков существенно различались. Этот вывод подкрепляется различиями в характере внутренних и внешних социально-политических преобразований, происходивших в Польше и России на рубеже XX–XXI в., а также особенностями ментального восприятия россиянами и поляками «дружественного» геополитического пространства (в какой-то мере это отражено в отношении к представителям других народов).

Можно предположить, что более низкий, чем у россиян, уровень нынешних оценок и уровня притязаний поляков связан с тем, что они ориентируются на страны Европейского сообщества, т. е. выбирают в качестве эталона регионы с более высоким качеством жизни. Россияне же, как показывают исследования, традиционно не выходят в своих сопоставлениях за рамки страны (сравнивая столичные города и провинцию, город и деревню) или СНГ. При этом в 2002 г. Россия, по сравнению с бывшими социалистическими республиками (исключая страны Балтии), выглядела относительно достойно: уже в полную силу проявились режимы, сложившиеся в Беларуси и Туркмении, еще не было «бархатно-оранжевых» революций в Грузии и Украине, еще средства массовой информации не заявляли об успехах реформаторской деятельности в Казахстане.

Степень влияния респондента на ситуацию. Распределение осталось примерно таким же, сдвиги по группам и между странами минимальны. Так, по-прежнему вдвое больше россиян, чем поляков считает, что благополучие зависит полностью от них (21% и 11,1% соответственно). Чуть увеличилась (в каждой стра-

не на 3%) доля тех, кто уверен, что от них ничего не зависит. Это увеличение произошло за счет пропорционального сокращения группы, состоящей из тех, кто считает, что благополучие зависит от них лишь частично.

В обоих турах исследования была зафиксирована зависимость между интернальностью и социальным самочувствием: и у поляков, и у россиян «выигравшие» существенно более, чем «проигравшие» (на уровне статистической значимости) ориентируются на собственные силы, склонны самостоятельно решать свои проблемы, не надеясь на помощь извне. Но если в 1998 г. в обеих странах распределение было линейным, т. е. наибольшую интернальность демонстрировали «выигравшие», затем шли «стабильные», и потом — «проигравшие», то в 2002 г. эта зависимость сохранилась только у поляков. У россиян же в 2002 г. наблюдается U-образное распределение. Интернальность у группы «потерявших» намного ниже, чем у «приобретших», но несколько выше, чем у «стабильных». Если сравнивать россиян и поляков в 2002 г., то уровень интернальности у них был практически одним и тем же. Для групп «приобретений» он вообще отличается на сотые доли балла.

Так, по сравнению с 1998 г. в 2002 коэффициент интернальности в России практически не изменился (1,32 и 1,34 соответственно). Нет сдвигов и среди динамических групп, кроме группы «стабильность», где он существенно понизился: в 1998 г. он составлял 1,42, а в 2002 — 1,19. В Польше за годы, прошедшие между исследованиями, он в целом снизился: 1998 — 1,44, 2002 — 1,27. Снизилась интернальность и во всех динамических группах, чуть более сильно в группе «стабильных» — с 1,43 до 1,26.

Можно предположить, что к 2002 г. Россия и Польша оказались на различных стадиях адаптационного процесса. Учитывая социальный контекст изменений, можно сказать, что в Польше общество столкнулось с новым «вызовом» (интенсивная интеграция в Европейское сообщество), инициировавшим начало очередной адаптации. Заметим, что на первых стадиях адаптации к новым «правилам игры» уровень интернальности в целом имеет тенденцию к понижению, и в польском сообществе он понизился относительно равномерно.

Таблица 5

Индекс интернальности у динамических групп в России и Польше

Адаптационные группы	Россия		Польша	
	1998	2002	1998	2002
«Потери»	1,15	1,26	1,27	1,17
«Стабильность»	1,42	1,19	1,43	1,26
«Приобретения»	1,71	1,67	1,73	1,60
В целом	1,32	1,34	1,44	1,27

В России же динамика изменения индекса интернальности (тенденция к выравниванию в группах «выигравших» и «проигравших») говорит, скорее, о стабилизации ситуации — в целом определены и сами «правила игры», и способы приспособления к ним (адаптационные стратегии). На этом фоне изменение индекса интернальности среди «стабильных» россиян может служить индикатором «качества» стабильности общества. В том случае, если неизменность характеристик социального самочувствия сочетается с резким (как в нашем случае) сужением возможности влиять на свою жизнь, это говорит о стагнации всех сфер, связанных с формированием гражданского общества. Стагнационная стабильность, в свою очередь, является индикатором вызревания новых социальных вызовов, т. е. предвестником будущих изменений «правил игры».

Уровень притязаний. В 1998 г. для российской выборки было характерно, что уровень притязаний у «приобретших» статистически значимо отличался от других групп. В Польше этой зависимости на уровне статистической значимости не было. В 2002 г. зависимости не было в обеих странах. И здесь, и там наблюдалось U-образное распределение: уровень притязания «приобретших» и «потерявших» был практически идентичным, существенно превышал уровень притязаний «стабильных». Тем не менее, если брать не сам по себе уровень притязаний, а раз-

ницу между «подобающим» для себя уровнем и нынешним (достигнутым), то выявляется совершенно определенная для обеих стран зависимость: в группе «приобретений» эта разница наименьшая, в группе «потерь» — наибольшая. Различия статистически значимы.

Социально-демографический портрет успешно адаптированных групп («выигравших») в России и в Польше

Группы «выигравших» в обеих странах имеют схожие социально-демографические характеристики (табл. 6). Это более

Таблица 6

Значимые различия между уровнем социальной адаптации и социальными характеристиками респондентов в России и в Польше

Показатель	Значимость связей (eta coef.)		Комментарии
	Россия	Польша	
Пол	0,097	0,124	И в Польше, и в России в группе «приобретших» преобладают мужчины.
Возраст	0,276	0,210	И в Польше, и в России наблюдается обратная зависимость — чем младше возраст респондентов, тем выше доля «выигравших».
Уровень образования	0,195	0,209	И в Польше, и в России «выигравшие» имеют более высокий образовательный уровень (прямая зависимость). В Польше более существенно, чем в России, преобладание в данной группе лиц с высшим и незаконченным высшим образованием.
Место проживания	0,158	0,108	Преобладают жители средних, крупных городов (в Польше) и мегаполисов (в России).
Уровень материального дохода	0,385	0,430	И в Польше, и в России наблюдается прямая зависимость: чем выше доход, тем выше доля тех, кто ощущают себя «выигравшими».

молодые, чем в среднем по совокупности, более образованные люди. «Выигравшие» имеют более высокий доход, чаще являются жителями мегаполисов, крупных и средних городов.

По наблюдениям польских социологов, именно образование являлось детерминантой идеологического выбора в пользу либерализма в широком его понимании[11]. Высокообразованные отличались от остального населения по своему мировоззрению. Можно даже сказать, что все восточноевропейское общество, пройдя путь соцмодернизации, состояло из двух «классов» — имеющих высшее образование и не имеющих его[12]. Наибольший же отрыв в сфере высшего образования послевоенного поколения от предшественников среди стран центральноевропейского субрегиона сложился в Польше[13].

Этот факт хорошо интерпретируется в рамках активистского направления в социологии: обладающие более высоким социальным ресурсом наиболее успешны в условиях, допускающих его использование.

Связи между статусными характеристиками и уровнем адаптированности

Социально-профессиональная позиция и уровень адаптированности. И в Польше, и в России среди работающих прослеживается одинаковая тенденция: чем выше уровень социально-профессиональной позиции, тем выше и степень адаптированности. Так, например, в обеих странах доля «выигравших» больше среди квалифицированных рабочих, чем среди неквалифицированных (см. табл. 7). Также схожим является положение среди студентов и безработных.

Однако есть и существенные различия. В принципе в России среди работающих к «выигравшим» можно с уверенностью отнести только группы топ-менеджеров и владельцев предприятий. Между ними и остальными занятыми на рынке труда социальными группами существует, строго говоря, пропасть в отношении адаптированности.

В Польше ситуация более ровная, переход от одной социально-профессиональной группы к другой более плавный. Бо-

Таблица 7

Социально-профессиональная позиция и социальное самочувствие россиян и поляков (доля определенного адаптационного типа в каждой социальной группе, %)

Социальные группы	Россия			Польша		
	Потери	Стабильность	Приобретения	Потери	Стабильность	Приобретения
Владельцы предприятий	31	23	46	27	38	35
Руководители высшего звена	28,5	28,5	43	37,5	12,5	50
Специалисты, профессионалы	50	24	26	10	37	53
Служащие	52	21	27	38	29	33
Квалифицированные рабочие	56	24	20	37	33	30
Неквалифицированные рабочие	70	23	7	46	29	25
Колхозники, фермеры	75	25	–	63	21	16
Студенты, школьники	37	29	34	31	31	38
Пенсионеры	66	26	8	43	40	17
Безработные	66	18	16	63	19	18
Домохозяйки	62	25	13	51	19	30

лее того, в Польше можно говорить о стабильности как таковой: примерно в равной степени представлены все типы социального самочувствия. Это можно наблюдать на примере групп служащих, квалифицированных рабочих и владельцев предприятий. В России же феномен стабильности разных групп по характеру их занятости отсутствует. Во всех социально-профессиональных группах численность «стабильных» несопоставима с численностью выигравших и проигравших.

Социально-профессиональный аспект анализа дал дополнительные аргументы для характеристики российского общества как более поляризированного, дезинтегрированного по сравнению с польским.

Существенными с точки зрения анализа влияния социальных трансформаций на социальное самочувствие населения являются различия, зафиксированные между специалистами (профессионалами) и пенсионерами из обеих стран.

В Польше в группе специалистов наибольшая доля «выигравших» (53%) среди всех социальных групп, в том числе и среди топ-менеджеров и владельцев предприятий (соответственно 50% и 35%). В России же среди специалистов примерно в два раза ниже уровень «выигравших» (26%), чем среди топ-менеджеров и собственников (соответственно 43% и 46%).

При этом социальное самочувствие российских «профессионалов» не зависит от того, заняты ли они в бюджетной сфере (с низким уровнем оплаты труда и регулярными задержками выплат) или в частном секторе. Конечно, в негосударственной сфере среди специалистов немного больше «выигравших» (33%) и немного меньше «проигравших» (45%), чем среди «бюджетников» (соответственно 24% и 52%). Однако эти различия не статистически значимые.

Таким образом, оценки динамики социального самочувствия польских и российских специалистов кардинально различаются ($t = 6{,}39$, $p<0{,}0001$): в Польше они относятся к безусловно выигравшим, в России — к безусловно проигравшим.[14]

Также существенно различается положение пенсионеров в России и Польше. Несмотря на естественное влияние возрастных и социально-статусных изменений, связанных с пенсионным периодом, на оценку динамики индивидуального благополучия, польские пенсионеры демонстрируют значимо большую стабильность положения. Российские же пенсионеры в подавляющем большинстве относят себя к «проигравшим».

Учитывая эти различия, можно предположить, что польские реформы были более социально ориентированными, чем

российские, и проводились в интересах более широких социальных слоев.

Политические установки и уровень адаптированности. Низкий интерес к политике, проблемам макроуровня, по мнению некоторых исследователей, является общим для постсоциалистических стран Восточной Европы. Чисто инструментальным стало отношение не только к закону и моральным нормам, но и к политической системе, демократии, к ценностям индивидуальной свободы и прав человека, к власти и самоуправлению. Интерес к политике и стремление к участию в общественных делах угасали в условиях падения ценностей самореализации и постматериализма. Причем политическая пассивность сочеталась в Восточной Европе с полным недоверием практически ко всем партиям и их лидерам[15] . Лишенный гарантий безопасности посткоммунистический человек с понизившимся социальным статусом, крайне ограниченными возможностями восходящей мобильности превратился в человека деполитизированного.

В качестве оснований для сопоставления в данном разделе были взяты индексы демократизма и отношения к советскому прошлому («соцлагерю»)[16].

Таблица 8

Среднее значение индекса демократизма у различных групп в России и Польше

Страна	Типы социального самочувствия		
	Потери	Стабильность	Приобретения
Россия	3,08	3,11	3,09
Польша	2,97	3,00	3,17

Из данных таблицы 8 видно, что в Польше существует прямая зависимость между уровнем адаптированности и выраженностью демократических установок: «выигравшие» в большей степени ориентируются на демократические ценности, чем «проигравшие». В России же нет никаких различий в

демократических установках. При этом если у российских групп «проигравших» и «стабильных» значения индекса выше, чем у аналогичных польских групп, то в группе «выигравших» ситуация противоположная: преуспевшие поляки более демократически настроены, чем россияне.

Интересно то, что сами понятия «демократия» и «жесткая рука», являющиеся составляющими индекса, могут сочетаться. Например, у польских «выигравших» доля одновременно выбравших и демократию и жесткий порядок превышает долю тех, кто является последовательным сторонником «жесткой руки» (см. табл. 9).

Также интересны данные по степени вовлеченности российских и польских респондентов в политические события и по

Таблица 9

Распределение выбора карточек «демократ» и «сторонник жесткой руки» в зависимости от степени адаптированности респондентов в России и Польше (в % по каждой группе социальной адаптированности)

Типы по степени социальной адаптированности	Не выбрали ни «демократ», ни «сторонник жесткой руки»	Выбрали только «демократ»	Выбрали только «сторонник жесткой руки»	Выбрали и «демократ», и «сторонник жесткой руки»
Русские «проигравшие»	52	8	37	3
Польские «проигравшие»	49	20	17	14
Русские «выигравшие»	56	17	23	4
Польские «выигравшие»	46	24	11	19

участию в парламентских выборах (эти показатели также выступают составляющими индекса демократизма). В Польше более активную гражданскую позицию занимают «выигравшие»: они проявляют более серьезный интерес к политическим событиям, активнее принимали участие в последних выборах в Сейм (p<0,001).

В России ситуация прямо противоположная: «проигравшие» значительно чаще, чем «выигравшие», проявляют, по крайней мере, некоторый интерес к происходящим политическим событиям, а также более массово участвуют в парламентских выборах (p<0,0001). Таким образом, активную гражданскую позицию занимают в Польше адаптированные слои населения, а в России — слабо адаптированные или дезадаптированные.

Что же касается отношения к советскому прошлому или прошлому ПНР (см. табл. 10), то в обеих странах выявляется одна и та же очевидная тенденция: чем в большей степени респонденты адаптированы к изменившимся условиям, тем в меньшей степени они подвержены тоске по минувшим временам.

Таблица 10

Среднее значение индекса отношения к советскому прошлому у различных групп в России и Польше

Страна	Типы социального самочувствия		
	Потери	Стабильность	Приобретения
Россия	1,30	1,02	0,73
Польша	0,78	0,59	0,56

Социально-психологические характеристики и уровень адаптированности. Характерная психологическая черта, выделяющая группу «выигравших» в обеих странах, — превалирование ориентации на собственные силы (а не на помощь «извне»), уверенность в себе. По другим показателям, приведенным в таблице 11, польские «выигравшие» не отличаются от польских «проигравших». В России же «водораздел» между различными адаптационными группами проходит не только по объективным показа-

Таблица 11

Социально-психологические характеристики и степень социального самочувствия россиян и поляков

Показатель	Значимость связей (eta coef.)		Комментарии
	Россия	Польша	
Индекс интернальности	0,176	0,181	И в Польше, и в России наблюдается прямая зависимость — чем выше уровень интернальности, тем больше доля «выигравших».
Уровень притязаний	0,099	0,035	В Польше различий нет. В России у «выигравших» более высокий уровень притязаний.
Индекс локальной замкнутости[17]	0,082	0,032	В Польше различий нет. В России «выигравшие» демонстрируют большую открытость по отношению к окружающему миру.

телям (доход, образование, место жительства и т. д.), но и по субъективным психологическим характеристикам.

Так, в Польше отсутствуют значимые различия в уровне притязаний между «выигравшими» и «проигравшими». В России же «выигравшие» отмечают в качестве подобающего для себя значимо более высокое, чем «проигравшие», место на шкале благополучия.

Российские «выигравшие» значительно в большей степени, чем «проигравшие», ориентированы «вовне», в меньшей степени сосредоточены на ощущении своей национально-территориальной уникальности. Несмотря на это, даже российские «выигравшие» оказываются относительно менее толерантными, чем поляки из аналогичной адаптационной группы (p<0,05).

Эти различия в психологических характеристиках, как, впрочем, и сами пропорции между «выигравшими» и «проигравшими», позволяют предположить, что российское общество по сравнению с польским менее стабильно, более поляризовано, ориентировано на локальную замкнутость.

Изменения в социальном портрете «выигравших» и «проигравших» за четыре года (1998–2002). Определенным образом изменились и социальные характеристики респондентов в России и в Польше, которые можно проследить при ответах на вопросы о возрасте, социальном, семейном статусе, уровне образования и т. д. Это необходимо учитывать при анализе содержательных изменений, в первую очередь — идентификационных матриц. Какие же это изменения? Прежде всего они касаются возрастного распределения в обеих странах.

Возраст

Если посмотреть на общероссийское распределение по возрасту, то разница между 1998 и 2002 г. не очень ощутима, хотя «средний» респондент «постарел» на полтора года. В 1998 г. средний возраст по выборке составлял 45,1 года, в 2002 — 46,6 лет. Об этой особенности российской выборки стоит помнить при интерпретации всех зафиксированных двумя исследованиями изменений. Возможно, некоторые противоречивые тенденции, хотя бы отчасти объясняются именно «постарением» российской части выборки. Наиболее интересны возрастные сдвиги в группах потерь и приобретений. В наименьшей степени они коснулись группы «потерявших»: средний возраст практически не увеличился (0,2 года), модальной стала группа 45–54 года (в предыдущем исследовании модальной была группа 35–44 года). Последнее замечание, касающееся модальности, относится и ко всей выборке в целом.

Серьезные изменения произошли в группе «стабильных». В 1998 г. распределение по всем возрастным группам было примерно равномерное, что интересно само по себе, максимальное расхождение — между наиболее молодой и наиболее пожилой группой — составляло всего 3,6%! В 2002 г. проявилось явное тяготение к старшим возрастам: модальной стала группа «65 лет и старше» — к ней относилось более четверти респондентов из группы «стабильных», средний возраст увеличился почти на 5 лет. Постарение коснулось и группы «приобретших» (в целом — на 3 года). Модальность сместилась на одну группу к

более старшим возрастам (в 1998 году — 35–44 года, в 2002 году — 45–54 года).

В польском обществе наблюдаются обратные тенденции. В целом по выборке возрастных изменений нет, но по динамическим группам они более или менее проявляются. Группа «потерявших» чуть-чуть постарела, группы «стабильных» и «приобретших» чуть-чуть помолодели. Хотя все это вне статистической значимости.

Тем не менее и в России, и в Польше остается зависимость между социальным благополучием и возрастом, которая заключается в том, что более молодой возраст является ресурсом для адаптации (eta coef. составил соответственно 0,268 и 0,317). В первом исследовании это в меньшей степени проявлялось в Польше, в большей — в России. В исследовании 2002 г. в Польше этот ресурс стал более очевидным, в России — наоборот. Что из этого следует? В принципе «молодость» — достаточно универсальный адаптационный ресурс, если учитывать такие ее свойства, как высокая обучаемость (по сравнению со старшими возрастными группами), гибкость, мобильность. Но этот ресурс оказывается актуален только в том случае, если адаптационные вызовы создают конкурентную среду. Например, исследование по трудовым отношениям[18] показало, что «молодость» как адаптационный ресурс «не работала» только на самых безнадежных предприятиях.

Таким образом, можно сказать, что к 2002 г. в России и Польше социальный контекст политико-экономических условий существенно изменился. Если в 1998 г. он был более или менее сопоставим, то уже в 2002 г. в России он стал значительно менее «прозрачным» и рыночным.

Пол

В этом отношении тоже есть существенные изменения в обеих странах. В 1998 г. было зафиксировано, что в группе «приобретших» и в Польше, и в России преобладают мужчины (хотя в целом в выборке, как всегда, большинство составляли женщины). Только в этой группе мужчин было больше (в России —

53,3%, в Польше — 50,9%), хотя статистические коэффициенты значимости были довольно слабыми. В нынешнем исследовании оказалось, что женщины преобладают везде, причем в равной мере.

Польша и Россия существенно различаются и по предадаптационным условиям, и по характеру переходного периода, и по тем трансформациям, которые произошли в период между двумя исследованиями. Есть большое искушение связать один и тот же факт с разнонаправленными социально-политическими изменениями. По гендерным теориям, в ситуации перемен более комфортно чувствуют себя мужчины. То, что и в Польше, и в России в группе «приобретших» в 1998 г. преобладали мужчины, говорило, скорее, об активности адаптационных процессов, о том, что ситуация остается еще не вполне предсказуемой. К 2002 г. она стабилизировалась — в обеих странах ключевые адаптационные требования («правила игры») стали внятными, устойчивыми: Польша вступила в НАТО, приобрела искомый статус в Европейском сообществе; в России происходило неуклонное укрепление вертикали власти (утверждение федеральных округов, создание блока «Единство», а затем — партии «Единая Россия»). Наличие понятных и действенных «правил игры» способствует стабилизации социальной ситуации, а в условиях стабильности более комфортно начинают себя чувствовать женщины.

Уровень дохода

В 2002 г. для обеих стран сохранилась общая тенденция: ощущение человеком позитивных перемен сопровождается удовлетворенностью материальным благополучием.

В России оценки доходов у «приобретших» подтянулись к центру, усилилась асимметрия в сторону низких доходов, наблюдавшаяся и в предыдущем исследовании. Доля «высоких и очень высоких доходов» уменьшилась с 22% до 14%. Таким образом, среди «приобретших» оказалось меньше высоко обеспеченных людей (или тех, кто готов оглашать свое материальное благополучие). В группе «потерявших» тоже проявилась подтяжка к средине: уменьшилось (на 13%) количество людей с

«очень низким» доходом, совсем не стало тех, кто обладает «очень высоким» доходом (в первом исследовании они присутствовали, хотя и в очень небольшом количестве). Группа «стабильности» демонстрирует другую тенденцию: заметно сползание в сторону более низких доходов. Помимо этого для россиян (особенно, для групп «приобретений» и «стабильности») резко сократилась возможность получения дополнительных доходов. Для этих групп доля тех, кто по самооценке вообще не имеет дополнительного дохода, возросла более чем на 10%.

В Польше — обратная тенденция. В группе «приобретших» наблюдается улучшение материальной ситуации: доля респондентов с низким доходом сократилась (с 15,9% в 1998 году до 11,5% в 2002-м), а с высоким — увеличилась (с 39,1% до 41,7%). В группе «стабильных» уровень доходов практически не изменился, а в группе «проигравших» материальная ситуация ухудшилась.

Специфику российской ситуации можно объяснить как тем, что на определенных адаптационных стадиях доход уступает другим ресурсам, формирующим благополучие, так и тем, что демонстрацию высокого дохода на уровне самооценки предпочитают избегать.

Социально-профессиональный статус

В 2002 г. была зафиксирована та же тенденция, которая прослеживалась в предыдущем исследовании: более высокий социально-профессиональный статус связан с лучшим социальным самочувствием. Однако динамика социального самочувствия представителей отдельных социально-профессиональных кругов была различной в России и Польше.

В России, по сравнению с 1998 г., в 2002 во всех статусных группах увеличилось количество «выигравших» и снизилась доля «проигравших». На фоне такой общей тенденции в первую очередь внимание привлекают те статусные группы, в которых рост социального самочувствия был наиболее значительным. Ими оказались: «профессионалы», «неквалифицированные рабочие», «пенсионеры» и «владельцы предприятий».

В группе «профессионалов» ситуация поменялась кардинальным образом: если в 1998 г. они чувствовали себя, скорее, «проигравшими» (50% из них ощущали «потери» и только 26% — «приобретения»), то в 2002 — уже «выигравшими» (28% и 42% соответственно). Интересно, что наибольший вклад в рост социального самочувствия внесли специалисты, занятые в негосударственной сфере: большинство из них ощущает улучшение жизненной ситуации (51% — «приобретения», 23% — «потери»). Значимо отличается от этого самочувствие сотрудников государственных предприятий (уровень значимости $p<0,001$): у них существует примерный баланс «потерь» (31%) и «приобретений» (35%).

Наоборот, неквалифицированные рабочие — еще одна группа, продемонстрировавшая резкий рост социального благополучия, — более комфортно чувствуют себя именно на государственных предприятиях. По сравнению с их коллегами, занятыми в негосударственной сфере, у них меньше «потерь» (госсектор — 35%, коммерческий сектор — и 46%) и больше «стабильности» (49% и 36% соответственно). Ощущение же позитивной динамики жизненной ситуации оказалось примерно на одном, весьма низком уровне (16–18%).

В принципе и на примере других статусных групп (руководителей высшего и среднего звена, пенсионеров) можно предположить, что невключенность в рыночные отношения (работа на государство или пребывание на пенсии) в 2002-м году в большей степени ассоциировалась со стабильностью. Позитивная динамика самочувствия в этом случае достигается не за счет резкого приращения «приобретений», а за счет существенного сокращения «потерь».

В Польше на общем фоне ухудшения социального самочувствия наиболее благополучными в 2002 г. выглядели «студенты/школьники», «домохозяйки» и «руководители высшего и среднего звена». У молодежи баланс потерь и приобретений практически не изменился, а в двух других группах сокращение «выигравших» выглядит не столь катастрофично, как в целом по всем социальным группам. Относительное благополучие «домохозяек» и «руководителей» вызвано ростом «стабильности».

Наименее благополучными оказались «профессионалы», «квалифицированные рабочие». Но самое значительное ухудшение произошло в группе «владельцев предприятий»: если в 1998 г. их, скорее, можно было отнести к «выигравшим», то в 2002 г. среди них преобладали «проигравшие» — 52% (по сравнению с 25% тех, кто ощущает улучшение). Интересно, что российские собственники предприятий в 2002 г. оказались наиболее благополучными среди всех статусных групп (среди них был 61% «выигравших» и только 25% «проигравших»). А ситуация с польскими собственниками полностью аналогична той, в которой в 1998 г. пребывали российские «профессионалы».

Возможно, такие существенные различия в динамике социального самочувствия представителей статусных групп вызваны разнонаправленностью интергационных процессов, происходивших в России и Польше на рубеже XX–XXI вв. Так, в Польше все сильней начинали действовать международные стандарты качества, ужесточились требования к организации производства и качеству выпускаемой продукции. Поляки все более действенно ощущали на себе жесткость конкуренции на рынке труда объединенной Европы. Перед Россией и россиянами такие проблемы не стояли, и вообще само понятие рыночной конкурентоспособности меньше связывалось с благополучием предприятий.

Образование, место проживания

Как и по результатам предыдущего исследования, в 2002 г. уровень образования и место проживания все так же остаются адаптационным ресурсом: чем выше уровень образования, чем в более крупном населенном пункте проживает человек, тем более благополучным он себя ощущает. Единственное, что мы можем отметить, сравнивая данные двух исследований, это то, что в Польше еще сильнее проявилась зависимость между местом проживания и ощущением респондентами потенциальных ресурсов.

Идентификационные матрицы

В свое время болгарская исследовательница С. Стаменова обнаружила в реальной действительности, помимо трех известных ценностных типов — традиционалистского (основанного на трудоцентризме, эгалитаризме, коллективизме, патернализме), модернистского (сочетание трудоцентризма и индивидуализма), постмодернистского (ценность свободного времени, общения с друзьями и индивидуализма) — еще и специфический тип, характерный для «советского человека». Он соединял «прошлое с будущим», а именно склонность к ценностям свободного времени, общения с друзьями, относящимся скорее к постмодернистским, с традиционалистской ориентацией на патернализм и коллективизм[19].

Обращает на себя внимание то, что разница в Я-идентификации «проигравших» и «выигравших» намного ярче проявлена в России, чем в Польше (ранговый коэффициент корреляции Спирмэна между указанными группами составляет 0,74 у россиян и 0,92 у поляков). В таблице 12 представлены результаты сопоставления значимости идентификационных оснований между группами «выигравших» и «проигравших» (карточки приводятся в порядке убывания значимости для «выигравших»: от наиболее значимых к наименее значимым).

Как видно из таблицы 12, в российской выборке больше и размах вариации, и количество параметров, имеющих принципиально разное значение для «выигравших» и «проигравших». Существенно также то, что в польской выборке, в отличие от российской, между «выигравшими» и «проигравшими» существует определенное ценностное согласие: не выявлено статистически значимых различий в первой десятке наиболее значимых идентификаций.

Сравнение Мы-идентификаций (самоидентификаций с социальными общностями) показало меньшую контрастность между группами «выигравших» и «проигравших» в обеих странах, особенно — для российской выборки (см. таблицу 13). Если индивидуальная идентификация дала значительно больше различий между «выигравшими» и «проигравшими» в России, то групповая, наоборот, несколько богаче в Польше.

Таблица 12

Наиболее существенная разница в параметрах Я-идентификации между «выигравшими» и «проигравшими» в России и Польше (1998)

Принадлежность к группе рангов	Россия		Польша	
	Карточки	eta coef.	Карточки	eta coef.
Первая десятка (для «выигравших»): ранги с 1 по 10	**(+) Молодой** **(+) Человек с будущим** (+) Хозяин своей судьбы **(+) Работник предприятия** (-) Родительские роли	0,278 0,254 0,151 0,093 0,173	–	
Вторая десятка (для «выигравших»): ранги с 11 по 20	**(+) Обеспеченный** **(-) «Советский» человек** (-) Такой, как все (-) Гражданин страны, переставшей быть Великой державой	0,276 0,137 0,115 0,097	**(+) Человек с будущим** **(+) Молодой** (+) Представитель интеллигенции **(-) Бедный**	0,161 0,152 0,110 0,234
Третья десятка (для «выигравших»): ранги с 21 по 30	**(-) Бедный** (-) Жертва реформ (-) Сторонник жесткого порядка	0,263 0,248 0,109	**(+) Работник предприятия** (+) Представитель профессии **(-) Пожилой** **(-) Пенсионер** **(-) Те, кто считает, что лучше было в ПНР**	0,108 0,102 0,140 0,119 0,101
Четвертая десятка (для «выигравших»): ранги с 31 по 39	(+) Студент/школьник (+) Предприниматель **(-) Пожилой** **(-) Пенсионер** **(-) Человек без будущего** **(-) Крестьянин**	0,119 0,118 0,188 0,197 0,157 0,117	**(+) Обеспеченный** **(-) Человек без будущего** **(-) Крестьянин**	0,111 0,151 0,137

Примечание: Знаком (+) отмечены позиции, более значимые для «выигравших», чем для «проигравших»; знаком (-) — наоборот, менее значимые для «выигравших» по сравнению с «проигравшими»; жирным шрифтом выделены карточки, дифференцирующие идентификации «выигравших» и «проигравших» как в России, так и в Польше.

Таблица 13

Наиболее существенная разница в оценке параметров Мы-идентификаций между «выигравшими» и «проигравшими» в России и Польше (1998 г)

Принадлежность к группе рангов	Россия		Польша	
	Выбор «часто» данной общности	eta coef.	Выбор «часто» данной общности	eta coef.
Первая десятка (для «выигравших»)	(-) Люди моего поколения	0,095	(+) Те, кто не ждет «манны небесной» (+) Товарищи по работе	0,139 0,122
Вторая десятка (для «выигравших»)	(+) Предприниматели **(-) Те, кто оказался в числе постоянно нуждающихся**	0,132 0,131	(+) Все люди на планете **(-) Те, кто оказался в числе постоянно нуждающихся** (-) Жители моего города, поселка	0,098 0,141 0,111
Третья десятка (для «выигравших»)	**(-) Советский народ**	0,091	**(-) Те, кто считает, что лучше было в ПНР**	0,214

Примечание: Знаком (+) отмечены позиции, более значимые для «выигравших», чем для «проигравших»; знаком (-) — наоборот, менее значимые для «выигравших» по сравнению с «проигравшими»; жирным шрифтом выделены карточки, дифференцирующие идентификации «выигравших» и «проигравших» как в России, так и в Польше.

Возможно, что подобная ситуация — множественность и большая значимость Я-идентификационных различий в российской выборке и в то же время большая сглаженность в выборе групповых идентификационных оснований — свидетельствует о слабой и неустойчивой структурированности российского общества. Данные польской выборки показывают большие возможности самоидентификации через символическую атрибутику групп.

Как отмечали исследователи, поляки более склонны интегрироваться и объединяться «против» чего-либо, чем «за» достижение общей цели[20]. Н. В. Коровицына приводит изречение А. Михника: «Мы отлично знаем, чего не хотим, но чего мы хотим, никто из нас точно не знает»[21]. Эта неясность, неопределенность — характерная черта национального склада поляков.

Изменения идентификационных матриц

В обоих исследованиях фигурировал идентичный список понятий, предлагавшийся респондентам в качестве основы для самоидентификации. Исключение составляет понятие «представитель не титульной (не русской или не польской) национальности». В предыдущем исследовании в польском опроснике это понятие вообще отсутствовало, в российском подавалось иначе — как представительство «своей» национальности. Естественно, по российским данным разница между 1998 и 2002 г. получилась колоссальной. Однако она обусловлена не изменением в идентификационной системе россиян, а иной формулировкой вопроса.

Выбор основ для идентификации был достаточно устойчив для обеих стран. Коэффициент Спирмена, предназначенный для расчета ранговой корреляции, говорит о том, что и общие, и групповые (по группам выигравших от реформ и проигравших) результаты тождественны. Тем не менее следует отметить, что польская выборка и польские динамические группы, в частности, претерпели меньше изменений, чем российские. Таким образом, польская самоидентификация оказалась более устойчивой, чем российская.

Вообще в польской выборке не было замечено существенных расхождений между двумя исследованиями. Если говорить о ранговых значениях выбора — а на наш взгляд, это более показательный пример, чем сравнение процентов выбора, то в целом максимальное расхождение рангов равняется трем балам. В российской выборке было, по крайней мере, три значимых различия между исследованием 1998 и 2002 г.

В Польше у «проигравших» более значимой стала позиция «муж, жена» — она переместилась с 14 на 7 место. Это един-

ственное значимое изменение в данной группе по рангам, которое подтверждает нарастание контрастности между польскими группами выигравших и проигравших. У выигравших — в силу их большей адаптированности — шире спектр социальных идентификаций, на фоне которых семейные роли становятся менее значимыми. У проигравших, наоборот, происходит сужение социальных связей, при этом повышается значимость семейных идентификаций.

В группе «приобретений» изменились две позиции. Одна — в сторону увеличения значимости, хотя ранг в общем списке все так же оказался невелик — это «гражданин страны, переставшей быть Великой Державой» (переместилась с 36 на 30 место). Другая — в сторону уменьшения значимости, несмотря на то что речь снова идет о третьем десятке значимых категорий — «сторонник определенного политика, политической партии» (был 24 ранг, стал 34).

В целом в России частота выбора карточек осталась примерно той же, что была в 1998 г., хотя различалась больше, чем в Польше, где общих ранговых различий не было вовсе. Тройка наиболее часто выбираемых карточек осталась прежней, она характерна для всех динамических групп, меняются лишь ранги. Это — гражданство («гражданин России»), пол («мужчина/женщина»), титульная национальность («русский»).

В российской выборке можно выделить только три позиции, по которым имеется расхождение по рангам. Менее актуальным оказался для россиян выбор карточки «гражданин страны, переставшей быть великой державой» — ранг понизился с 11-го до 17-го, в 1998 г. эту позицию выбрало 46,1%, в 2002 — 34,8%. Менее значимым оказалось самоопределение как «бедных» (ранг понизился с 18-го до 25-го). Возросла значимость определения себя как «рабочего»: в 1998 г. эта позиция была на 24-м месте, в 2002 — на 16-м. Скорее всего, это определяется увеличением в выборке вообще доли рабочих, для которых, возможно, это самоопределение является важным.

Наиболее интересное (по причине гармоничности) изменение наблюдается в структуре идентицификации среди российских «стабильных». У них так же, как и у «приобретших», повышается значимость позиции «пенсионер» (с 22 до 12), «пожилой»

(с 20 до 14). Так же, как и у группы «приобретений», менее значимой характеристикой оказывается и ранее не столь значимая «интеллигенция» (с 26 до 32). Наряду с тем, что, как и в среднем по выборке, у них снизилась значимость характеристики «гражданин страны, переставшей быть великой державой» (с 12 до 19), несколько повысилась значимость идентификации в качестве гражданина «великой державы» (с 27 до 21). Наряду с этим потеряло актуальность представление себя в качестве «человека с будущим» (ранг уменьшился с 15-го до 23-го).

Наименьшее количество ранговых различий было у «проигравших». Помимо общего повышения значимости определения «рабочий» и общего понижения значимости характеристики «бедный», у них было выделено еще два значимых различия. Это позиция «работник предприятия», которая понизилась с 19-го до 24-го ранга, и позиция «хозяин своей судьбы», ставшая, наоборот, более существенной (поднялась с 13-го до 8-го ранга).

У «проигравших» не отмечено снижения значимости позиции «гражданин страны, переставшей быть великой державой», т. е. настолько, чтобы это считать значимым различием между двумя исследованиями. Не сказалось оно и на оценках «приобретших». Зато у них тоже зафиксировано увеличение значимости позиции «рабочий» и уменьшение позиции «работник предприятия». В принципе «приобретшие» оказались той группой, у которой выявились наиболее существенные изменения идентификации между двумя исследованиями.

Интересна и требует объяснения динамика трех позиций Я-идентификаций у российских «приобретших». Это уменьшение значимости самоопределения в качестве «неверующего» (с 25-го до 31-го ранга), «европейца» (с 30 до 35) и «представителя интеллигенции» (с 19 до 26). Можно предположить, что все эти изменения укладываются в один социальный контекст, являются символическими индикаторами возрастающего агрессивного национализма, реставрации государственно-бюрократического регулирования всех сфер жизнедеятельности общества. Характерно, что именно «выигравшие» в 2002 г. демонстрировали «понимание момента», а именно то, что следует проявлять лояльность к РПЦ (Русской Православной Церкви), насторо-

женно относиться к Западу. Что касается интеллигенции, то ее статус так и остался маргинальным из-за резкого сужения возможности участия в социально-политической жизни, из-за непрестижности профессий, традиционно (еще с советских времен) ассоциирующихся в общественном мнении с интеллигенцией — учителей, врачей, ученых. Возможно, что идентификация себя с маргинальной, аутсайдерской группой непривлекательна именно для «выигравших».

Социально-культурный контекст дифференциации идентификационных матриц у «выигравших» в России и Польше

При сравнении изменений, происходящих в странах, еще недавно принадлежавших к «социалистическому лагерю», сопоставление идентификационных матриц идентичных по степени адаптированности групп весьма информативно. Конечно, при интерпретации сходства или различия данных исследований в России и Польше необходимо учитывать социально-культурный контекст происходящих изменений.

В связи с этим представляют несомненный интерес проект Р. Инглхарта (1995–1998), который вместе с его предшествующими разработками (1981–1982 и 1990–1991) дает представление об итогах «великой трансформации» системы ценностей восточноевропейцев. На воображаемой культурной карте мира, составленной Р. Инглхартом по материалам всемирного исследования ценностей 1995–1998 гг., посткоммунистические страны относятся к особому ареалу. В нем доминирует сочетание сугубо материалистических ценностей «выживания» (по горизонтальной шкале) и «секулярно-рациональных» (по вертикальной шкале). Альтернативные последним «традиционные» ценности в наибольшей степени из региона представлены в Польше, меньше всего — в Чехии и государствах Прибалтики. Значимость ценностей «самовыражения» (альтернативных ценностям «выживания») минимальна для стран православной культуры, выше для католической Европы и самая высокая — для стран Европы протестантской и англоязычных стран[22].

Сравнивая индивидуальные и коллективные идентификации россиян и поляков, мы выделили позиции, которые наиболее различаются для каждой из адаптационных групп.

Для всех россиян, по сравнению с поляками, более значимым групповым идентификационным основанием оказалась общность «люди моей национальности». При этом интересно, что национальная идентификация практически оторвана от ощущения близости к местным и тем более «русским национальным традициям». Так, например, русские (по национальности) «проигравшие» ассоциируют себя с людьми своей национальности в 67% случаев, а с приверженцами русских традиций — только в 40% случаев. Для «выигравших» этот разрыв примерно такой же — 61% и 33% соответственно.

У поляков картина противоположная. И «выигравшие», и «проигравшие» считают себя в первую очередь сторонниками польских традиций (53% и 55% соответственно), а уже потом — лицами определенной национальности (45% и 42% соответственно).

Для всех поляков гораздо важнее, чем для россиян, ощущать близость с «европейцами», а также «со всеми людьми на планете». Судя по тому, что у россиян из всех адаптационных групп вопрос о степени близости «со всеми людьми на планете» вызвал максимальное количество затруднений, можно предположить, что ассоциация себя со всем человечеством вряд ли актуальна. Также не актуальна для россиян в целом и шкала «европейства». Интерес к сопоставлению себя с европейским сообществом в какой-то мере проявляется только в группе «приобретений», при этом одновременно увеличивается доля ассоциаций и с «европейцами», и с «не европейцами»[23].

Возможно, это различие в отношении к внешнему миру как к своеобразному эталону для сравнения в какой-то мере объясняет тот факт, что все без исключения адаптационные группы россиян считают себя более зажиточными (естественно, по российской шкале соотнесения), чем поляки.

При этом россияне в большей степени, чем поляки, ассоциируют себя с теми, «от чьих действий ничего не зависит». По другим социально-психологическим утверждениям, входящим в блок Мы-идентификаций, значимых различий нет. Наряду с

этим россияне проявляют большую интернальность, чем поляки, когда речь заходит проблемах, непосредственно связанных с их личной жизнью. Например, все россияне чаще решают свои проблемы сами, а поляки ориентируются на поддержку других. Россияне чаще, чем поляки, считают, что их благополучие зависит только от них самих.

Сравнивая эти данные, можно предположить, что у россиян более развита индивидуальная интернальность, являющаяся следствием социальной незащищенности, носящая «вынужденный характер». Поляки же, возможно, имеют положительный опыт делегирования решения своих проблем социальным институтам, вследствие чего ощущают интернальность на групповом уровне.

Идентификационные различия «потерявших» и «выигравших» от реформ между Россией и Польшей

При сравнении идентификационных оценок (индивидуальных и коллективных) между аналогичными по степени социальной адаптации группами, оказывается, что наиболее схожи оценки «выигравших», в наименьшей степени — оценки «стабильных».

Российские «проигравшие» значимо отличаются от аналогичной польской группы признанием себя «сторонниками жесткого порядка», «теми, кто принимает судьбу, какова бы она ни была», «рабочими». В то же время они существенно чаще поляков выбирают вариант «хозяин своей судьбы», в том смысле, мы полагаем, что опираются на свой, часто ничтожный ресурс, а также потому, что россиянам присуще терпение в преодолении трудностей.

Для россиян, попавших в группу с положительной динамикой («выигравшие»), намного более, чем для поляков, значима «молодость», а также атрибут своеобразного социального эпатажа — «не такие, как все».

Выводы, свидетельствующие о социетальных различиях в адаптационных процессах двух «поскоммунистических» стран

Основное сходство переходного этапа в России и Польше заключается в том, что характеристики адаптированных слоев в обеих странах схожи: это наиболее дееспособные, образованные, социально активные люди. Они в большей степени, чем представители других адаптационных групп, толерантны и открыты для взаимодействия с внешним миром. Именно они и в России, и в Польше ощущают «выигрыш» от происходящих демократических преобразований.

В то же время в России намного сильнее ощущается остаточное влияние социальных норм и ценностей, характерных для периода тоталитаризма. Так, например, оно проявляется, на наш взгляд, в существовании феномена «русские без национальных традиций». К этому же ряду можно отнести и подчеркивание россиянами своей особенности, уникальности, и отсутствие желания «вписывать» себя в глобальные сообщества — европейское, общемировое.

Если в Польше процесс формирования новой матрицы социального взаимодействия уже дал ощутимые результаты, то в России он находится еще в начальной стадии. Характерно превалирование личностных, а не социальных (групповых) оснований для самоидентификации россиян.

В России наиболее существенные дифференцирующие признаки — «молодость» и «иерархический социальный статус», в Польше — уровень профессионализма. Интересно, что понятия «жертва реформ», «безработный» воспринимаются поляками как социальные категории, а россиянами — как черты личного благополучия или неблагополучия. Динамичность российских условий служит препятствием для формирования устойчивых социальных групп, характеризующихся определенным ценностно-нормативным аппаратом, обладающих специфической атрибутикой, социальной символикой.

Формирование гражданского сознания в России также происходит более медленными темпами. Возможно, здесь играет роль своеобразная дистанцированность наиболее дееспособных,

ресурсообеспеченных слоев от политической и общественной жизни, концентрация на решении собственных проблем. Не случайно, как показало исследование, более активный интерес к политическим событиям в России проявляют наименее адаптированные слои, группа социальных «потерь».

Характерной чертой российского общества по сравнению с польским является его меньшая стабильность и большая дезинтегрированность. Свидетельством большей структуризации и стабильности польского общества является большая «умеренность» и реалистичность в оценке достижений, притязаний и степени своего влияния на происходящие события. Другим индикатором значительно меньшей стабильности российского общества является его выраженная по сравнению с польским обществом социальная разобщенность между «богатыми» и «бедными» и существенно более высокий уровень депривации.

Существенно различаются уровни социального самочувствия у специалистов и пенсионеров в России и Польше. Российские профессионалы и пенсионеры в основном отрицательно оценивают динамику своего социального благополучия. Эти две группы можно рассматривать в качестве реперных: состояние специалистов, профессионалов свидетельствует о тенденции развития «среднего класса» в России, а положение пенсионеров — о слабой социальной ориентации проводимых реформ и социальной ответственности государства.

Исследования, проведенные в 1998 и 2002 гг., показали, что социальное самочувствие россиян в целом повышается. Значительно увеличилась численность группы «выигравших» — тех, кто ощущает улучшение своей жизненной ситуации, и группы «стабильных». В Польше же за период с 1998 по 2002 г., наоборот, стало больше «проигравших» — людей, считающих, что уровень их благополучия понизился. Существенно вырос в Польше также и коэффициент депривации (разница между «достижениями» и «притязаниями»). Если в 1998 г. уровень депривированности был значительно выше у россиян, то в 2002 г. он оказался большим у поляков, у россиян же произошло уменьшение этого показателя.

Таким образом, можно предположить, что процесс адаптации россиян к новым социальным реалиям происходит более успешно. Общество вышло из стадии «шока», характерной для первого десятилетия перестройки, стало более стабильным. В Польше же, судя по всему, за последние годы произошли какие-то изменения или возникли новые «вызовы» внешней среды, негативно отразившиеся на социальном самочувствии граждан. Вполне вероятно, что здесь проявляется влияние процесса интеграции Польши в ЕС, переориентации поляков на европейские стандарты благополучия.

Социально-демографические портреты «выигравших» поляков и россиян, как уже отмечалось, оказались идентичными. Они характеризуются определенными чертами, отличающими наиболее адаптированных, социально благополучных людей от представителей других адаптационных групп («стабильных» и «проигравших»). «Выигравшие» — это более молодые люди, проживающие преимущественно в крупных городах или мегаполисах, имеющие высокий уровень образования, в целом более материально обеспеченные. Это также более активные, деятельные люди, привыкшие полагаться на собственные силы, а не ждать помощи извне, т. е. обладающие значительным социальным ресурсом.

Однако за последние годы произошли и определенные изменения в характеристике «выигравших» россиян. Так, в 1998 г. среди них преобладали мужчины значительно чаще, чем в других адаптационных группах, встречались люди с высоким социальным статусом (руководители, собственники, менеджеры) и не обремененные семьей. В 2002 году эти отличительные особенности «выигравших» нивелировались.

Устойчивость данных, полученных в результате проведения двух кросскультурных исследований, свидетельствует о том, что молодость, образование, интернальность являются безусловными адаптационными ресурсами. Определенные адаптационные преференции появляются и у жителей более крупных городов. В то же время половая принадлежность, социальный статус, свобода от семейных обязательств — временные адаптационные ресурсы, предоставляющие своим носителям преимущества только на первых, наиболее кризисных стадиях адаптации.

Несколько сблизились идентификационные матрицы «выигравших» и «проигравших» россиян: если в 1998 г. они разли-

чались по 18 позициям, то в 2002 г. — уже по 13. Несущественными стали различия в определении себя как «советского» человека, сторонника жесткого порядка.

Меньше изменений наблюдалось в идентификационных матрицах «выигравших» и «проигравших» поляков. Исчезли или существенно сократились различия в определении себя как «человека ПНР» (аналог «советского» человека), «обеспеченного», «крестьянина». Но появились и новые основания для различия, это — определение себя как «демократа» и «родителя». Устанавливается стандарт западных обществ: семья — это мое главное в жизни, государство (политика) призвано гарантировать интересы своих граждан.

Обращает на себя внимание то, что в обеих странах менее болезненным для респондентов стало причисление себя к «людям прошлого». Если в 1998 году и в России, и в Польше «проигравшие» существенно чаще, чем «выигравшие», характеризовали себя как «советских» людей, «людей ПНР», то в 2002 году это определение перестало быть дифференцирующим. Однако к этому общему для обеих стран итогу привели различные причины. Различия исчезли в Польше потому, что это определение стали значительно реже выбирать «проигравшие», а в России потому, что «выигравшие» начали чаще характеризовать себя подобным образом.

---

[1] *Коровицына Н. В.* С Россией и без нее: Восточноевропейский путь развития. М.: Эксмо, 2003. С. 7.

[2] *Мейер Г.* Германия — одно государство, две политические культуры // Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 4. С. 67.

[3] *Kolarska L., Rychard A.* Ład polityczny i ład ekonomiczny // Polacy' 81. Postrzeganie kryzysu I konfliktu. Warszawa, 1996. S. 173, 180.

[4] *Bryant Ch. G.A., Mokrzycki E.* Introduction: democracies in context // Democracy, civil society and pluralizm. Warszawa, 1995. P. 11.

[5] Краткий психологический словарь. М., 1985. С. 168.

[6] *Наумова Н. Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999.

[7] *Корель Л. В.* Социология адаптаций: этюды апологии. Новосибирск, 1997.

[8] *Дудченко О. Н., Мытиль А. В.* «Лидеры», «миссионеры», «зависимые»: личностные ресурсы субъектов солидаризации // Солидаризация в рабочей среде / Под ред. В. А. Ядова. М., 1998.

[9] *Gurr T.* Why Men Rebel. Princeton: Princeton University Press. 1970. P. 24.

[10] *Доманьски Х.* Появление в Польше меритократии / Социологические исследования. 2002. № 7.

[11] *Mokrzycki E.* A new middle class? / Democracy, civil society and pluralizm. Warszawa, 1995. P. 233.

[12] *Коровницына Н. В.* С Россией и без нее... С. 67.

[13] *Adamski W.* Strutural conflict's legacy as a challenge to systemic transformation: the Polish case in comparative perspective // Sisyphus. Sociological studies. Vol. X. Warszawa, 1997. P. 76.

[14] Надо заметить, что в Польше интеллигенция пользуется достаточно высоким уважением, это престижная группа, тогда как в современной России идут споры — а есть ли сегодня российская интеллигенция?

[15] *Робертс К.* Молодой человек начала нового тысячелетия в Восточной и Западной Европе // Социокультурные трансформации второй половины XX в. в Центральной и Восточной Европе. М., 2002.

[16] Индексы рассчитаны по методике, предложенной Мирославой Грабовской, суть которой заключается в группировке и перекрестном анализе вопросов, связанных с предпочтениями в идентификационных блоках и уровнем политической активности респондентов в повседневной жизни.

[17] Индекс локальной замкнутости рассчитывался как сумма баллов, начисляющихся за выбор варианта «совсем далекие» при ответах на вопросы блока «Какие народы нам близкие, а какие далекие?». Индекс находится в пределах от 0 (нет народов, которые были бы совсем далекими) до 6 (все народы оцениваются как совсем далекие).

[18] Становление трудовых отношений в постсоветской России. М.: Академический проект, 2004.

[19] *Stamenova S.* Work values shift tendencies during the post-communist transformation // The European values system. Warszawa. 1999. P. 83.

[20] *Marody M.* The political attitudes of Polish society in the period of system transition // Escape from socialism. The Polish rote. Warszawa, 1992. P. 264.

[21] *Коровицына Н. В.* С Россией и без нее... С. 142–143.

[22] *Inglehart R., Baker W. E.* Modernbzation, cultural change, and the persistence of traditional values // American sociological review. 2000. Vol. 65. February.

[23] См. также главу « Геополитическая соотнесенность как часть национальной идентичности».

2-3. Круг непосредственного общения как ресурс адаптации

О. Н. Дудченко, А. В. Мытиль

Постановка проблемы

Круг непосредственного общения, «ядром» которого являются семья и дружеские связи, безусловно, можно рассматривать в качестве потенциально весьма значимого ресурса приспособления личности к происходящим изменениям. Важность этого адаптационного ресурса многократно возрастает, когда речь идет не о повседневных изменениях, а о системных трансформациях или кардинальных изменениях в личной жизни[1], которые бросают вызов привычным алгоритмам взаимодействия, ценностно-ориентационной системе индивида. Могут видоизменяться, разрушаться социальные общности, бывшие ориентиром для матрицы социального взаимодействия, идентификационные матрицы[2], но трудно себе представить, какие вызовы, изменения могут затронуть значимость межличностных отношений, кровнородственных связей как таковых. В том случае, если семья и дружеские связи значимы для человека, они выступают «островком стабильности».

Круг непосредственного общения, будучи, возможно, наиболее устойчивым по сравнению с другими социальными общностями, лежащими в основе идентификационной матрицы, в свою очередь тоже трансформируется в ходе адаптации личности к изменяющейся реальности. К нему в той же степени, как и к другим общностям, можно применить определение «дуализма», данное Э. Гидденсом[3], развитое Т. Бернсом и Уппсальской группой[4], а также М. Арчер[5]. Равно как «структурные свойства системы являются одновременно и средством, и результатом практики, в процессе которой формируются данные системы»[6], так и адаптационные ресурсы одновременно являются и результатом процесса адаптации. Соответственно, если переводить это на язык нашего российско-польского исследования, характеристика круга непосредственного общения может служить индикатором адаптационного эффекта для личности (целостность, дееспособность, адекватность), для социальных общностей (характер ценностно-ориентационного единства, отношения к обществу), для перспектив развития общества в целом.

В этом разделе мы рассматриваем адаптационные процессы с точки зрения контрастных групп «выигравших» и «проигравших» в ходе социальных реформ[7]. Имея в распоряжении данные российско-польского исследования 1998 и 2002 г., мы решили сосредоточить анализ на сравнении кросскультурных тенденций, т. е. сравнить, как изменился круг непосредственного общения у россиян и поляков за четыре года. В основе нашего анализа будет лежать сопоставление влияния тех или иных референтных групп на социальное самочувствие респондентов. Строго говоря, мы рассмотрим, какие группы являются значимыми для «выигравших» и «проигравших», насколько сильна идентификация респондентов с этими группами. Посмотрим, произошла ли какая-то динамика в оценке респондентами своих коммуникативных ресурсов (социальных сетей), а также сравним, как все это соотносится в кросскультурном аспекте.

Методология, методика

Круг непосредственного общения — это, строго говоря, те люди, с которыми у нас установлены устойчивые, надежные постоянно возобновляемые связи, те люди, с которыми возникает ощущение общности, ценностно-ориентационного единства, сопричастности. Кто эти люди, в каких сферах могут возникать подобные устойчивые социальные связи? В принципе где угодно — круг непосредственного общения не сводится только к кровнородственным связям, скорее, он является проекцией социальной активности индивида.

Конечно, то, что мы одновременно с семейными и дружескими связями рассматриваем отношения с односельчанами,

соседями, сослуживцами, людьми, разделяющими наши пристрастия или верования, может показаться натяжкой. Однако именно эти отношения — если таковые, конечно, имеются, и сплетают канву нашей повседневности. Конечно, кровно-родственные, дружеские отношения уникальны, но если речь идет о круге непосредственного общения, который может выступать адаптационным ресурсом, то не стоит априори ограничиваться только ими.

Можно предположить, что в иной ситуации соседские или «клубные» связи оказываются более полезными и оперативными, а семейные отношения (особенно в ситуации нуклеаризации) не всегда бывают источником всеобъемлющей поддержки. По крайней мере, имея возможность обратиться к эмпирическим данным, стоит посмотреть, какие именно повседневные отношения значимы. Мы попытаемся определить круг непосредственного общения, опираясь на те эмпирические референты, которые были представлены в нашем исследовании.

В первую очередь, это семейные, родственные связи. Эта позиция даже не обсуждается, когда речь идет о круге ближайшего общения. В анкете вопросы, связанные с родственными связями, были представлены следующим образом: Я-идентификация: «муж / жена», «отец / мать»; Мы-идентификация: ощущение общности «со своей семьей»; паспортичка: «семейный статус», «наличие детей» (последнее — только в российской выборке).

Дружеские связи. В принципе это наиболее емкий и наименее операционализируемый показатель (в анкете он представлен Мы-идентификацией «с друзьями»). На самом деле это понятие может включать в себя все нижеследующие идентификации (коллег, товарищей по партии, соседей, членов религиозной общины).

Рабочие отношения. Если учитывать, какую часть времени современный человек проводит на работе или посвящает ей, то вполне разумно предположить, что «товарищей по работе, учебе» (формулировка из Мы-идентификаций в анкете) можно отнести к кругу непосредственного общения. Помимо этого в анкете имелись и другие индикаторы (Я-идентификация: «представитель своей профессии», «работник предприятия, учреждения, фирмы»; МЫ-идентификация: «с людьми той же профессии»). Однако как показали результаты анализа, именно «товарищи по работе, учебе» наиболее точно соответствуют понятию «круг непосредственного общения».

Территориальные отношения. Это — соседи, односельчане (в анкете это представлено Я-идентификацией «житель своей местности»; Мы-идентификациями «с теми, кто живет в моем городе, селе», «с теми, кто уважает местные традиции»). Можно предположить, что даже в условиях мегаполиса люди, живущие по соседству, могут входить в круг ближайшего общения.

Сопричастность к определенным организациям (общественным, политическим, конфессиональным — возникающим из-за принадлежности к той или иной церковной общине). В том случае, если членство в этих организациях не является проформой, то вполне вероятно, что в круг непосредственного общения входят люди, принадлежащие к этим сообществам. Более того, именно эти сообщества могут формулировать ценностные постулаты, через призму которых адаптанты будут воспринимать социальные изменения. В анкете эти сообщества представлены Я-идентификациями «член общественной организации, политической партии», «верующий», «сторонник русской православной веры», «сторонник ценностей католицизма» (естественно, в польском варианте анкеты); Мы-идентификациями «с теми, кто близок по политическим взглядам».

Гипотезы, вопросы для обсуждения

Круг непосредственного общения — это потенциально мощный ресурс адаптации, но всегда ли он актуализируется при определенном вызове и на определенном этапе адаптации? Может ли он сыграть роль не стимула, а барьера адаптации, выступить «ограничителем» при выборе адаптационной стратегии? На наш взгляд, ясность в этом вопросе крайне важна для однозначности интерпретации данных, особенно когда речь идет о результатах количественного опроса.

Круг непосредственного общения — «абсолютный» адаптационный ресурс?

Вообще, что касается адаптационных ресурсов, то здесь в настоящее время больше вопросов, чем ответов, которые могли бы выступать в качестве беспроигрышных рекомендаций, больше гипотез, чем теоретически выверенных утверждений. Один из очень важных, интересных и пока еще не до конца исследованных вопросов — это система адаптационных ресурсов. Есть ли устойчивые, неизменные, имманентные ресурсы (качества, навыки, состояния), которые однозначно влияют на успешность адаптации, или о них можно только говорить в вероятностном смысле: они могут способствовать более успешному и быстрому приспособлению к изменениям, но априори не определять итог адаптации? Другими словами, насколько важен контекст изменений, может ли тот или иной вызов требовать различных адаптационных ресурсов.

Это отнюдь не праздный вопрос, если учитывать этимологию темы адаптации в социологии. Несмотря на то что понятие адаптации в последнее время постоянно упоминается в различных контекстах как расхожий термин, многие теоретические аспекты именно социальной адаптации еще не до конца изучены.

Далее, очевидно, что ни один ресурс, сколь бы влиятелен он ни был, не гарантирует конечного результата, т. е. успешности адаптации, если рассматривается в отрыве от других. Речь может идти только о комбинации ресурсов, но опять-таки возникает вопрос: насколько устойчива эта система ресурсов сама по себе, какие «базовые» ресурсы она включает, неизменна ли значимость этих ресурсов при всех видах социальной адаптации?

Есть и еще один вопрос, который неизбежно возникает, если рассматривать адаптацию не только как некий итоговый результат, но и как процесс, имеющий определенные стадии («информация», «действие», «интеграция»)[8]. Когда мы говорим о ресурсах адаптации, то, скорее, подразумеваем итоговую связь между наличием того или иного качества и социальным самочувствием индивида. В то же время можно предположить, что

на различных стадиях процесса адаптации ресурсы будут проявлять себя по-разному. Например, то или иное качество (состояние) на одной стадии может выступать в качестве ресурса, на другой — в качестве барьера для адаптации. Мы не утверждаем, что так может быть, а просто ставим вопрос: может ли быть так?

Так, в недавнем советском прошлом развитые родственные, клановые связи могли стать как гарантией карьерного роста и социального благополучия, так и обременением «анкеты», несовместимым с восходящей социальной мобильностью.

Функции круга непосредственного общения как адаптационного ресурса

Характеризуя функции круга непосредственного общения, мы должны сделать несколько комментариев, касающихся «качества» связей между этим кругом и адаптантом, которое можно описать в категориях «ценность», «эмпатия», «устойчивость». Вряд ли круг непосредственного общения может выступить значительным адаптационным ресурсом, если, например, ежедневное общение в «товарищами» по работе ограничивается рассказом анекдотов и сплетнями, в семье существует отчуждение, а друзья постоянно меняются.

В условиях нестабильности, изменения «правил игры» наиболее значимыми адаптационными функциями круга непосредственного общения становятся: а) психотерапия; б) информация; в) демонстрация вариантов адаптационных стратегий.

А. Психотерапевтическая функция (снятие стресса, обретение уверенности в себе и т. д.). Известие об изменениях (осознание изменений) нередко вызывает у человека состояние шока, паники. Именно люди, входящие в круг непосредственного общения, могут вывести адаптанта из этого состояния, убедить его в том, что жизнь продолжается, что он значим и любим вне зависимости от чего бы то ни было[9]. Другими словами — дать возможность более или менее безболезненно пережить сам факт изменений, начать спокойно размышлять по поводу сложившейся ситуации.

Б. Информационная функция (возможность получить «пищу для ума», обсудить полученную информацию, выработать ценностные ориентиры для ее анализа). Круг непосредственного общения можно описывать в терминах информационных (коммуникативных) сетей, агентов, влияющих на формирование представления о реальности, происходящих изменениях. Значимость информационной функции высока на всех этапах адаптации: при анализе ситуации, выборе адаптационной стратегии и ее «тестировании»[10].

В. Поведенческая функция (практика уже имеющихся вариантов, способов, приемов адаптации, алгоритмов действия в изменившихся условиях). Вращаясь в кругу ближайшего общения, адаптант получает уникальную возможность ознакомиться с тем, как другие действуют в аналогичной ситуации, к каким результатам эти действия приводят, и выбрать примеры, достойные подражания. Эта функция наиболее важна на втором и третьем (завершающем) этапе адаптации.

Оценка влияния круга ближайшего общения на успешность адаптации

Можно высказать несколько предположений относительно характера влияния круга ближайшего общения, самой его структуры на успешность адаптации.

Если рассматривать круг ближайшего общения как информационную (коммуникативную) сеть, то можно предположить, что ее многообразие повышает адаптивность. Чем более широк и многообразен круг ближайшего общения, тем более многостороннюю, многоплановую информацию может получить адаптант, тем богаче его представление об уже существующих адаптационных практиках.

Однако можно также предположить, что многообразие информационной сети затрудняет процесс анализа и освоения информации. Это наиболее существенно, когда происходит конфликт в системе коммуникативных ресурсов, который приводит к получению противоречивой информации, рекомендаций. Вероятность конфликта наиболее высока в случае глубинных

трансформаций, затрагивающих все структуры, входящие в круг ближайшего общения адаптанта, поскольку можно предположить, что скорость и успешность адаптации самих этих структур не одинакова.

Устойчивость элементов круга ближайшего общения повышает надежность информации, делает ее более операциональной, полезной для адаптанта. Устойчивость связей повышает вероятность «добросовестности» информационного канала, а также увеличивает адресность рекомендаций. Например, трудно предполагать, что случайный знакомый будет учитывать индивидуальные адаптивные способности адаптанта.

Конечно, необходимо учитывать, что кардинальные изменения могут привести к разрушению матрицы социального взаимодействия, сложившихся идентификационных и ценностно-ориентационных приоритетов. Другими словами, социальные трансформации могут нивелировать устойчивый коммуникативный ресурс: он перестанет существовать, станет недееспособным или обращение к нему будет для адаптанта невыгодным и даже опасным.

Также можно предположить, что гибкость коммуникативного канала дает больше преимуществ для адаптанта, чем его (канала) жесткость, инвариантность. В зависимости от того, является ли круг непосредственного общения открытой или закрытой системой, определяется пропускная способность канала, степень направленности подачи информации (имеется ввиду наличие манипуляции, дозирования информации).

Необходимо иметь в виду условность значения отдельных элементов социальной сети при тех или иных вызовах, т. е. конструируемых образах «будущего», к которому ведут изменения. Возможно (история дает нам пищу для рассуждений на эту тему), при некоторых вызовах ориентация на наиболее ригидные ценностные системы не позволяет человеку добиться социального благополучия, но зато сохраняет целостность его мировоззрения. И после того как «правила игры» в очередной раз изменятся, именно аутсайдеры могут оказаться в наиболее выигрышной позиции.

Результаты исследования

Первый этап кросскультурного исследования (1998) показал, что структура концентрации наиболее близких общностей для поляков и россиян различна. У поляков — и у тех, кто «выиграл», и у тех, кто «проиграл», ключевую идентификационную роль играли семья и друзья (см. табл. 2 Приложения). Все остальные общности, потенциально входящие в круг непосредственного общения, упоминались существенно реже. Среди «выигравших» и «проигравших» россиян в 1998 г. не было такого единства (см. табл. 1 Приложения). В кругу ближайшего общения «выигравших» россиян безусловно лидировали «друзья», а семья и все остальные группы (соседские, профессиональные) существенно отставали. В группе же «проигравших» все элементы круга непосредственного общения размещались достаточно близко друг к другу.

В 2002 г. ситуация в польских группах выигравших и проигравших от реформ не изменилась: там по-прежнему с большим отрывом лидируют «семья» и «друзья». У россиян же картина поменялась. Теперь не только у «проигравших», но и у «выигравших» все группы, входящие в круг непосредственного общения расположены близко друг к другу.

Еще один интересный момент, на который хотелось бы обратить внимание. Если посмотреть на динамику выбора идентификационных общностей (см. табл. 1 и 2 Приложения), то оказывается, что у россиян (особенно тех, кто ощущает «приобретения») доля выбора практических всех общностей существенно увеличилась. При этом у «выигравших» и «проигравших» отмечается одна и та же тенденция. У поляков же выбор в целом остался тем же, а имеющиеся изменения были различны для групп «выигравших» и «проигравших».

Семья, друзья. Общим для всех динамических групп россиян и поляков на обоих этапах исследования было то, что первые места в списке Мы-идентификаций занимали семья и друзья. Мы не случайно объединили эти два ключевые элемента круга непосредственного общения в один раздел, поскольку культурные традиции и россиян, и поляков их неразрывно связывают. Как в свое время отмечал Стефан Новак, семья — это своеобразная «расширенная личность». Он же говорил о том, что понятие «дружба» у поляков более содержательно и многофункционально, чем у других западноевропейских народов: «Чего-то, соответствующего дружбе в нашем понимании, просто нет в большинстве культур»[11]. То же самое можно сказать и о России. Многофункциональность дружеских связей в середине 90-х годов проявилась и в бизнес-сфере: создавались «дружеские», «родственные» компании, и это явление носило массовый характер. Привлекательность таких компаний для российского молодого бизнеса заключалась в нескольких моментах: только друзья и родственники вызывали доверие, с ними было проще работать, чем со сторонними партнерами, они были дополнительно мотивированы к работе, готовы идти на жертвы ради общего дела. Кстати, многие из таких фирм в дальнейшем распались, и нередко именно в том момент, когда удавалось завоевать рынок и фирма начинала приносить стабильный доход.

Ряд исследователей отмечал сходство ситуаций, в которых оказался институт семьи (можно сказать, весь круг ближайшего общения) в странах «соцлагеря». Так, И. Можны писал, что «социализм у нас [в Чехословакии] начался с того, что обобществил семью»[12]. Однако необходимо напомнить, что в России (СССР) «обобществление семьи» началось гораздо раньше и продолжалось дольше, чем в других соцстранах. Более того, наиболее активные действия в отношении этого института (как, впрочем, и в отношении дружеских отношений) были предприняты в предвоенные годы, когда страны Восточной Европы еще не были охвачены социалистической идеологией.

Несмотря на, казалось бы, незначительное различие в ранговых позициях, на наш взгляд, существенно то, что у поляков — вне зависимости от принадлежности к группам «выигравших» или «проигравших» — семья лидирует во всех групповых идентификациях в обоих турах кросскультурного исследования. Еще один важный элемент круга непосредственного общения — друзья оценивается тоже высоко (особенно у «выигравших»), но все-таки уступает по степени близости семье.

У россиян же ситуация обратная: более значимым элементом круга непосредственного общения выступает не семья, а друзья. Только у «проигравших» россиян в 1998 г. семья выходила

на первое место, чуть-чуть опережая «друзей», во всех остальных случаях лидировали друзья. Хотя в процентном отношении выбор респондентами (и «выигравшими», и «проигравшими») семьи и друзей практически не отличается.

Конечно, можно сказать, что нет никакой разницы, кто занял первое или второе место, все равно все они находятся на пьедестале, но все-таки интересно, почему у поляков во главе угла стоит семья, а у россиян — друзья? Относительно этого можно предложить несколько объяснений. Первое, что напрашивается само собой — это сравнение социальной значимости института семьи в России и Польше, рассмотренного через призму «социалистического» прошлого этих стран.

Мы уже говорили о том, что в 20–30-е годы в СССР активно велась работа по недопущению социально чуждых элементов к образовательной, управленческой системе. Дискриминационная система, пусть и в усеченном варианте, сохранялась на всем протяжении социалистической власти. Можно вспомнить и о многочисленных процессах против «врагов народа», которые регулярно проходили в предвоенные годы и в конце 40-х годов. В те годы формировалась готовность к отказу от семьи, друзей, которая была необходимым средством адаптации к существующему режиму. К сожалению, эта готовность транслируется из поколения в поколение, и, возможно, первое поколение россиян, в какой-то степени свободное от этого «наследия», которое родилось в середине 80-х годов (начало «перестройки») и могло бы переломить эту тенденцию, естественно, не участвовало в исследовании.

Помимо этого необходимо помнить о том, что «железный занавес», существовавший во времена советской власти, в значительно меньшей степени затронул Польшу, чем СССР (нынешнюю Россию). Если обратиться к романам И. Хмелевской[13], написанным в середине 70-х годов, то можно представить, что поляки могли (конечно, при определенных условиях) заниматься индивидуальной трудовой деятельностью, путешествовать, поддерживать связи с друзьями, живущими в капиталистических странах. В СССР в то же время само наличие «родственников за границей» представляло серьезное осложнение для социальной активности.

Возможно, здесь сказался и процесс нуклеаризации семьи, о котором еще в середине 70-х годов неоднократно говорили А. Антонов[14] и В. Борисов[15]. Проблема заключается в том, что из-за низкого уровня рождаемости и высокого уровня мобильности распадаются межпоколенческие связи, само понятие семья редуцируется до размеров «собственной» репродуктивной семьи, исчезают вертикальные и горизонтальные родственные связи.

Что по этой причине происходит? Сужение адаптационных ресурсов личности. Во-первых, резко сокращаются возможности информационной сети, имманентно присутствующей в «семейном клане». Естественно, что чем шире круг включенных в общую коалицию родственников, представляющих и различные поколения, и разные профессионально-статусные круги, тем богаче адаптационные возможности личности. Во-вторых, акцент исключительно на супружеских горизонтальных связях, характерных для «собственной» семьи, снижает степень «безусловности» отношений, который требуется для психотерапевтической функции семьи.

В анкете российско-польского исследования, когда предлагалось оценить степень сопричастности определенному сообществу, не было указаний на конкретную модель семьи, просто предлагалось оценить близость с ней. Определение «своя семья» давало богатство трактовок, каждый респондент был волен интерпретировать его по-своему. Данные показали, что россияне понимают под семьей, скорее, свою супружескую семью, чем родительскую или расширенную, клановую (род). Поляки, судя по всему, чаще имеют в виду семью в широком смысле слова, а не только отношения, возникающие между мужем и женой.

Поляки вообще чаще выбирали «семью» в качестве основания для идентификации[16], и у них (и «выигравших», и «проигравших») не было существенных различий в этом выборе, которые могли бы быть обусловлены текущим состоянием в браке. У россиян, особенно в 1998 г., было существенное отличие в выборе: холостые и незамужние респонденты (в первую очередь «выигравшие») заметно реже выбирали семью, чем женатые и замужние. В 2002 г. различия немного сгладились, но все равно

для «выигравших» влияние собственного брака на выбор семьи, как идентификационной основы, остается.

Сравнивая результаты исследования в 1998 и 2002 г. в отношении семейного статуса и социального самочувствия, можно отметить противоположные тенденции в российской и польской выборке. Если в 1998 г. у россиян была прямая и довольно существенная зависимость на хорошем статистическим уровне (0,222) между холостой жизнью и социальным благополучием, то в 2002 г. ее не оказалось вовсе. В целом по российской выборке изменения, произошедшие за годы между первым и вторым исследованием, минимальны. Однако в группе «приобретения» доля холостяков сократилась примерно вдвое (с 32,2% до 17,6%), в группе же «потерь» она несколько возросла. У поляков, наоборот, значимость связи увеличилась. Доля холостяков в группе «приобретений» возросла с 19,7% до 31,3%, а в группе «потерь» она немного сократилась.

Возможно, многое объясняется тем, что есть определенный возрастной рубеж, за которым все стремятся вступить в брак или его узаконить. Возможно, наша группа «приобретших» постарела ровно настолько, что перешагнула через эту черту, а поляки, наоборот, оказались перед ней? Но также возможно и то, что в России семья снова стала играть роль своеобразной «точки стабильности». Если это так, то, скорее всего, это означает предадаптационное состояние — ощущение очередного изменения общих «правил игры».

Товарищи по работе, соседи, односельчане. В пользу предположения о предадаптационном состоянии россиян в 2002 г. говорит и то, что с момента проведения первого этапа исследования (1998) у российских «выигравших» ориентация на коллег несколько снизилась, а у польских «выигравших» несколько возросла.

Выше мы уже писали о том, что сообщества, входящие в круг непосредственного общения, имеют различную функциональную нагрузку в процессе адаптации. Так, уникальность психотерапевтической функции семьи и друзей, делает их наиболее значимыми и наиболее востребованными именно на первой стадии адаптации (снятие шока, анализ ситуации). Друзья — в силу уже отмеченной выше многофункциональности для славян — являются адаптационным ресурсом и на следующих стадиях. Но поддержка семьи наиболее ярко проявляется именно на первом этапе. В дальнейшем ее значение снижается (если только «уход в семью» не будет признан одной из эффективных адаптационных стратегий, как это было во времена советской власти[17]). Наоборот, товарищи по работе — как адаптационный ресурс — наиболее полезны на втором и третьем, завершающем этапе. Другими словами, их значимость возрастает тогда, когда идет выбор и «тестирование» алгоритмов поведения, когда требуется коллективное участие в переговорном процессе или выработка консолидированной позиции по тем или иным вопросам.

В отличие от «выигравших» поляков, у россиян, относящихся к той же динамической группе, от первого ко второму этапу исследования усилилась ориентация на локальные коммуникативные сети — односельчане, сверстники (среди российских «проигравших» тоже проявляется такая тенденция, но она менее выражена).

У поляков (особенно «выигравших») и в 1998-м, и в 2002-м ассоциация «с теми, кто живет в моем городе» была менее сильной, чем у россиян. Также поляки значительно меньше проявляли интерес к «местным традициям». У россиян же тяга к «местным традициям» существенно возросла от первого ко второму этапу исследования. К тому же если в 1998-м у российских «проигравших», по сравнению с «выигравшими», была значимо более высокая степень ассоциированности с односельчанами и несколько более — с «местными традициями», то к 2002-му этот разрыв существенно сократился.

Интересна динамика ощущения близости с «людьми моего поколения». У «выигравших» поляков еще в 1998 г. ориентация на «свое» поколение была менее выражена, чем у россиян, а к 2002 г. она еще и существенно понизилась. У россиян она оказалась выше на обоих этапах исследования. Но на первом этапе, в отличие от поляков, существовала разница в оценках «выигравших» и «проигравших» (последние в большей степени ассоциировали себя с людьми своего поколения). В 2002 г. ассоциированность с поколением наших «выигравших» настолько

возросла, что в процентном отношении сравнялась с «проигравшими» (у поляков, наоборот, выросла дифференциация), а в ранговом значении перегнала их. В 2002 г. у наших «выигравших» «люди моего поколения» шли на 3-м месте, чуть-чуть уступая по значимости друзьям и семье.

Что принимается в расчет при непосредственном общении (дружеском, соседском, приятельском)? Для поляков стабильно главным является то, чтобы контрагенты разделяли их «взгляды на жизнь» (у всех динамических групп в обоих исследованиях эта характеристика занимает 3-е место среди Мы-идентификаций). У россиян, особенно «выигравших», она не является ведущей. В 2002 г. для всех россиян более значимой оказалась принадлежность контрагента к той же возрастной группе и к тому же уровню достатка.

Помимо этого у «выигравших» и «проигравших» россиян с момента первого замера произошел колоссальный рост ностальгии по советскому прошлому (ассоциация себя с «советским народом», утверждение, что лучше было при социализме). Одновременно с этим появилось разочарование в собственных силах (рост во всех группах, особенно среди «выигравших», уверенности в том, что «от меня ничего не зависит»). И в 2002 г. именно «выигравшие» в большей степени, чем «проигравшие», готовы «принимать судьбу, какова бы она ни была». В 1998 г. картина была обратной.

Характеристика реперных категорий при выборе контрагента, оценке достоверности информации является своеобразным коммуникативным фильтром и тесно связана с адаптационными ресурсами. Однако, как мы писали выше, те или другие элементы, в том числе входящие в круг непосредственного общения, могут оказывать амбивалентное влияние на ход адаптационного процесса в зависимости от характера вызова. Так, если ориентироваться на группу единомышленников, высоко ценить общие «взгляды на жизнь», то, возможно, будут барьеры не с адаптацией, а с прохождением тех вызовов, которые для приспособления требуют изменения этих взглядов. Более лабильный подход в отношении своих «взглядов на жизнь», возможно, и повышает адаптивность, но одновременно делает возможным появление любого рода вызовов.

Членство в политической партии, принадлежность к церковной общине. По сравнению с уже перечисленными сообществами значение партийного членства оказалось минимальным, не существенным для обеих стран в обоих турах исследования. Тем не менее за четыре года, прошедшие с момента проведения первого этапа исследования, в российской группе «приобретений» зафиксирован некоторый рост политизированности. При том, что практически не изменилась доля наименее и наиболее вовлеченных в политическую жизнь, существенно увеличилось количество тех, кто следит за главными новостями (с 34,5% до 43,3%). В группе «потерь» наблюдается обратная тенденция — плавное, незначительное «перетекание» в сторону меньшего интереса к политической жизни.

В Польше наметилась другая тенденция. Там политизированность слегка уменьшилась во всех группах. Но, как и раньше, никакой зависимости между интересом к политической жизни и социальным самочувствием нет.

Существенно изменились и политические ориентиры у россиян (особенно, «выигравших»). Так, если в 1998 г. значительно чаще поборниками «жесткого порядка в стране» выступали «проигравшие», то в 2002 г. картина кардинальным образом поменялась. Теперь именно «выигравшие» приветствуют правление «жесткой руки». Если в 1998 г. «выигравшие» значительно чаще (в два раза), чем «проигравшие» причисляли себя к демократам, то в 2002 г. и те и другие в равной степени стремятся дистанцироваться от этого понятия.

Для россиян крайне несущественной, с точки зрения включения в круг непосредственного общения, остается принадлежность к церковной общине. В 2002 г. по всей совокупности респондентов в России выросла доля тех, кто считает себя верующим, глубоко верующим (в большей степени это коснулось группы «приобретений»: в ней доля верующих возросла с 53,8% до 68,8%). Однако только 5% респондентов из обеих динамических групп можно назвать «воцерковленными»: они регулярно — не реже раза в неделю — посещают храм, участвуют в жизни церковной общины, прихода. Несмотря на то что Т. Щавел, по результатам российско-польского исследования, отмечает нарастание институционального отчуждения от церкви польской интеллигенции[18],

необходимо признать, что реальное влияние католической церкви на общественное сознание поляков неизмеримо выше, чем влияние РПЦ на умонастроения россиян.

Характерно, что при неизменном количестве россиян, причисляющих себя к верующим, среди «выигравших» возросло количество тех, кто видит себя сторонниками Русской Православной Церкви. Если в 1998 г. именно «проигравшие» в большей степени считали себя членами РПЦ, то в 2002 г. их место заняли «выигравшие». В сущности, это явление находится в одном ряду с другими изменениями политических ориентиров, о которых мы писали выше.

Можно сказать, что партийная и церковная жизнь оказывают влияние на весьма ограниченное число «выигравших» и «проигравших» россиян. Однако среди «выигравших» происходит активная переориентация на те институты и центры влияния, которые наиболее значимы с точки зрения вновь возникших адаптационных вызовов.

Выводы

На основании данных двух российско-польских исследований можно выдвинуть предположение, что в 2002 г. российские респонденты находились в состоянии «ощущения нового вызова». Произошла определенная стабилизация, исчезли различия в образе наиболее и наименее социально благополучных респондентов. Но эта стабилизация напоминает затишье перед бурей. Динамика идентификаций, кросскультурное сравнение динамических групп наталкивает на вывод о том, что социально-политические «правила игры» в очередной раз поменялись, и «выигравшие» уже далеко не те, которые были до дефолта 1998 г. У россиян происходила мобилизация ресурсов (рост всех индикаторов близости с Мы-сообществами), возрастание роли «семьи» как островка стабильности при первичной адаптации.

У поляков же, наоборот, образ «выигравших» и «проигравших» не претерпел существенных изменений, а различия между этими динамическими группами в 2002 г. стали более ощутимы. Складывается впечатление, что поляки не мобилизуют адаптационные ресурсы, а активно их используют. Это, скорее, говорит о завершающей стадии адаптации, которая заключается в «тестировании», «проверке на прочность» уже выбранных адаптационных стратегий.

Какие же адаптационные ресурсы активизируют россияне? Во-первых, это апелляция к недавнему социалистическому прошлому. Обращает на себя внимание то, что в обеих странах менее болезненным для респондентов стало отношение к «людям прошлого». Если в 1998 г. и в России, и в Польше «проигравшие» существенно чаще, чем «выигравшие», характеризовали себя как «советских» людей, «людей ПНР», то в 2002 г. это определение перестало быть дифференцирующим. Однако к этому общему для обеих стран итогу привели различные причины. В Польше различия исчезли потому, что это определение стали значительно реже выбирать «проигравшие», а в России потому, что «выигравшие» начали чаще характеризовать себя подобным образом.

Во-вторых, более значимыми становятся локальные информационные сети (дружеские, соседские). Нарастание локальной замкнутости, наиболее характерно проявляющееся именно у «выигравших», может свидетельствовать о том, что социальная активность сокращается, перемещается «на места»: больше интереса вызывают вопросы, связанные со своим городом, микрорайоном, чем с регионом или страной в целом.

В-третьих, более явными становятся реакционно-националистические настроения. Об этом свидетельствует существенно повысившаяся близость с теми людьми, которые являются приверженцами «местных» и «русских» традиций, с людьми своей национальности. Если в 2002 г. о возрастающем агрессивном национализме можно было говорить только как о возможной тенденции, то в настоящее время это стало уже явной, публично обсуждаемой проблемой.

---

[1] Имеются в виду такие изменения, которые ставят респондента «вне» привычного сообщества, например известие о наличии у него ВИЧ-инфекции.

[2] *Moskovici S.* The Phenomena of Social Representation. Social Representation. Cambridge, 1984.

[3] *Giddens A.* Central Problem in Social Theory. London: Macmillan, 1979.

[4] *Burns T. R., Flam H.* The Shaping of Social Organization. Beverly Hills: Sage, 1987.

[5] *Archer M. S.* The morphogenesis of social agency. Uppsala: SCASSS (mimeo), 1989.

[6] *Giddens A.* Central Problem... P. 69.

[7] Характеристику этих групп см. в разделе 2.2.

[8] *Дудченко О., Мытиль А., Первышева Е.* «Рабочий в социальном пространстве ломки «правил» трудовых отношений на предприятии». Солидаризация в рабочей среде: социальное и индивидуальное. М.: ИС РАН, 1998. С. 50–77.

[9] Например, по результатам проекта, посвященного адаптации ВИЧ-инфицированных (IREX совместно с Минздравом РФ, 2004–2006 гг.), поддержка со стороны близких явилась наиболее мощным адаптационным фактором на первой стадии адаптации. Девиантное поведение ВИЧ-инфицированных (суицид, социальная самоизоляция, «уход» в наркоманию или алкоголизм) тесно коррелирует с отсутствием принятия ВИЧ-статуса адаптанта со стороны близких.

[10] В ходе консалтинговой практики мы неоднократно замечали, что во время реструктуризации, серьезных изменений «правил игры» на предприятиях стихийно создаются «временные» дискуссионные группы, которые распадаются после завершения адаптации.

[11] *Nowak St.* System wartośći społeczeństwa polskiego // Studia socjologiczne. 1979. № 4.

[12] *Možny I.* Česka rodina v dobe rodini modernity // Česka společnost na konci tisiceleti. Dil 1. Pr. 1999. S. 31.

[13] *Chmielewska J.* Całe zdanie neboszczyka. Warszawa, 1972.

[14] *Антонов А.* Социология рождаемости. М., 1976.

[15] *Борисов В.* Перспективы рождаемости. М., 1972.

[16] Не исключено, что определенный вклад в поддержание семейных отношений вносит католическая традиция ежегодной встречи в родительском доме на рождественские праздники. В России Новый год — это, как правило, собрание за одним столом членов семьи, проживающих вместе, и близких друзей. В принципе в отношении сохранения семьи, семейных традиций католическая церковь исторически занимает более жесткую позицию, чем РПЦ.

[17] См., напр.: *Kandert J.* Rodinné hodnoty. Český lid. 1993. № 1.; *Dabrowska G.* Kobieta w sferze życia rodzinnego. Kobiety I ich mężowie. Studium porównawcze. Warszawa, 1996.

[18] *Szawiel T.* Religion and the church in the new democracy. Sociological review. 2001. № 2.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Динамика Мы-идентификаций «выигравших» и «проигравших» россиян
(выбор варианта «часто» при оценке близости той или иной общности)

Общности	2002 год (% от общего числа опрошенных)		Динамика выбора общности (по сравнению с 1998)		Ранг выбора общности (2002)		Динамика ранга выбора (по сравнению с 1998)	
	Потери	Приобретения	Потери	Приобретения	Потери	Приобретения	Потери	Приобретения
Люди своей национальности	74	77	+14	+17	6–7	6	0	+
Товарищи по работе	58	72	-5	+4	11	7–8	–	–
Близкие по политическим взглядам	33	36	+5	+6	20–21	19–20	–	–
Кто не ждет «манны небесной»	43	53	+4	+5	14	13	–	–
Граждане СНГ	33	37	+8	+10	20–21	18	0	+
Люди той же профессии	63	71	+2	+5	8	9	0	–
Кто добился успеха	35	43	+14	+14	18	15	+	+
Люди моего поколения	81	81	+4	+14	4	3	0	+

Наемные работники	38	40	+6	+9	17	16	-	-
Кто живет в моем городе	74	72	+11	+21	6–7	7–8	+	+
Советский народ	40	35	+12	+16	16	21	+	+
Кто постоянно нуждается	45	34	+2	+6	13	22–23	–	–
Кто уважает традиции	60	60	+13	+18	10	11	0	+
Своя семья	87	88	+1	+10	2	2	–	0
Кто разделяет мои взгляды на жизнь	77	79	+2	+3	5	4–5	–	–
Кто не любит высовываться	32	34	+2	+6	22	22–23	–	–
Кто занимается собственным бизнесом	30	36	+13	+15	24	19–20	0	–
Россияне	62	67	+12	+17	9	10	0	0
Люди того же достатка	82	79	+9	+15	3	4–5	+	+
Кто не интересуется политикой	41	50	+13	+18	15	14	+	0
Кто считает, что от него ничего не зависит	34	32	+9	+13	19	24	+	–
Со всеми людьми на планете	31	38	+11	+19	23	17	0	+
Кто придерживается русских традиций	50	54	+12	+22	12	12	+	+
Друзья	88	89	+3	-1	1	1	+	0

Примечание: Затемнением обозначены наиболее существенные изменения; «+» — увеличение значимости ранга (при том, что 1 — максимальное значение); «0» — сохранение значимости; «–» — уменьшение значимости.

Таблица 2

Динамика Мы-идентификаций «выигравших» и «проигравших» поляков

(выбор варианта «часто» при оценке близости той или иной общности)

Общности	2002 год (% от общего числа опрошенных)		Динамика выбора общности (по сравнению с 1998)		Ранг выбора общности (2002)		Динамика ранга выбора (по сравнению с 1998)	
	Потери	Приобретения	Потери	Приобретения	Потери	Приобретения	Потери	Приобретения
Люди своей национальности	38	41	–4	–4	13–14	12–13	0	0
Товарищи по работе	42	56	–1	+1	10–11	5	+	+
Близкие по политическим взглядам	26	21	–9	–12	18	18	–	–
Кто не ждет «манны небесной»	38	50	+1	–1	13–14	8	+	0

Граждане стран Восточной Европы	9	9	–1	–1	23	23	0	0
Люди той же профессии	42	44	–4	–3	10–11	10	0	0
Кто добился успеха	15	19	–1	–3	21	19–20	0	0
Люди моего поколения	54	45	–3	–12	6	9	–	–
Наемные работники	23	19	+4	–1	20	19–20	0	0
Кто живет в моем городе	43	42	+11	–1	8–9	11	–	+
Люди ПНР	27	15	–1	+5	17	22	0	0
Кто постоянно нуждается	43	28	+8	–8	8–9	15	0	0
Кто уважает традиции	39	35	–6	–2	12	14	–	0
Своя семья	89	85	+1	–6	1	1	0	0
Кто разделяет мои взгляды на жизнь	65	60	+1	–8	3	3	0	0
Кто не любит высовываться	30	24	+1	–9	16	17	+	–
Кто занимается собственным бизнесом	7	17	–1	+5	24	21	0	0
Поляки	59	58	+3	0	4	4	+	+
Люди того же достатка	56	51	–3	–9	5	6–7	–	–
Кто не интересуется политикой	24	25	+1	–2	19	16	0	+
Кто считает, что от него ничего не зависит	10	6	–3	–2	22	24	0	0
Со всеми людьми на планете	34	41	–3	–6	15	12–13	0	–
Кто придерживается польских традиций	50	51	0	–2	7	6–7	+	+
Друзья	76	81	+11	–2	2	2	0	0

П р и м е ч а н и е: Затемнением обозначены наиболее существенные изменения; «+» — увеличение значимости ранга (при том, что 1 — максимальное значение); «0» — сохранение значимости; «–» — уменьшение значимости.

2-4. Образы социальной структуры в России и Польше

О. А. Оберемко

Ослабление социально-классовой солидарности было зафиксировано в исследованиях «новых социальных движений» уже более четверти века назад. Новые коллективные акторы формируются не на идеологической, а на прагматической основе и ставят перед собой не политические, а гражданские цели[1]. Однако некоторые авторы продолжают утверждать, что утрата классовых идентичностей — не более чем временный «кризис репрезентативных форм и определенных практик классовой борьбы»[2].

Проведенные в России и Польше опросы показали, что самоописания в классовых терминах уступали в популярности стратификационным, профессиональным и корпоративным идентичностям (табл. 1). Приоритетной в обеих странах оказалась идентификация по достатку, в которой отражается представление об общественном неравенстве как о непрерывном континууме[3]. Это свидетельствует о легитимации экономической разметки социального пространства и об усвоении индивидуалистически-материалистических ценностей рыночного общества. Идентификация с «людьми того же достатка» предполагает развитое экономическое мышление: готовность выделять из общества равных себе по благосостоянию предполагает, прежде всего, навыки более или менее точной калькуляции и распознавания образов на основе количественных сравнений[4]. Похоже, в обеих странах возобладало экономическое мышление над политическим — классовым.

Таблица 1

Социально-структурные идентификации в России и Польше

Группы и общности	Россия			Польша		
	Часто	Иногда	Никогда	Часто	Иногда	Никогда
С людьми того же достатка	79,7	16,3	1,1	54,3	36,3	2,2
С людьми той же профессии	64,0	22,9	5,8	41,0	35,5	11,6
С товарищами / коллегами по работе	61,1	20,9	7,8	42,2	29,7	12,2
С теми, кто оказался бедным	41,3	37,7	13,1	36,0	45,4	8,0
С теми, кто считает себя наемными работниками	38,1	28,6	16,2	20,1	40,7	20,5
С теми, кто занимается собственным бизнесом	30,1	35,5	22,8	9,2	29,7	42,4

Если «исчезновение классов» связывают с «концом “больших” идеологий», то профессиональные и корпоративные идентичности не только никуда не исчезли, но оказались в числе наиболее популярных. Эту популярность нельзя объяснить только тем фактом, что на смену одной «большой» пришли «малые» корпоративные идеологии под вывеской организационной культуры. В российской выборке было 49% постоянно занятых, в польской — 42%, а выбравших позитивную идентификацию (часто + иногда) с профессией и коллегами по работе оказалось существенно (в 1,7–1,9 раза) больше.

В данной главе исследуется значение социально-структурных самоидентификаций. При анализе использовались три вида показателей: (1) показатели объективного статуса (с точки зрения стороннего наблюдателя)[5] — ответы на вопрос паспортички

со стандартными закрытиями; (2) Мы-определения[6] и (3) Я-определения[7]. Содержательно субъективные самоидентификации подразделялись на социально-классовые (наемные работники и предприниматели), стратификационные (бедные, того же достатка) и корпоративные (коллеги, работники предприятия).

Социально-классовая разметка в опросном инструменте

Надо признать, что в опросном инструменте классовый подход был представлен «мягкой» оппозицией «наемные работники» и «те, кто занимается собственным бизнесом».

Отождествление «наемных работников» с трудящимися массами, «старым» рабочим классом организованно противостоящим «хозяевам жизни» — собственникам на средства производства, вполне возможно[8]. Однако с этой трактовкой конкурирует представление о пролетаризации конторских работников, а также специалистов (интеллигенции) и даже менеджеров[9]. Концептуальное нововведение не отменяет структурной противоположности интересов, однако затрудняет установление эмпирического референта «наемного работника».

Вторая формулировка по своей корректности граничит с эвфемизмом, а потому в ходе интервью она *не обязательно* могла отождествляться с «хозяевами жизни», и тем более с господствующей «новой верхушкой общества», которая «приобрела достаточную стабильность и специфическое самосознание, закрылась для пришельцев извне, что позволяет рассматривать ее как правящий класс «для себя»»[10].

«Занятие собственным бизнесом» — понятие слишком растяжимое для уверенности, что под ним понимается хотя бы средний класс, а не более низкие страты. Это касается и Я-определения «предприниматель». В ситуации опроса так может себя квалифицировать и редкий представитель большого бизнеса, и работающий по контрактам профессионал, и представитель «старого» среднего класса, и самозанятый индивидуал[11], и даже наемный работник, имеющий побочный бизнес, в котором он может выступать как относительно автономный субъект экономической деятельности, нанимающий рабочую силу. Даже в теоретических работах в семантическом поле «функций предпринимателя» понятию собственности (и тем более эксплуатации) отечественные авторы отводят маргинальное положение. В центр помещаются такие понятия, как инициативность, способность брать на себя риск и эффективно управлять наличными ресурсами, находить и создавать новые ресурсы (инновационность). К предпринимателям относят и руководителей крупных производств, и владельцев мелких фирм[12]; далеко не всегда между предпринимателями и собственниками ставится знак равенства[13]. Кроме того, «*принципиальные различия* (*курсив*.— О.О.) между группами предпринимателей связаны с масштабами и сферой хозяйствования, его техническим и организационным уровнем, происхождением капитала и характером опорных воспроизводственных связей»[14].

Проведенный в 2004 г. коллективом ИКСИ опрос россиян обнаружил неоднозначный и противоречивый образ «типичного предпринимателя» в общественном мнении: «нельзя сказать, что в сознании людей существует какая-то более или менее единообразная… картина. Причем, яснее и последовательнее всего на выбор ответов [характеризующих «типичного предпринимателя» — О.О.] влияет возраст опрошенных»[15]. В серии фокус-групп, проведенных Центром политических разработок в конце 1990-х гг., обнаружилась «размытость социальных границ. Людям сложно было определить, кто такие предприниматели… Во время обсуждения часто звучал ответ, что сейчас все — предприниматели, все “крутятся”»[16].

Польские авторы наряду с крупным бизнесом к числу собственников и предпринимателей относят лавочников, лоточников, уличных торговцев с весьма скромными доходами[17]. В изданном в 2001 г. докладе об экономическом положении Польши написано: «Широкое сообщество владельцев малого и среднего бизнеса представляет собой еще нестабильное образование. Многие предприятия малого бизнеса учреждаются лишь для того, чтобы через некоторое время исчезнуть. В отличие от бизнес-класса, занявшего достаточно определенное положение, класс мелкой буржуазии размещался в самых различных стратах социальной структуры. По таким характеристикам, как доход, обра-

зование и престиж, предприниматели «среднего уровня» находятся на низких позициях»[18].

В то же время классическое противопоставление труда и капитала остается важным элементом в разметке социального пространства, однако в постсоветских странах экономическое противопоставление совсем не обязательно отражает антагонистическую поляризацию. Пример этому мы находим в исследовании, проведенном в Украине. Предприниматель в сфере промышленного производства в интервью следующим образом охарактеризовал свое отличие от наемных работников: «Зарплату я не получаю, а зарабатываю деньги себе сам». Высокая оценка своего материального положения по 10-балльной шкале не помешала этому человеку дать низкую оценку своего социального статуса и тем самым дистанцироваться от господствующего класса.

И.: Если еще раз вернуться к социальной «лестнице», то на какой ступени Вы могли бы себя позиционировать?

Р.: По социальному самочувствию — 2, а по личному — 8–9.

И.: Что Вы имеете в виду под двойкой?

Р.: Я имею в виду общественную значимость той группы, к которой я принадлежу (класс предпринимателей). Она, на мой взгляд, находится на отметке 2.

И.: Почему?

Р.: Ну, вот такое у меня ощущение.

И.: А кто же тогда выше?

Р.: Выше? Могу объяснить. Вот 3–4–5 занимают различные категории чиновников и, скажем, низшие ранги в силовых структурах. 6–8–9 — это директорат промышленных предприятий, последнее время, как правило, наемный, т. е. менеджеры высокого уровня. А 9–10 — это политическая и силовая элита. А на единице находится 90 % населения, которое вообще не имеет никакого влияния на общественные процессы…»[19]

Этот пример показывает правоту Э. Райта, который утверждает, что в современных обществах оппозиция «предприниматели — наемные работники» схватывает только традиционную, основанную на владении собственностью эксплуатацию и не улавливает эксплуатацию управленческую, властную[20]. Таким образом, используемая в опросах оппозиция «*наемные работники — те, кто занимается собственным бизнесом*» едва ли отражает социально-классовое деление.

Для измерения Я-определений использовалась модернизированная сталинская трехчленка: *рабочие, крестьяне, интеллигенция и предприниматели*. Поскольку даже в эпоху советской классики при ее использовании из анализа выпадали фактические распорядители процессами производства и перераспределения общественного продукта[21], трехчленка была малопригодна и для теоретического анализа структуры советского общества, и для решения практических задач социального управления[22]. Взамен она выполняла мифологическую функцию и была успешно внедрена в общественное сознание. Массовые опросы постсоветского периода показывают, что закрытия «рабочие», «крестьяне» и «интеллигенция» многими респондентами по-прежнему используются для самоотнесения к социальным слоям и хорошо воспроизводятся даже при ответе на открытые вопросы[23]. Таким образом, набор «*рабочий, крестьянин, интеллигент и предприниматель*» представляет собой синкретичную, слабо специфицированную по роли в общественном разделении труда типологию дискретных[24] групп — псевдоклассов[25]. Достоинство этой типологии заключается не столько в теоретической чистоте и современности, сколько в привычности для респондентов.

Теперь рассмотрим распространенность классового самосоотнесения, опираясь сначала на «объективные» категории занятости (согласно ответам на вопрос паспортички), а затем среди идентификационных групп.

Объективный статус занятости и классовое самосознание

Итак, предлагавшиеся в опросе термины для классовой идентификации имеют противоречивые теоретические толкования, что вполне соответствует переходному состоянию социальной структуры в исследуемых обществах. Хотя утверждение о том, что в условиях социальных трансформаций «функции формирующихся групп еще a priori не могут быть ясны, *так как* (*курсив*. — О.О.) не ясен еще до конца … тип формирующегося

общества», представляется радикально функционалистским, верно то, что рассмотрение «процессов социальной мобильности в условиях реструктуризации социальных групп неизбежно приводит… к смещению внимания с социальных институтов и социальной системы в целом к актору», поскольку малопродуктивно видеть в индивидах «элементы социальной системы, детерминирующей их действия через место в системе в целом»[26].

В переходном обществе происходит «резкое усиление *индивидуализации* личных судеб, ослабление их зависимости от принадлежности … к большим социально-профессиональным формализованным группам». В таком обществе «проблема коллективной идентичности не может быть сведена к набору статистических данных о доходах, профессиональных и тому подобных характеристиках [… и] центральным моментом идентичности … класса следует полагать характеризующий индивидов [определенной] группы комплекс представлений о социальной реальности и их месте в ней — представлений, регулирующих их жизненную активность и специфичной именно для данной страты, в той или иной степени отличающей ее от остальных слоев общества»[27].

Одновременно в эпоху индивидуализации парадоксальным образом повышается роль групповой принадлежности, поскольку «“независимый индивид” более обезличен, чем человек, представляющий какую-то группу. В составе группы… его позиция определяется более конкретно в отношении к представителям других групп (классов, слоев). Он не просто удовлетворяет потребности, но воспроизводит границы, по отношению к которым происходит его идентификация. И когда мы от абстрактного индивида переходим к исследованию типологических групповых характеристик экономического действия, выясняется, что эти группы разными способами преследуют разные цели, являя неодинаковую степень “рациональности”»[28].

Из сказанного следует, что кристаллизовавшиеся в ином контексте «объективные» социальные статусы в условиях трансформации перестают привычным образом детерминировать выбор индивидом собственного места в пространстве социальных общностей. Ареалы распространенения представлений о социальной структуре и о том месте, которое в ней отводят себе индивиды, меняются, и вместе с тем меняются шансы на воспроизводство межгрупповых (межклассовых) границ. Для стороннего наблюдателя (например, структурного функционалиста) это выглядит как «рассогласование» между объективно занимаемыми и субъективно определяемыми статусными позициями.

Данные российского опроса все же показали, что объективный статус занятости влияет на отношение к социально-классовым группам. В частности, предприниматели статистически значимо отличались своими идентификационными предпочтениями от наемных работников и продемонстрировали высокую согласованность самоидентификаций со своим объективным статусом (Таблица 2): три четверти предпринимателей устойчиво идентифицировали себя со своей группой.

Таблица 2

Классовая идентификация россиян разных категорий занятости, %

Категории занятости* (объективный статус)	Устойчивая идентификация с	
	наемными работниками	предпринимателями
Занятые		
Частные предприниматели (n=55)	25,5**	76,4**
Работники по найму (контракту) (n=717)	49,0**	34,3**
Незанятые		
Учащиеся (n=51)	21,6	51,0
Безработные (n=155)	35,5	34,8
Домохозяйки (n=77)	31,2	31,2
Пенсионеры (n=522)	28,5	14,9
Все	38,1	30,1

* Ответы на закрытый вопрос: «Какое Ваше основное занятие?». Данные по Польше не приводятся ввиду несопоставимости паспортичек.

** разница по χ^2 значима при $p \leq 0,001$.

Однако заметны и значительные расхождения. В частности, с наемными работниками «часто ощущали близость» четверть частных предпринимателей и неработающих россиян (от 22 до 36%). В то же время примерно 13% работников никогда не ощущали близости с наемным трудом, а треть отметили устойчивую идентификацию с частными предпринимателями[29].

У учащихся неясность профессионального будущего сочетается с упованием на жизненный успех в «новой экономике» — с выбором бизнес-сообщества в качестве референтной группы.

Идентификация пенсионеров с миром труда обращена в прошлое и свидетельствует о том, что с уходом из активной трудовой деятельности полное замыкание на частную жизнь происходит не у всех пенсионеров или, по крайней мере, не сразу.

Вообще несогласованность статусов предполагает существование некоторой нормы. Эти нормы могут проявляться либо в оперировании нормативными идеологическими конструкциями, либо в «нейтральном» конструировании «объективно» нормативных ранговых шкал[30], либо в апеллировании к нормативным ожиданиям индивидов[31] и/или их социального окружения[32]. Применительно к изменяющимся обществам несоответствие мировоззрения объективному статусу может объясняться простым отрицанием причинно-следственной связи между структурными позициями классов и их групповым сознанием[33], а также «краткосрочной» ментальностью[34], ситуативностью и гибкостью идентификаций — всем тем, что может способствовать адаптации к переменам и использованию жизненных шансов[35]. Именно такое объяснение выглядит правдоподобным для одинаковой готовности безработных идентифицироваться и с миром наемного труда, и с миром бизнеса.

Отмеченные случаи несогласованности среди занятых позволяют выдвинуть гипотезу о том, что если процесс становления классового самосознания и имеет место, то на момент опроса он не сопровождался интенсивным выстраиванием межгрупповых барьеров, которое бы приводило к формированию антагонистической картины мира. Если в использовавшейся в опросе шкале выделить область идентификации позитивной

(варианты «часто» и «иногда») и непозитивной (варианты «никогда» и «затрудняюсь ответить»), то в зависимости от идентификационного выбора наемных работников и бизнесменов можно разбить на 4 группы тех, которые:

1) не видели межгрупповых барьеров между наемными работниками и бизнесом — оба позитивных выбора;

2) выстраивали межгрупповой барьер с позиции бизнеса — позитивная идентификация с бизнесом и отсутствие общности с наемными работниками;

3) выстраивали межгрупповой барьер с позиции наемного труда — позитивная идентификация с наемными работниками и отсутствие общности с бизнесом;

4) демонстрировали отсутствие классового самосознания — тот и другой выбор не является позитивным (Таблица 3).

Таблица 3

Распространенность классового самосознания среди наемных работников и предпринимателей (Россия), %

Типы самосознания	Наемные работники	Предприниматели
Без барьеров	60,6	54,5
Барьер с позиции бизнеса	*14,8*	32,7
Барьер с позиции наемного труда	14,8	*5,4*
Отсутствие классового самосознания	9,8	7,3

Среди представителей структурно противостоящих групп — наемных работников и предпринимателей — большинство выражали позитивную идентификацию (часто или иногда чувствовали близость) одновременно и со своей, и с противоположной группой.

Закрытую классовую позицию продемонстрировали лишь треть предпринимателей и около 15% наемных работников. Таким образом, антагонистическое мировоззрение с большим успехом формировалось среди малочисленных, предположи-

тельно высокоресурсных слоев предпринимателей, нежели среди большинства представителей наемного труда.

Курсивом в таблице 3 показана доля «ренегатов», которые продемонстрировали *радикальную несогласованность* между объективным статусом на рынке труда и классовым самосознанием.

К описанию современного российского общества как бесконфликтного, вопреки признанию его фактической поляризации, склоняются и некоторые исследователи. Так, Л. Н. Беляева, намечая практические задачи переходного периода российского общества на следующие 10 лет, связывает с «укреплением централизованного управления» завершение строительства и рыночной экономики, и *системы социального партнерства*[36]. Теоретически значимое обоснование того, что современное российское общество вполне адекватно рассматривать через призму стратификационного подхода, а не только в терминах антагонистических противоречий между классами дает Т. И. Заславская. Соглашаясь с выводом об иституциализации антагонистического «раскола общества по линии социального отчуждения и эксплуатации», она видит причину непроявленности классовой борьбы между низами и верхами в том, что «новые классы, за исключением элиты, не успели сформироваться, не обрели классового самосознания, не стали классами «для себя»»[37].

Таким образом, *перспектива развития классового антагонизма массовым сознанием в 2002 г. в российском обществе оказалась не востребованной.*

Самоопределение в социально-структурных терминах и классовое самосознание

В обеих странах бизнес-сообщество в идентификационном пространстве занимало периферийное положение. По сравнению со всеми другими общностями оно набрало минимальное (или близкое к нему) число голосов как объект устойчивой позитивной идентификации и максимальное (или близкое к нему) число голосов как объект определенной негативной идентификации (таблица 1). Тем не менее россияне охотнее (30%), чем поляки (9%) включали предпринимателей в «свой», понятный

мир. Зато в польском обществе более распространена была негативная идентификация с бизнес-сообществом: никогда не ощущали близости с ним более 40% опрошенных (в России — менее 25%). Согласно этому показателю, в России отношение к предпринимательству было более благоприятным, чем в Польше.

При этом лишь 4,4% россиян и 6,2% поляков указали, что определение «предприниматель» подходит лично им (см. ниже таблицу 9). Теперь рассмотрим более подробно как представители различных субъективно определенных общностей располагают себя в пространстве классовой разметки.

Прежде всего обнаружилось, что некоторые самоопределения незначительно, но статистически значимо повышали или понижали шансы устойчивой идентификации с бизнес-сообществом, а некоторые — с наемным трудом (Таблица 4)[38].

Примечательно, что сравнение данного самоопределения в России и Польше не обнаружило никаких различий, которые можно было бы назвать принципиальными. Сходств оказалось гораздо больше. В обеих странах Мы-идентификация с бизнесом и общностями труда (коллегами по работе, по профессии и наемными работниками в целом), а также стратификационное самоопределение (люди того же достатка) положительно связаны с готовностью, если не разделять, то понимать интересы обоих классов, находящихся в структурной оппозиции. Исключение составляют лишь слои, которые склонны отождествлять свои интересы с интересами тех, кто испытывает нужду, живет в бедности, — только они проявили исключительную солидарность с наемным трудом, не обнаружив при этом солидарности с классом предпринимателей. Таким образом, готовность считать мир материально депривированных людей «своим» все-таки намечает возможный классовый разлом.

Величины коэффициента Спирмена приведены только с уровнем значимости $p \leq 0{,}01$. При расчетах шкала Мы-идентификаций была преобразована в порядковую шкалу «часто — иногда — затрудняюсь ответить — никогда», что соответствует «устойчивой позитивной — ситуативной — неопределенной — устойчивой негативной» идентификациям.

Можно увидеть содержательные различия между Мы-определениями, указывающими на отсутствие межгрупповых барь-

Таблица 4

Социально-классовая идентификация в России и Польше, «коэф. Спирмена»

Идентификации	Россия	Польша	Россия	Польша
	Мы-идентификации			
	с бизнесменами		с наемными работниками	
Мы-идентификации				
с бизнесменами	1,000	1,000	0,293	0,159
с наемными работниками	0,293	0,159	1,000	1,000
с товарищами по работе	0,268	0,253	0,279	0,199
с представителями одной профессии	0,290	0,225	0,270	0,325
с людьми того же достатка	0,129	0,164	0,195	0,214
с постоянно нуждающимися			0,247	0,267
Я-определения				
предприниматель	0,159	0,260		
обеспеченный человек	0,181	0,130		
представитель интеллигенции	0,117	0,126		
студент / школьник	0,098			
представитель своей профессии	0,103	0,107	0,088	
работник предприятия	0,160		0,167	0,100
рабочий		0,096	0,102	
безработный				0,090
бедный	–0,196	–0,150		
крестьянин	–0,096		–0,065	
пенсионер	–0,267	–0,160	–0,117	

еров, и Я-определениями, обозначающими групповое членство индивидов. Именно сквозь призму Я-идентификаций видна асимметрия намечающихся межклассовых разломов. В обеих странах бизнес-сообщество скорее, чем общность наемного труда, найдет понимание среди тех, кто считает себя предпринимателем, обеспеченным человеком и / или интеллигентом; минимальные шансы найти понимание среди считающих себя пенсионерами и бедными. Это вполне естественно в отношении предпринимателей и психологически понятно в отношении обеспеченных и бедных людей.

Что касается интеллигенции («я — представитель интеллигенции»), то и в России, и в Польше, по-видимому, отразилась произошедшая при переходе к рынку смена «парадигмы мышления и поведения высокообразованного человека», приведшая к «угасанию в Восточной Европе духовной парадигмы общества доиндустриального, традиционного типа» из-за резкого ухудшения социального положения специалистов, финансировавшихся из государственного бюджета. В результате «прагматизации сознания» наиболее гибкая часть интеллигенции трансформировалась в «разновидность типичного для западного общества класса людей знания», в профессиональную группу высокооплачиваемых экспертов и специалистов[39]. Указанные процессы вполне соответствуют задаче «культурной революции» по формированию экономического человека — по замене в общественном сознании ориентации на свободу и индивидуализм вместо равенства и коллективизма. Именно эта задача встала перед странами Центральной и Восточной Европы в начале второй Великой трансформации 1990-х, поскольку послевоенная (первая Великая) трансформация создала материально-экономическую базу и социальную основу индустриального общества и одновременно законсервировала господство «нематериалистически ориентированных ценностей доиндустриального общества»[40]. Успех понимаемой таким образом культурной революции привел к переориентации населения посткоммунистических стран с ценностей самовыражения на ценности выживания (в терминологии Р. Инглхарта)[41].

Есть различия и между странами. В России профессиональные (представитель своей профессии) и корпоративные (работ-

ник предприятия / учреждения) Я-определения положительно коррелируют с обеими классовыми идентификациями. В Польше дело обстоит иначе: если «профессионалы» тяготеют только к бизнесу, то идентифицирующие себя с корпорацией солидаризируются только с наемным трудом.

Для интерпретации этого различия можно обратиться к сетевой теории предпринимательства Р. Бёрта, согласно которой «предпринимательство представляет собой объединение одним индивидом двух не связанных между собой фрагментов его сети»[42]. То есть, предприниматель — это, прежде всего, не профессия, а умение извлекать выгоду из «сетевых пустот». С этой точки зрения за солидарностью профессионалов с бизнесом можно видеть симбиотический, взаимовыгодный союз. Солидарность же с наемным трудом ощутимых выгод не дает, поскольку высокая квалификация профессионала позволяет индивидуально реализовать свои шансы на внешнем рынке труда.

Самоопределение *работник предприятия* связано с лояльностью конкретной хозяйственной организации. Стоящая за ней определенность жизненных шансов сообщается не столько ценностью профессионального статуса на внешнем рынке труда, сколько привилегиями, завоеванными или положенными внутри корпорации. В условиях раздаточной экономики советского типа более тесная, чем на Западе, связь с предприятием работников особенно низкого профессионального статуса трактовалась как проявление сословного, корпоративного характера общества. Предоставлявшийся предприятиями (в зависимости от размера и отрасли) набор социальных привилегий зачастую сильнее определял образ и уровень жизни работников, чем их профессионально-квалификационные характеристики[43].

В Польше, по крайней мере, в год, предшествующий опросу, характеристики предприятия существенно влияли на социальный статус работника. В частности, у рабочих на государственных предприятиях уровень заработной платы и гарантии от безработицы были выше. На частных предприятиях уровень зарплаты существенно зависел от ряда факторов: размера предприятия, его экономического положения и технической оснащенности. Оплата труда была выше на предприятиях с иностранным собственником и на предприятиях, созданных с нуля

«новыми» капиталистами. Существенное влияние на доходы работников оказывали сильные профсоюзные организации предприятий и выгодные для рабочих коллективные трудовые договора. В отдельную категорию выделялись малые частные предприятия, работавшие «на границе с серой зоной», где наемный персонал испытывал на себе неограниченную авторитарную власть работодателя[44]. Это объясняет то, что польские «работники предприятия» предпочли солидаризироваться с наемным трудом, а не с бизнесом. Там, где работник испытывал на себе авторитарную власть работодателя, идентификация с корпорацией, корпоративная лояльность могла ослабевать.

Возвращаясь к российской специфике — к готовности «профессионалов» идентифицироваться и с бизнесом, и с наемным трудом, — следует вспомнить, что, как «первичный элемент социальной структуры» *неклассовых обществ советского типа*, социально-профессиональные группы «все в меньшей степени выступали как внутриклассовые группы и все в большей мере как непосредственно внутриобщественные группы — слои». Вместе с тем в исследовании «старых структур» постсоветских обществ принципиально важно отличать социально-профессиональное от *собственно слоевого* измерения. Если профессиональная структура включает «особенности характера труда, квалификационно-образовательные и профессионально-отраслевые качества работников, то слоевая формировалась с учетом социального капитала и доступа к властным ресурсам[45]. Поэтому, хотя содержательно самоотнесение к тому или иному профессиональному сообществу предполагает, в отличие от самоидентификации с конкретным предприятием и коллегами по работе, обладание индивидом образовательного и квалификационного ресурса, позволяющего в поисках жизненных шансов входить в широкие, обезличенные отношения, роль профессиональной самоидентификации не следует преувеличивать. В «старых структурах» России[46] социальный статус по-прежнему определяется не профессией (не квалификацией и денежными доходами от профессиональной занятости), а близостью к власти[47].

Правда, в народной Польше тоже успел сформироваться «специфический тип «командной» сегментации рынка труда с уникальной моделью распределения доходов и прочих благ».

Однако Х. Доманьский утверждает, что к концу 1990-х гг. влияние этой сегментации уменьшилось, и в госсекторе проявляется лишь остаточное «сопротивление однажды консолидированной структуры»[48].

И еще два отличия России от Польши. Во-первых, российская молодежь с большей готовностью солидаризировалась с бизнес-сообществом, обещающим перспективу господствующих позиций на рынке труда за счет приобретаемого в обучении человеческого капитала. В этой готовности, в соответствии с теорией социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера, угадывается ориентация на индивидуальную восходящую мобильность, которой сопутствует ослабление групповой солидарности[49]. Польская молодежь такой готовности не продемонстрировала.

Во-вторых, поскольку дистанцию от бизнеса определенно обозначили только российские крестьяне, можно предположить, что в Польше они занимают менее маргинальное положение — испытывают меньшую депривацию по доходам и по общественному признанию.

Стратификационная идентификация — общность достатка

Стратификационный подход в известном смысле противостоит социально-классовому, однако оба они, в свою очередь, противостоят новейшим трактовкам, согласно которым вместе с исчезновением классов (а также труда и производства) почила и социальная структура. В качестве альтернативы социально-структурному «детерминизму» активно предлагаются культуральные интерпретации, согласно которым (пост)современные процессы дифференциации имеют преимущественно символическую природу[50].

Вместе с тем социально-структурные характеристики действительно не все объясняют. Хотя в обеих странах занятое население оказалось более чувствительным к социально-классовой и социально-профессиональной разметке социального пространства, чем незанятое (Таблица 5), статус занятости никак не отразился на распространенности идентификации по достатку. Это

Таблица 5

Устойчивая идентификация среди категорий занятости (Россия и Польша), %

	Россия		Польша	
Устойчивая идентификация с	Занятые	Незанятые	Занятые	Незанятые
людьми того же достатка	79,2	80,0	53,5	54,8
коллегами по работе	79,8*	42,5*	58,4*	30,3*
представителями профессии	76,5*	51,6*	52,7*	32,4*
наемными работниками	46,7*	29,7*	24,1*	17,2*
частными предпринимателями	37,8*	22,6*	13,3*	6,2*
бедными	33,8*	48,7*	30,5*	40,0*

Примечание: * значимость различий между занятыми и незанятыми по χ^2 при $p<0{,}01$.

может означать, что «вирусом» экономического мышления оказались заражены в одинаковой степени и активные труженики, и те, кто к таковым не относится. Действенность проникновения экономического мышления особенно трудно переоценить, имея в виду, что это единственный из рассматриваемых здесь параметров, который оказался независимым от статуса занятости.

Эти результаты согласуются с выводом о том, что в российском обществе материальное благосостояние уже к середине 1990-х гг. стало важнейшим критерием стратификации. Н. Е. Тихонова подчеркивает, что «особую убедительность этому выводу придает то, что все исследователи, отмечающие роль материального благосостояния среди критериев стратификации, анализировали социальную стратификацию как многомерный процесс и замеряли характеристики различных видов ресурсов, находящихся в распоряжении социальных групп и отдельных индивидов»[51].

Примечательно, что Л. А. Хахулина, рассматривая на материале регулярных опросов ВЦИОМа 1990-х гг. динамику са-

моопределений на социальной лестнице по 10-балльной шкале, отмечала: «Если в 1991 г. более 1/3 опрошенных затруднялись отнести себя к какому-либо слою или *вообще отрицали наличие в обществе такого деления* [курсив. — О.О.], то уже к 1996 г. самоидентификация с данными социальными категориями для подавляющего большинства не встречает затруднений. <…> Это является свидетельством того, что новая идентификационная система все больше укореняется в массовом сознании»[52].

Распространение стратификационного мышления в массовом сознании теоритически можно объяснить интенсивной имущественной дифференциацией, о которой в последние годы в России не писали только совсем не пишущие. Наиболее значимым следствием этой дифференциации для массового сознания стал лавинообразный рост неудовлетворенности своим материальным положением, что отразилось и в анализируемых данных. Сопоставимый уровень устойчивой идентификации с бедными в России (34% среди занятых и 49% среди незанятых) и в Польше (31% среди занятых и 40% среди незанятых) при более высоком уровне устойчивой идентификации по достатку (80% в России и 54% в Польше) может свидетельствовать о том, что в России имущественная дифференциация ощущается населением острее[53]. Таким образом, несмотря на то что теоретический анализ социальной структуры трансформирующихся обществ обнаруживает складывание антагонистических экономических классов в узком смысле этого термина[54], массовые опросы показали первостепенную значимость имущественной стратификации. Иными словами, и в России, и в Польше реформируемое население не достигло классовой зрелости и находится на стадии осмысления своего положения в экономических терминах.

Если из всех социально-структурных измерений параметр материального благосостояния действительно стал наиболее значимым, то логично исследовать взаимосвязь между оценкой своего материального благосостояния и готовностью идентифицировать себя с разными общностями (Таблица 6). Поскольку выше мы установили, что статус занятости почти всегда влияет на идентификационные выборы, этот параметр мы также будем учитывать.

Таблица 6

Устойчивая идентификация по уровню дохода среди групп занятого и незанятого населения России и Польши, %

Категории занятости	Россия				Польша			
	Уровень материальной обеспеченности							
	очень низкий	низкий	средний	высокий и очень высокий	очень низкий	низкий	средний	высокий и очень высокий
	Устойчивая идентификация с наемными работниками							
Занятые	45,9	48,7	46,2	45,1	23,4	14,1	29,7	20,9
Незанятые	26,1	31,9	32,3	37,5	15,8	13,9	19,0	18,4
	Устойчивая идентификация с частными предпринимателями							
Занятые	21,7	30,5	46,5	63,4	6,3	10,9	14,4	16,3
Незанятые	16,3	19,7	35,5	57,5	4,8	5,9	4,0	13,6
	Устойчивая идентификация с представителями одной профессии							
Занятые	74,5	77,3	74,2	85,4	51,6	48,4	53,8	53,5
Незанятые	45,4	51,9	58,1	82,5	26,7	30,7	34,3	38,8
	Устойчивая идентификация с коллегами по работе							
Занятые	77,1	79,9	80,7	82,9	45,3	48,4	61,0	65,9
Незанятые	35,0	42,3	54,0	72,5	20,0	31,7	30,2	45,6
	Устойчивая идентификация с людьми того же достатка							
Занятые	80,9	79,6	76,4	86,6	60,9	48,4	55,4	49,6
Незанятые	84,4	77,1	78,2	75,0	52,1	41,6	59,7	60,2
	Устойчивая идентификация с бедными							
Занятые	42,7	36,1	29,1	24,4	46,9	37,5	30,8	18,6
Незанятые	54,3	51,0	33,1	35,0	53,9	37,6	36,3	29,1

Идентификация с наемными работниками. На идентификацию занятых с наемными работниками уровень дохода не оказывает заметного влияния. Если какая-то связь и может быть замечена в польской выборке, она не носит линейного характера. Несколько иначе обстоит дело у незанятого населения обеих стран, где с ростом доходов отмечается усиление (особенно в России) идентификации с наемными работниками. Этому обстоятельству можно предложить два не противоречащих друг другу объяснения: (1) идентификация усиливается либо за счет нерегулярных выходов на рынок труда, обеспечивающих, несмотря на нерегулярность, относительно приемлемые доходы; (2) общность с наемными работниками актуализируется опосредованно через солидаризацию с работающими членами семьи, наличие которых и обусловливает более высокую самооценку материального положения.

Идентификация с бизнесом. Что касается идентификации с частными предпринимателями, то здесь, по-видимому, можно говорить о линейной связи. Чем выше доход, тем сильнее выражена готовность идентифицироваться с бизнесом. Это верно как для занятого, так и незанятого населения обеих стран, причем в России эта закономерность проявилась более отчетливо. В данном измерении предпринимательский класс, по-видимому, выступает референтной группой. М. Ф. Черныш, анализируя данные национального опроса начала 1990-х годов, приводит типологически сходное наблюдение: «Руководители в условиях тоталитаризма, да и в посттоталитарном обществе обладают достаточно высоким статусом. Это подтверждается тем, что весьма значительная часть населения, не занимая какого-либо руководящего поста, относит себя к категории управленцев. Для них руководители — референтная группа»[55]. Сходство заключается в том, что выбор высокостатусной группы в качестве референтной может рассматриваться как прагматическая «стратегия поиска привилегированносой позиции в распределении благ»[56].

Профессиональная и корпоративная идентификация. В принадлежности к общности с *коллегами по работе* подчеркивается ориентированность на межличностный характер отношений, на неформальную структуру формального объединения, входящего в более обширную хозяйственную организацию.

В обеих странах идентификация с профессиональным сообществом и коллегами по работе играет существенную роль, однако можно отметить некоторые различия по позиции относительно рынка труда. Интенсивность профессиональной идентификации среди работающего населения и уровень благосостояния совершенно не связаны между собой в Польше и не сильно связаны в России. Иная картина наблюдается среди незанятого населения, где интенсивность профессиональной идентификации неуклонно растет вместе с уровнем благосостояния в обеих странах.

Почти прямо противоположная картина наблюдается в данных об идентификации с коллегами по работе. Среди занятого населения России положительная связь между идентификацией и уровнем благосостояния наблюдается только при переходе от дохода не выше среднего к высоким и очень высоким доходам. Тогда как в Польше связь более явная: чем выше доход, тем чаще люди заявляли об устойчивой идентификации с первичным трудовым коллективом. Если придерживаться тезиса об изоморфности объективных и субъективных (самоощущения) параметрах стратификации[57], то можно сделать вывод о том, что в Польше более сильное влияние на уровень доходов оказывает корпоративная принадлежность по сравнению с профессиональной. Если так, то правомерна гипотеза: в результате произошедших трансформаций польский рынок труда не стал более открытым для межкорпоративного выравнивания в уровне оплаты труда[58].

Среди незанятых в обеих странах распространенность устойчивой идентификации с коллегами по работе ширилась вместе с ростом доходов, причем разница между крайними группами по уровню дохода оказалась двукратной. По-видимому, основной вклад в эту взаимосвязь внесли ответы учащихся (которые могли иметь в виду соучеников) и безработных (временно не работающих), для которых идентификация с общностями труда имеет практический смысл, так как она повышает шансы устройства на работу[59].

Характерно, что в *идентификации с людьми одного достатка* размер дохода не является однозначно дифференцирующим фактором. В этом можно видеть еще одно подтверждение струк-

турной неукорененности стратификационной идентификации. Совершенно иначе обстоит дело с другим параметром достатка: с бедными в обеих странах, как и предполагалось, чаще идентифицировались менее обеспеченные и незанятые.

Композиция социальной структуры сквозь призму Я-определений

Если социальную структуру изучать с помощью массовых опросов (таблица 7), то пришлось бы признать, что в терминах советской «трехчленки» в 2002 году в России численно доминировали рабочие (35%), а интеллигенты и крестьяне (по 16%) даже вместе не превосходили их по численности рабочих. В Польше доминировала интеллигенция (26%), по численности примерно равная рабочим и крестьянам (17 и 12% соответственно) вместе взятым.

Однако польский транзит к «обществу знания» имеет примечательную особенность. Оказалось, что самоопределение в терминах профессии для россиян играет более важную роль, чем для поляков, что нашло отражение и в абсолютных, и ранговых показателях (Таблица 7). При этом профессиональная самоидентификация в России оказалась более тесно, чем в Польше, связанной с позитивной оценкой своего материального благополучия (Таблица 8).

Среди россиян, которые выбрали идентификацию «представитель своей профессии», обеспеченных людей оказалось примерно на 9% больше, а бедных — на те же 9% меньше, чем среди тех, кто не выбрал профессиональную идентификацию; и эта разница статистически значима. Картина, конечно, не слишком радужная, учитывая, что три четверти россиян, считающих для себя важной принадлежность к профессии, не отнесли себя к обеспеченным людям. Однако данные по Польше свидетельствуют о еще меньшей связи профессиональной идентификации с достатком: несмотря на то что разница в оценках материального благополучия между «профессионалами» и «непрофессионалами» статистически значима, 90% польских «профессионалов» не отнесли себя к обеспеченным людям. Более того, к

Таблица 7

Порядок Я-определений в России и Польше

	Россия	Польша	Россия	Польша
Я-определения	%	%	Ранг	Ранг
Занятые				
Рабочий 35	17	16	27	
Крестьянин	16	12	29–30	31
Интеллигент	16	26	29–30	21
Предприниматель	4	6	39	35
Незанятые				
Пенсионер	34	36	19	15
Безработный	13	14	33	30
Студент / учащийся	6	8	38	33
Профессиональная и корпоративная принадлежность				
Представитель профессии	37	21	13	25
Работник предприятия	30	18	21	26
Статус достатка				
Бедный	25	46	25	12
Обеспеченный человек	20	5	27	36

Таблица 8

Связи Я-определений по профессии и по достатку, %

Я-определения	**Я — представитель своей профессии**			
	Россия		**Польша**	
	Выбрали	Не выбрали	Выбрали	Не выбрали
Обеспеченный человек	26,2*	16,8*	9,8*	4,0*
Бедный	19,1*	28,4*	46,9	45,3

П р и м е ч а н и е: * значимость различий по χ^2 при $p<0,001$.

бедным отнесли себя 47% идентифицировавших себя с профессией — почти ровно столько же, сколько и тех, кто не считает свою профессию важным параметром самоописания. Разумеется, подобных данных недостаточно, чтобы опровергать выводы об установлении режима меритократии в польской экономике[60]. Все же, поскольку индексы субъективных настроений и ожиданий широко используются в «серьезном» прогнозировании экономических трендов, ничтожная связь между оценкой материального благополучия и профессиональной идентификацией дает повод для сомнений в том, что у участников польского рынка труда сформировались представления о положительной связи между достатком и приверженностью профессии.

Таким образом, либо мы имеем дело с нехрестоматийными последствиями польского перехода к «обществу знания», либо слоевое самосознание не является надежным индикатором для выводов о качестве социальной структуры общества.

Теперь обратимся к среднему классу, который российские социологи, кажется, отчаялись обнаружить. Если в предпринимателе видеть типичного представителя искомого среднего класса, то в обеих странах численность среднего класса на момент опроса не превышала удвоенную величину ошибки выборки — 4–6%. При этом в Польше, которая, как считается, едва ли не дальше всех постсоциалистических стран продвинулась по пути реформ, оптимистично говорят о мелких и средних собственниках как о «ядре нарождающегося среднего класса»[61]. Какие же основания имеют польские авторы для оптимизма? По данным 1998–1999 гг. «старый» средний класс составлял всего 6,6% занятого населения (а не всего населения, как в нашем опросе). Именно в этих 6,6% и виделось «ядро динамики социально-профессиональной структуры»[62]. Похоже, что российский и польский дискурсы о среднем классе различаются как разговоры о наполовину пустом и наполовину полном стакане воды: отличия не в объективной реальности, данной в ощущении, а в пессимизме и оптимизме создателей дискурсов.

Отметим еще одну особенность. Вопреки распространенным среди россиян представлениям о более высоком уровне жизни в Польше, в России субъективно обеспеченных людей оказалось в 4 раза больше, а бедных почти в 2 раза меньше.

Очевидно, что польское и российское население выбирают для сравнения разные точки отсчета. Если в России, по-видимому, актуальным для самоиндентификации стала динамика изменений внутри страны, то для поляков более значимым оказывается сравнение с уровнем жизни «старых» членов Европейского Союза.

Несогласованность Я-определений

В ходе опросов респондентам предлагалось выбирать любое количество Я-определений. Номинации, предложенные в списке (вопрос 3, см. приложение), находятся между собой в разных отношениях. Одни номинации взаимоисключают друг друга: нельзя быть, например, молодым и пожилым одновременно. Другие номинации, дополняя друг друга, уточняют набор совместимых статусов респондента: можно быть одновременно молодым, рабочим, славянином, верующим и человеком с будущим. Советская «трехчленка» — рабочий, крестьянин, интеллигент, расширенная за счет новой страты предпринимателей, образует семантическое поле дискретных статусов, однако выбор двух и более номинаций из этого списка может трактоваться не как ошибка, а как показатель маргинального статуса.

В целом россияне чаще описывали свой статус в терминах модернизированной «трехчленки»: не нашли себя в ней 42% россиян и 49% поляков (Таблица 9). Разница статистически значимая (по χ^2 при $p<0,01$), но не является принципиальной с содержательной точки зрения. Выделив из всего массива данных тех россиян и поляков, которые назвали себя рабочими, крестьянами, интеллигентами или предпринимателями, мы можем определить, каким категориям более свойственна субъективная статусная кристаллизация, а каким — расщепленность статуса.

Максимальная статусная кристаллизация (не менее двух третей) в России свойственна рабочим и интеллигентам[63], а Польше — интеллигентам, рабочим и крестьянам (Таблица 10). В обеих странах большинству предпринимателей свойственно статусное расщепление, так что самосознание у нового «старого» среднего класса в России формируется не менее успешно, чем у

Таблица 9

Согласованность статусов, %

Выбор	Россия, N=1601	Польша, N=1069
4 выбора	0,2	0,2
3 выбора	1,4	1,1
2 выбора	10,0	8,2
1 выбор	46,4	41,3
0 выборов	41,9	49,2
Итого	100	100

польских коллег[64]. В противоречивости самоописаний предпринимателей ничего удивительного нет. В Польше 1990-х гг. «многие предприятия малого бизнеса учреждаются лишь для того, чтобы через некоторое время исчезнуть»[65]. Это не специфика со-

Таблица 10

Согласованность статусов, %

Выбор	Россия				Польша			
	Рабочий	Крестьянин	Интеллигент	Предприниматель	Рабочий	Крестьянин	Интеллигент	Предприниматель
4 выбора	1	2	2	6	1	2	1	3
3 выбора	4	7	8	11	5	8	2	14
2 выбора	25	41	19	40	27	24	21	53
1 выбор	71	51	72	43	67	66	76	30
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Всего сделавших более 1 выбора	29	49	28	57	33	34	24	70
N	562	258	256	70	186	127	282	66

временной Польши. В таком положении мелкие собственники находятся во всем мире, в том числе, естественно, и в России[66].

Самосознание представителей интеллигенции сохранило высокую степень непротиворечивости, несмотря на характерную для посткоммунистических стран катастрофическую утрату социальных позиций, с одной стороны, и превращение «гибкой» части интеллигенции в материалистически ориентированный класс менеджеров и экспертов[67] — с другой.

Таким образом, в обеих странах рабочие и интеллигенты отличаются высокой статусной кристаллизацией, в Польше к ним добавляются еще крестьяне. Предпринимателей — представителей возрождающегося «старого» среднего класса — в обеих странах отличает ощущение маргинальности собственного статуса. Следовательно, даже если Польша по объективным показателям обгоняет Россию в формировании «старых» средних классов, этот успех не отражался на их социальном самочувствии.

Теперь обратим внимание на статусные «расщепления», т.е. маргинальность (Таблица 11). Подчеркнем, что здесь будут рассмотрены данные только тех рабочих, крестьян, интеллигентов и предпринимателей, которые приписали себе более одного социо-структурного статуса.

В польских данных отчетливых зон статусной маргинализации не выявилось: рабочие, крестьяне, интеллигенты и предприниматели[68] примерно одинаково часто приписывали себе еще какой-нибудь статус (Рис. 1).

В России если рабочий выбирал еще какой-то социально-структурный статус, то чаще всего называл себя крестьянином, а крестьянин, в свою очередь, чаще всего называл себя рабочим. К рабочим же тяготели и интеллигенты, а предприниматели одинаково часто классифицировали себя как рабочих или интеллигентов. Если допустить, что пары статусов отражают индивидуальные траектории (незавершенной или пережитой) социальной мобильности, то статус рабочего окажется точкой прерывания траекторий: рабочий как бы стоит на пути из крестьян в интеллигенты и предприниматели.

В польских данных такой точки прерывания нет. Из каждого из четырех социально-классовых статусов выбор пути к остальным трем примерно равновероятен.

Таблица 11

Согласованность статусов среди групп респондентов в России и Польше, %

Я-определения	Россия				Польша			
	Рабочий	Крестьянин	Интеллигент	Предприниматель	Рабочий	Крестьянин	Интеллигент	Предприниматель
Рабочий		77	50	41		46	40	31
Крестьянин	62		26	16	34		24	20
Интеллигент	26	17		43	42	33		49
Предприниматель	12	6	24		24	21	36	
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
N*	191	153	100	56	76	57	80	59
Значимость различий внутри столбцов (χ^2)	<0,01	<0,01	<0,01	<0,05				<0,05

*Единица измерения — не респондент, а 1 пара разных статусов.

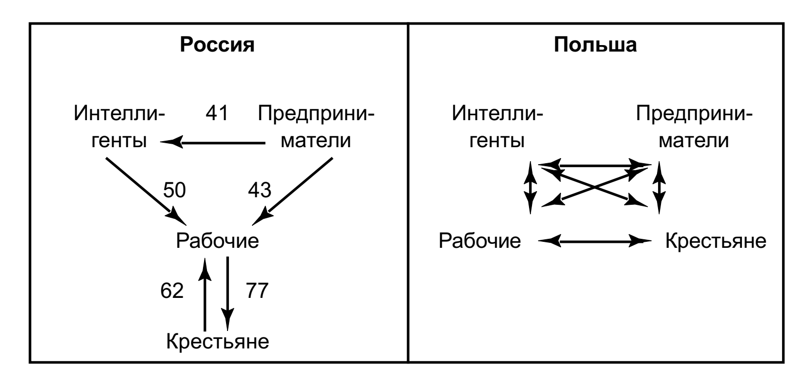

Рис. 1. Маргинальные социально-структурные статусы в России и Польше

Таким образом, если в Польше маргинальные статусы более или менее равномерно распределялись между всеми четырьмя рассмотренными категориями, то в России бóльшая часть маргинальных статусов сопряжена со статусом рабочего. Кроме того, Россию отличает от Польши иерархичность статусов, и в этой иерархии крестьяне занимают низшее положение. Сословно-неэгалитарные социалистические общества были более эгалитарными, чем посткоммунистические. При этом в обеих странах именно крестьянство стало едва ли не основной питательной средой для формирования культуры бедности, и именно среди крестьян, как показывают опросы, больше всего проигравших от реформ. Вместе с тем сравнение распределений маргинальных статусов показывает, что российские реформы более негативно отразились на социальном самочувствии селян.

Выводы

Подведем итоги. Прежде всего, нужно отметить, что сравнение распространенности социально-структурных идентификаций в России и Польше не обнаружило никаких различий, которые можно было бы назвать принципиальными. При этом сходства оказалось гораздо больше, чем можно было бы ожидать. Это наводит на мысль о том, что границы «другой Европы» простираются в западном направлении несколько дальше, чем это допускает текущий политический дизайн. Мысль эта кому-то может показаться комфортной, а кому-то возмутительной, и даже садистской. Вместе с тем она вполне согласуется с основанным на статистических данных утверждением о том, что «восточная часть европейского континента и в середине XX в. оставалась экономической периферией ее западной части. За исключением чешских земель, страны, вступившие на путь форсированной индустриализации по советскому образцу, составляли регион сельского типа с высоким аграрным перенаселением и низкими показателями грамотности». Польша находилась на «начальной стадии промышленного развития»[69].

В обеих странах Мы-идентификация с бизнесом и общностями труда (коллегами по работе, по профессии и наемными работ-

никами в целом), а также стратификационное самоопределение (люди того же достатка) положительно связаны с готовностью если не разделять, то понимать интересы обеих социально-классовых групп, находящихся в структурной оппозиции. Антагонистическая картина классового мироустройства массовым сознанием в 2002 г. в российском обществе была не востребована; в отношении Польши свидетельств обратного также обнаружено не было.

Если связывать рассмотренные показатели с индексом благоприятного отношения общества к предпринимательству, то в России он, несомненно, выше, чем в Польше, поскольку в Польше зафиксирована бóльшая распространенность барьера между населением и бизнесом.

Предпринимателей — представителей возрождающегося «старого» среднего класса — в обеих странах отличает ощущение маргинальности собственного статуса.

Если в Польше маргинальные статусы более или менее равномерно распределялись между всеми четырьмя рассмотренными категориями, то в России бóльшая часть маргинальных статусов сопряжена со статусом рабочего.

Несмотря на то что в обеих странах сельские жители оказались в наиболее трудном положении, российское крестьянство острее ощущает относительную депривацию.

В целом можно утверждать, что в обеих странах имеет место маргинализация социальных статусов: чувство солидарности в группах работников наемного труда, крупных бизнесменов и мелких предпринимателей не сложилось. Интерпретировать это обстоятельство можно по-разному: можно видеть в нем либо свидетельство незавершенности трансформации в общество принципиально нового типа с конкурентной экономикой, либо конец классовой идеологии, либо кризис форм репрезентации классовых интересов.

---

[1] *Melucci A.* The New Social Movements: A Theoretical Approach // Social Science Information. 1980. Vol. 19. P. 199–226; *Offe C.* New Social Movements: Challenging Boundaries of Institutional Politics // Social Research. 1995. Vol. 52. P. 817–68; New Social Movements: From Ideology to Identity / Ed. by E. Laraña et al. Philadelphia: Temple University Press, 1994. P. 7.

[2] *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс: Двусмысленные идентичности. М.: Логос-Альтера; Ecce Homo, 2003. С. 205–206.

[3] *Заславская Т. И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформаций. М.: Дело, 2004. С. 148–149.

[4] О распространении экономического мышления в Восточной Европе см.: *Коровицына Н.* С Россией и без нее: Восточноевропейский путь развития. М.: Алгоритм, 2003. С. 180 и далее.

[5] Ответы на вопрос об основном занятии со стандартными закрытиями: работаю по найму, занимаюсь предпринимательством, пенсионер, учащийся, безработный и т. д.

[6] Ответы «часто», «иногда», «никогда», «затрудняюсь ответить» на вопросы о субъектиивной близости различных категорий людей.

[7] Выбранные из набора карточек категории, которые подходят респондентам.

[8] *Рукавишников В. О.* Социология переходного периода // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 12; *Беляева Л.* Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Academia, 2001. С. 89–90.

[9] «По большому счету, “индустриальный бюрократ” находится в том же положении, что и другие наемные работники, с той лишь разницей, что его обязанности предполагают эманацию… власти структурного свойства, принадлежащей не ему лично, а той позиции, которую он занимает» (*Черныш М. Ф.* Менеджеры: Управление и культура // Россия реформирующаяся / Под ред Л. М. Дробижевой. М.: Academia, 2002. С. 35–36).

[10] *Заславская Т. И.* Современное российское общество. С. 149.

[11] Иногда «предприниматели-индивидуалы» исключаются из категории предпринимателей, см.: *Радаев В. В.* Экономическая социология. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 112.

[12] Там же. С. 96–100, 109–110.

[13] *Шкаратан О. И.* Российский порядок: Вектор перемен. М.: Вита, 2004. С. 168.

[14] *Радаев В. В.* Экономическая социология. С. 112.

[15] Российская идентичность в условиях трансформации: Опыт социологического анализа / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Наука, 2005. С. 60.

[16] Старые проблемы на новый лад: российское предпринимательство и общественные стереотипы. М.: Никитский клуб, 2004. С. 13 (http://www.nikitskyclub.ru).

[17] *Доманьский Х.* Появление в Польше меритократии // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 44–45.

[18] Poland: International Economic Report 2000/2001. Warsaw: Warsaw School of Economics, 2001. P. 160.

[19] *Симончук Е. В.* Средний класс: люди и статусы. Киев: Ин-т социологии НАН Украины, 2003. С. 194, 197.

[20] *Черныш М. Ф.* Власть и социальная структура // Социальная структура и социальная стратификация / Институт социологии РАН. М., 1992. С. 22.

[21] См., напр.: *Беляева Л.* Социальная стратификация и средний класс в России. С. 10; *Черныш М. Ф.* Власть и социальная структура. С. 20–21.

[22] См., напр.: *Шкаратан О. И.* Российский порядок. С. 66–69, 73.

[23] См., напр.: *Климова С. Г.* Критерии определения групп «мы» и «они» // Социс. 2002. № 6. С. 86–87; *Оберемко О. А.* Антонимический анализ Мы-Они идентичностей // Социальная идентичность: Способы концептуализации и измерения. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2004. С. 190–191.

[24] «Понятие социальной стратификации, в отличие от классовой структуры, не привязано к конкретной сфере общества. Оно относится к положению индивидов и групп на шкале иерархических статусов… Причем теории социальной стратификации рассматривают систему общественных неравенств скорее как непрерывную, чем как *дискретную* (курсив мой. — *О. О.*), что позволяет использовать более дифференцированные шкалы» (*Заславская Т. И.* Современное российское общество. С. 148–149).

[25] *Шкаратан О. И.* Российский порядок.

[26] *Тихонова Н. Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999. С. 11–12.

[27] *Дилигенский Г. Г.* Люди среднего класса. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. С. 60, 58.

[28] *Радаев В. В.* Экономическая социология. С. 223.

[29] Конечно, некоторую долю рассогласований можно объяснять классовой идентификацией респондентов с другими членами семьи, но этот сюжет мы оставляем за скобками.

[30] См., например: *Ленски Г.* Статусная кристаллизация: Невертикальное измерение социального статуса / Пер. с англ. А. Н. Болтавина // Социологический журнал. 2003. № 4. С. 128–130.

[31] Черкашина Т. Ю. Экономическая самоидентификация супругов в российских семьях // Социальная идентичность: Способы концептуализации и измерения / Отв. ред. О. А. Оберемко, Л. Н. Ожигова. Краснодар: КубГУ, 2004. С. 252.

[32] См., напр.: *Саблина С. Г.* Статусные рассогласования: Методология анализа и практика исследований. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 51–52.

[33] *Радаев В. В.* Экономическая социология. М.: ГУ–ВШЭ, 2005. С. 411.

[34] *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 29.

[35] *Данилова Е. Н., Ядов В. А.* Неустойчивая социальная идентичность становится нормой // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения. Краснодар: КубГУ, 2004. С. 13–14.

[36] *Беляева Л.* Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Academia, 2001. С. 4.

[37] *Заславская Т. И.* Современное российское общество. С. 149.

[38] Конечно, абсолютные величины коэффициента корреляции ничтожны: нормальность и линейность распределений нарушается главным образом тем, что значительная часть респондентов, особенно российской выборки, выбирали вариант «часто». Нормирование распределений, естественно, дало бы более солидные показатели, что не отразилось бы на их порядок.

[39] См.: *Коровицына Н.* С Россией и без нее: Восточноевропейский путь развития. М.: Алгоритм, 2003. С. 208–212 и далее. Сходство настроений «проигравших от реформ» слоев российской и польской интеллигенции можно видеть в следующей фразе: «Не что иное, как традиционные ценности, исповедовавшиеся восточноевропейской интеллигенцией, были движущей силой “бархатной” революции. Трагизм этой революции, как и судеб ее участников, заключается в том, что ценности и идеалы ноября 1989 г. оказались несовместимы с “послеоноябрьской” реальностью» (Там же. С. 208–209).

[40] *Коровицына Н.* С Россией и без нее. С. 180–183.

[41] Там же. С. 185–193.

[42] *Сведберг Р.* Новая экономическая социология: Что сделано и что впереди? // Западная экономичская социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В. В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 118.

[43] *Шкаратан О. И.* Российский порядок: Вектор перемен. М.: Вита, 2004. С. 79–80.

[44] Poland: International Economic Report 2000/2001. Warsaw: Warsaw School of Economics, 2001. P. 162–163.

[45] *Шкаратан О. И.* Российский порядок: Вектор перемен. М., 2004. С. 74–75.

[46] См. выше упоминание о «двух Россиях».

[47] В. И. Ильин предостерегает от смешения этих двух структур. Если на Западе их отождествление не ведет к «большим эмпирическим погрешностям», то в России «профессиональная и классовая структуры — это совершенно разные сущности. Представители одной и той же профессии могут относиться и к конторскому пролетариату, и к новому среднему классу, поскольку ситуация на рынке труда сильно колеблется и во времени, и в физическом пространстве (столица — провинция, город — деревня), существенны колебания даже внутри одного города» (*Ильин В. И.* Методологические проблемы анализа классовой структуры // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 269–270).

[48] *Доманьский Х.* Появление в Польше меритократии // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 43.

[49] *Ellemers N., Spears R., Doosje B.* Sticking Together or Falling Apart: Group Identification as a Psychological Determinant of Group Commitment versus Individual Mobility // Journal of Personal and Social Psychology. 1997. Vol. 72. P. 123–140.

[50] Авторы культуральных трактовок, по-видимому, избегают формальных (не содержательных) сопоставлений между идеологией и культурой, стилем, культурными практиками и т. п.

[51] *Тихонова Н. Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999. С. 39.

[52] *Хахулина Л. А*. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 1999. № 2. С. 25–26. Цит. по: *Дилигенский Г. Г.* Люди среднего класса. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. С. 58.

[53] По аналогии с межэтническим напряжением, которое приводит к актуализации этнической идентификации, см.: *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.

[54] *Радаев В. В*. Экономическая социология. М.: ГУ–ВШЭ, 2005. С. 398.

[55] *Черныш М. Ф.* Власть и социальная структура // Социальная структура и социальная стратификация / Институт социологии РАН. М., 1992. С. 26.

[56] *Рихард А., Внук-Липиньский Э*. Источники политической стабильности и нестабильности в Польше // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 62.

[57] Н. Е. Тихонова подчеркивает, что решающую роль материальное положение играет «в определении как объективного, так и субъективно воспринимаемого социального статуса в современной России», поскольку «самоощущение самого населения» совпадает со статистическими данными (*Тихонова Н. Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999. С. 30).

[58] «В условиях конкуренции заработная плата, выплачиваемая предпринимателем, не находится ни под его контролем, ни под контролем его работников. Действующая ставка оплаты определяется условиями во всей экономике в целом, говоря более конкретно — совокупным спросом и совокупным предложением труда. Каждая фирма должна платить эту рыночную ставку. Ей нет необходимости поднимать заработную плату, когда растет ее производительность или расширяются ее продажи; если бы она так поступила, то на нее обрушился бы поток претендентов из других секторов. В подобном мире «инсайдеры» лишены какой бы то ни было власти». (*Blanchflower D. G., Oswald A. J.* Internal and External Influences Upon Pay Settlement // British Journal of Industrial Relations. 1988. Vol. 3. P. 364. Цит. по: Капелюшников Р.И. Механизмы формирования заработной платы в российской промышленности. М.: ГУ-ВШЭ, 2003. С. 25).

[59] *Дёмин А. Н*. Возможности использования человеком индивидуальных и социальных ресурсов в ситуации отсутствия работы // Экономическая социология. 2000. № 1. С. 37–47.

[60] *Доманьский Х*. Появление в Польше меритократии.

[61] Poland: International Economic Report 2000/2001. Warsaw: Warsaw School of Economics, 2001. P. 160.

[62] *Доманьский Х*. Появление в Польше меритократии. С. 31–32.

[63] Различия между интеллигентами и крестьянами, а также между рабочими и крестьянами значимы по χ^2 при $p<<0,01$.

[64] Напомним, что речь идет о субъективном аспекте классообразования и на основании имеющихся данных нельзя делать выводов об объективных процессах. Кроме того, из разницы между 43% «консистентных» российских и 30 % польских предпринимателей нельзя делать вывод о более успешном формировании классового самосознания у нового «старого» среднего класса в России ввиду отсутствия статистической значимости между этими показателями.

[65] Poland: International Economic Report 2000/2001. P. 160.

[66] *Райт Э. О*. Марксистские концепции классовой структуры // Рубеж. 2000. № 15. С. 36–85.

[67] *Коровицына Н*. С Россией и без нее: Восточноевропейский путь развития. М.: Алгоритм, 2003. С. 211.

[68] У польских предпринимателей распределение по столбцу хотя значимо и отличается от ожидаемого, вряд ли из этой особенности можно делать вывод о том, что оно принципиально отличается от распределений рабочих, крестьян и интеллигенции.

[69] *Коровицына Н*. С Россией и без нее. С. 15–16.

2-5. О направлении социальных изменений с точки зрения теории модернизации*

К. Косэла

Новое качество в нашем знании о многообразных идентификациях появляется вместе с результатами исследований социальной динамики. Интересующее нас явление получает место на оси времени, формируя представление о направлении изменений. Сравнение результатов российских и польских исследователей 1998 и 2002 г. позволяет сформулировать проблему: то ли наши общества, как поезда, расходятся все дальше, то ли движутся по параллельным путям в одном направлении, хотя, возможно, и с разной скоростью. Данные международных исследований требуют определенной гипотезы, эффективного инструмента, организующего интерпретацию результатов. Таким вспомогательным инструментом в анализе социальных процессов служит гипотеза о постепенной культурной модернизации обществ — идея, часто используемая при истолковании результатов сравнительных исследований[1]. Модернизация — важный предмет классических образцов социологического анализа, который определяет составляющие этого процесса, распознает его детерминанты и описывает темпы изменений в разных местах земного шара. Сущность данного процесса, охватывающего все общества, проявляется в постепенном высвобождении человеческой деятельности из семейных, классовых, этнических, расовых и религиозных оков, в формировании независимой личности, обладающей всеми добродетелями, ей свойственными. Такие перемены происходят, когда аграрные, патриархальные и традиционные сообщества преобразуются в общества городские, промышленные, демократические и… индивидуалистические. Здесь можно показать, какие связи социологи признавали особенно важными, и разложить процесс модернизации на компоненты, отнесенные к разным областям общественной жизни. Традиционно индивиды были «опутаны» нормами религии, семейными узами, ожиданиями, связанными с принадлежностью к определенному социальному классу и этническому сообществу. Освобождение от этих пут сопровождалось все большей самостоятельностью, равноправием и рациональностью индивидов.

«Осовременивание» целых больших объединений людей совершается благодаря постепенному изменению отдельных лиц и межчеловеческих связей. В идентификациях, как в увеличительном стекле, можно увидеть этот процесс, поскольку они выявляют, из каких элементов люди составляют свою «общественную душу».

Модернизация — понятие растяжимое и многозначное. Возможно даже психологически толковать ее как склонность индивидов к ориентации на будущее. С целью избежать оценочных суждений, вместо «модернизации» можно говорить о «культурном изменении». К сожалению, тогда исчезает весь груз значений, накопленных и накрепко соединенных с понятием модернизации в спорах многих поколений социологов. От классиков нашей науки идет идея, что стержень модернизации составляет процесс рождения самостоятельной и независимой личности — процесс, растянутый на сотни лет, но инструменты опроса здесь непригодны, хотя, если принять предпосылку об однолинейности развития, возможна трактовка данных зондажа как квазидинамических. Культурное изменение, ассоциируемое с модернизацией, сводится к высвобождению из ограничений, издавна почитаемых естественными, так что в итоге люди становятся более способными принимать самостоятельные решения о своей жизни.

Чем более радикальна модернизация, тем более независимой становится личность в результате ослабления семейных,

* Перевод с польского А. Д. Ковалёва.

классовых, вероисповедных и обусловленных соучастием в каком-то этническом сообществе («народной общности») связей. Следствием оказываются успехи индивидуализации: индивид становится менее ограниченным, меньше похожим на других и слабее связанным в действиях нормами разных сообществ. За пределы такого анализа выходит проблема, какие же связи занимают место ослабленных семейных, классовых и прочих, обеспечивая модернизированным обществам продолжение существования. Равно таинственной остается цель модернизации: трудно назвать состояние, венчающее этот процесс.

Можно ли данные сравнительных наблюдений 1998 и 2002 гг. толковать как показатель углубления модернизации? Подтверждают ли ответы в 2002 г. жителей России и Польши вывод о «культурном осовременивании» обоих сравниваемых обществ?

Гипотезы об изменениях в России и Польше

Четыре года, разделяющие исследования 1998 и 2002 гг., — срок недолгий, даже учитывая, что в дни глубоких общественных перемен время бежит быстрее, несет в себе больше важных событий. Результаты исследования в России выявили различия, зависимые от стиля осуществления власти президентами Ельциным и Путиным[2] и особенно очевидные в отношении людей к государству. И в Польше за тот же период случилось многое. Чувствительная методика должна зарегистрировать такие сдвиги в объектах социальной лояльности в обоих обществах, хотя период между исследованиями недостаточен для выявления более глубоких изменений. Еще одно правдоподобное предположение таково, что ускорение преобразований общества в России и Польше привело к изменениям, выравнивающим различия в характеристиках идентификаций, в их распространенности и важности.

К нашим выводам будут привлекаться результаты немецко-польских исследований[3] в качестве некоего эталона модернизации. К этим результатам стоит присмотреться, чтобы оценить изменения, произошедшие в тот же период в самоидентификациях жителей Польши и России. Распространенность и важность, по меньшей мере, некоторых из идентификаций в Польше и России должны уподобиться частоте и важности тех же идентификаций в немецком обществе. Теория модернизации предполагает единое направление изменений.

Польско-немецкие исследования 1990/1991 и 2001 г. дали немало аргументов в пользу того, что эти две страны разнятся между собой степенью культурной модернизации — Германия более модернизирована, Польша менее. Необходимо проверить, подтверждают ли этот тезис результаты нового исследования, ибо период ускоренной модернизации обществ, переживающих коренные преобразования, не мог полностью сгладить цивилизационные различия, накопленные за многие десятилетия. Иными словами, либо в результатах исследований с 1998 до 2002 г. отличия нарастают, либо за эти четыре года польское и российское общества приблизились к состоянию общества современной Германии.

Поэтому в данном разделе мы посмотрим, как изменились в России и Польше распространенность и важность семейных, национальных, религиозных и классовых идентификаций.

Индивидуализация

Дюркгейм сказал бы, что индивидуализация — это «состояние, в коем “Я индивида” чрезмерно самоутверждается и за счет социального Я»[4]. В этом суждении видна озабоченность состоянием солидарности в обществе у автора, который с особой тревогой наблюдал распространение и последствия указанного явления[5]. Его анализ, предпринимаемый сто лет назад, натыкался на понятийные затруднения и трудности определения изучаемого процесса. В попытке определить взаимные отношения между составляющими процесса модернизации, индивидуализации выпадает роль совокупного результата ослабления семейных, религиозных, классовых и т. д. связей.

Дифференциация обществ и углубление разделения труда приводят к тому, что набор ролей, исполняемых индивидами, оказывается в большой степени неповторимым, если не сказать — уникальным. Ослабленный контроль со стороны семьи, религии и других социальных сред дополнительно усиливает

размывание регулятивных и интеграционных возможностей общества. Слабеют нормы, связанные с различными этапами жизни, все больше дел и поступков приходится на долю индивидуальных решений, свободных от группового давления и контроля.

Индивидуализация означает, что человек компонует свое социальное самоопределение из редких и исключительных идентификаций и, стало быть, не умещается в стандартных и общедоступных вариантах, предлагаемых исследователем.

Например, в польско-немецком исследовании было установлено, что молодые немцы, отвечая на вопросы, кем они являются в обществе, гораздо более сдержанно реагировали на указанные им определения. Тем самым они дали знать, что более прогрессивны на шкале культурной модернизации, чем их польские ровесники.

Как было сказано выше, индивидуализация означает, что человек выстраивает свое социальное самоопределение, свою социальную идентичность из «редких» идентификаций. В количественном исследовании самоотождествлений индивида можно определить, кем он является, использовав для этого 40 стандартных определений-кубиков, предложенных исследователем. Чем яснее индивид видит свою социальную исключительность, чем меньше набор групп и малых сообществ, членом которых он себя ощущает, тем меньше распространены идентификации. Сравнение распространенности самоидентификаций в выборке взрослых жителей России и Польши через четыре года после первого замера однозначно свидетельствует о продвижении модернизации обоих обществ. Как в России, так и в Польше уменьшилась готовность компоновать свою социальную идентичность из готовых элементов. Спустя четыре года жители обеих стран характеризуют свое место в обществе, пользуясь иными, отличными от предлагаемых исследователем понятиями. Сорок определений на выбор не дают опрашиваемым свободы для демонстрации того, кто они, к каким социальным группам принадлежат. Снижение уровня социализации, измеряемой таким образом, видно из данных, приведенных ранее (см. в таблице 1П Приложения к главе 2-1-1). Там показаны отношения процентных долей, характеризующих распространенность идентификаций в 2002 г., к аналогичным мерам распространенности в 1998 г. Идентификаций, привлекательность которых выросла между 1998 и 2002 гг., немного.

В Польше только три идентификации оказались в 2002 г. более распространенными, чем четыре года назад (см. табл. 1П Приложения к главе 2-1-1). Две из них, а именно «для меня важно, что я учащийся» и «важно, что я безработный», обусловлены изменениями ситуации в польском обществе: экономическим кризисом и массовой безработицей, а также распространением образования, ставшего ответом на потребности молодежного демографического пика.

В России чаще выбирались классово-слоевые идентификации, свидетельствующие об улучшении настроения населения (для меня важно, что я человек с достатком; важно, что я гражданин Великой державы), а также две идентификации, говорящие о тлеющей фрустрации (важно, что я остаюсь советским человеком; важно, что я безработный). Рост привлекательности идентификации в российском обществе не так легко объяснить, как в польском. Однако кроме классово-слоевых самоотождествлений их обоснование относительно нетрудно отыскать в изменениях ситуации российского общества. Рост привлекательности отдельных идентификаций в нем — скорее исключение на фоне сильной тенденции к уменьшению всеобщей распространенности идентификаций. Короткий интервал между исследованиями и разительность изменений свидетельствуют о высоком темпе цивилизационных процессов. По-видимому, проявления индивидуализации нарастают повсеместно и быстро в обеих странах.

Ослабление семейных связей

Особая роль семьи в Польше объясняется тем, что «семья, при всех своих недостатках, воспринималась как тот социальный круг, который дает чувство безопасности и опоры в жизни, как группа, всегда готовая придти на помощь в трудные минуты»[7]. Эти трудные минуты и важные охранительные функции семьи крепко связаны с плохими материальными условиями и

туманными перспективами удовлетворения материальных потребностей. Такие обстоятельства в период упадка Польской народной республики составляли основу предвидения, что «семья именно в перечисленных ранее функциях будет еще важнее, чем прежде»[8]. Такое предсказание сулило Польше состояние, противоположное ожиданиям исследователей прогрессивных обществ, которые замечали постепенное ослабление экономических функций семьи со всеми последствиями для отношений родителей и детей. Причины ослабления семейных связей усматривались в меньшей зависимости детей от родителей. С тех пор как доход индивида перестал отождествляться с доходом семьи, а обе стороны, родители и дети, стали клиентами разных социальных программ, семейные связи потеряли прочную материальную основу. Среди последствий такого изменения различимы: критицизм в отношении стиля жизни родителей и более критический настрой по отношению к взрослым, чем к ровесникам, частое расхождение взглядов молодежи и их родителей на вопросы общественной жизни, интенсивное и бурное переживание молодости. Родительская способность ограничения потомства ослабла, и молодежь западных обществ чаще склонна твердить, что настоящая жизнь должна проходить среди ровесников. Так, немецко-польские исследования выявляют разную силу семейных связей, бóльшую на Висле, меньшую в немецкой стороне. Для молодых жителей Германии в отличие от Польши важнее то, что можно найти за пределами семьи.

Поскольку более ранних подобных измерений не было, нет и эмпирической базы для утверждения о большем значении семейных связей в обществе 1980-х годов. Истинность выдвинутого тогда предсказания, будто семья в функциях удовлетворения материальных потребностей «приобретет еще большее значение, чем прежде», остается недоказанной, ибо отсутствуют результаты, позволяющие утверждать, что последние два десятилетия в Польше шел процесс укрепления семейных связей. Зато не вызывают сомнений сравнения, относящиеся к нашему времени: тест выбираемых идентификаций показывает не только различие польского и немецкого общества, но и польского и российского. Направление изменений в России иное, чем в Польше.

Таблица 2

Изменение важности семейных идентификаций в России и Польше
(индекс важности)

Важно, что я	Польша		Россия		Изменения индексов	
	1998	2002	1998	2002		
					Польша	Россия
Мать / Отец	56,4	60,3	60,1	57,1	3,9	-3,1
Жена / Муж	42,9	46,0	43,9	38,7	3,2	-5,2

В России важность семейных идентификаций незначительно уменьшилась, в Польше — незначительно выросла. Жители Польши дружнее подчеркивали значимость семейных самоотождествлений, ставя их на главные места в индивидуальной иерархии идентификаций.

Ослабление национальных связей

Очередная область, в которой модернизация ведет к ослаблению связей, — это область национальных отношений. Одной из движущих сил здесь было растущее стремление справиться с наследием двухвековых конфликтов и с разрушительной мощью национализма. Второй силой было развитие технических средств коммуникации и «уменьшение» земного шара. В каждодневном освоении мира элементы недавно еще чуждых культур стали таким же доступным материалом, как и содержание культуры собственного народа. Успехи интеграции в экономической и политической областях привели к тому, что границы солидарности преодолели границы национальных государств. В результате с верностью собственной нации конкурируют не только местные и региональные связи, но все чаще и связи надгосударственные, например солидарность с людьми той же религии либо цивилизации. В 2001 г. в польско-немецком исследовании стало возможным поставить наряду с национальной идентифика-

цией («Для меня важно, что я поляк / немец») и европейскую идентификацию («европеец»). Прежде всего следовало проверить, подтверждают ли национальные идентификации гипотезы, сформулированные на основе знания о модернизационных трендах[9]. Итог исследования 2001 г. согласуется с ожиданиями, выведенными из гипотезы, поставившей польское общество позади немецкого с точки зрения культурной модернизации. Молодые жители Польши чаще указывают и определяют как наиболее важные именно национальные идентификации наряду с семейными и вероисповедными. На фоне молодых немцев их польские ровесники выглядят националистами. Наши данные показывают, что нельзя говорить о прогрессирующей «эрозии» национальных чувств в Польше. События многих десятилетий так укрепили культурную общность поляков, что она приобрела большее значение, чем все другие внесемейные общности. На основе схемы модернизации этот результат можно истолковать как отставание от других обществ.

Модель культурной модернизации позволяет предвидеть, что вместе с прогрессирующим осовремениванием того или иного общества будет падать значение национальной идентификации и расти значение вненациональной, более универсальной по сравнению с национальной. И даже если кто-то признал, что национальная принадлежность является его важным личным свойством, со временем он, вероятно, будет вынужден приписывать этой идентификации меньшую важность и ставить ее ниже в иерархии значимых качеств человека. Рано или поздно в такой иерархии на первые места должны подняться более универсальные, глобальные идентификации.

По сравнению с национальными, изменения государственных идентификаций не так однозначно определяются упомянутой моделью. Правда, государства являются государствами национальными, но связи гражданства не имеют характера первичных и прирожденных (аскриптивных) связей: они формальные, а не «органические». Патриотизм же местный, эмоциональное отношение к родной местности, городу, региону относятся к типу связей ограниченных, партикулярных. Уничтожение границ и сокращение расстояний на земном шаре должны снижать значение этих связей. Таблица 3 содержит информацию о месте на-

Таблица 3

Изменение значимости национальных идентификаций в России и Польше

(индекс важности)

Важно, что я	**Польша**		**Россия**		**Изменения в Польше**	**Изменения в России**
	1998	2002	1998	2002		
поляк / русский	64,2	67,1	56,6	55,6	2,9	-1,0
человек, верный польской национальной традиции / приверженец русской национальной идеи	29,9	34,8	6,7	7,7	4,9	1,1
гражданин Польши / России	48,1	52,7	52,1	56,6	4,6	4,5
гражданин страны мирового значения (гражданин Великой державы)	17,8	12,7	13,4	17,3	-5,1	4,0
гражданин страны, не имеющей значения для мира (гражданин страны, переставшей быть Великой державой)	2,8	5,8	23,5	21,0	3,0	-2,5
европеец	24,8	27,1	10,5	10,9	2,3	0,3
славянин	12,8	13,6	20,9	18,8	1,2	-2,1
житель данного региона, города, местности	20,4	28,0	35,2	39,8	7,7	4,6

циональных, вненациональных, государственных и локальных самоопределениях людей в меняющейся иерархии важности.

Самоопределения жителей России с течением времени перемещаются на шкале важности в соответствии с моделью, но и не без влияния политической истории российского общества. Национальные идентификации становятся менее важными, растет значение самоотождествлений с мощным государством. Немного снизившаяся важность «славянских» идентификаций и немного возросшее значение «местных» идентификаций несколько меняет картину более «современного» общества, складывающегося в России. Изменения, проходящие в Польше, отстают от ожиданий. Единственное, что можно отнести к идущим в ногу со временем событиям, — это также незначительный рост важности европейской идентификации в период, когда обсуждалась задача оповещения общества о необходимости поддержать интеграцию Польши в Европейский союз. Другие изменения важности свидетельствуют о росте значения партикулярных связей. Как и в случае важности семейных связей, российское общество меняется согласно теоретическим предсказаниям, тогда как изменения польского общества расходятся с ними.

Ослабление религиозных связей

Ослабление вероисповедных общин и сообществ — очередная составляющая процесса модернизации. Социологи видят в секуляризации важную черту современной культуры. Этот процесс понимается как уменьшение значимости религии для индивидов, как изменение, склоняющее отдельных людей все реже обращаться к неземному миру. Нужно подчеркнуть, что это изменение касается именно индивидов. Альтернативное определение секуляризации относится к уровню социальных систем и утверждает, что модернизация влечет за собой меньшую общественную значимость религии. Тезис о секуляризации обществ порождает много противоречивых суждений, поэтому в дискуссиях по этому предмету стараются уточнить составляющие этого процесса[10]. Меньшую распространенность обращений людей к трансцендентному в их стремлении осмыслить свой повседневный опыт социологи признают показателем продвижения культурной модернизации обществ. Область веры и конфессиональной принадлежности должна занимать подобающее место в исследовании, цель которого — сравнение двух обществ.

Краткого объяснения требует совместное сопоставление личностного отношения к вере и к институтам церкви. Набожность без церковной принадлежности (воцерковленности), believing without belonging[11], становится характерной чертой просвещенных обществ и оборачивается умалением значимости христианских церквей. Вера и воцерковленность должны быть связаны, ибо ослабление веры означает ослабление связей внутри общины единоверцев и с институтом церкви. Одновременно, чем слабее люди вовлекаются в совместные практики и ритуалы, тем меньше влияние оказывает церковь на убеждения и действия верующих. Это ясно видел Эмиль Дюркгейм, показывая зависимость между свойственной протестантизму свободой исследования Священного Писания и прогрессом индивидуализации[12]. Кто чувствует себя способным к самостоятельному истолкованию Библии и обходится без посредников в личном общении с Богом, тот не почувствует и потребности соотносить свои действия с нормами вероисповедной общины. Теряет значение общность, утверждается воля индивида.

Таблица 4

Изменение важности религиозных идентификаций в России и Польше
(индекс важности)

Важно, что я	Польша		Россия		Изменения в Польше	Изменения в России
	1998	2002	1998	2002		
верующий	53,2	59,2	27,6	32,5	6,1	4,9
человек, верный католическим ценностям (сторонник Православной Церкви)	29,8	33,3	18,3	21,7	3,5	3,4
неверующий	1,5	1,6	9,6	8,1	0,1	–1,6

Анализ важности религиозных самоотождествлений в Польше и России дает очень ясную, хотя и удивительную картину. Если человек признает религиозные идентификации своими важными характеристиками, то время передвигает их на более высокие места в иерархии значимых свойств. В обоих обществах очевидна тяга к религии — результат поразительный в свете концепции секуляризации.

Ослабление классовых связей

Тезис о размывании классовой структуры провозглашает не столько исчезновение классов, определенных в экономических категориях, сколько ослабление связи между местом, занимаемым людьми в процессе производства, и их культурной средой, некогда точно соответствовавшей классовой принадлежности. Сохранение разделений, вытекающих из неравного доступа к таким ресурсам, как доход, власть и престиж, сопровождается размыванием культурных границ, ассоциируемых в прошлом с классами. При незатронутом экономическом основании классовой структуры складываются разные стили жизни, разные манеры, художественные вкусы, политические предпочтения, способы препровождения свободного времени и иные характеристики, когда-то прочно связанные с экономическим разделением в обществе. В процессе модернизации размываются группы, которые водили своих членов на своеобразных помочах в истолковании их личного опыта, становятся похожими культурно обособленные группы, исчезают границы между социальными слоями. Пониманию этого стирания культурных особенностей разных классов мешает неготовность исследователей к количественному описанию данного явления. Ослабление классовых связей ускользает от методов опроса. Трудно отыскать идентификации одновременно и характерные для изучаемого общества в целом, и прочно связанные с принадлежностью к какому-то классу. Вкусы и манеры поддаются регистрации методами наблюдения; опрос, представляющий нагромождение деклараций, оказывается недостаточно гибким инструментом.

Снятие культурных барьеров, возведенных между общественными классами, должно проявляться в идентификациях с привилегированными либо ущемленными группами. Оно также может стать очевидным в общей тенденции к преодолению различных мнимо непреодолимых границ. То, что когда-то было предопределено статусом семьи и местом в иерархии занятий, постепенно выпадает из сферы регуляции традиционными нормами и становится каждый раз предметом индивидуальных сделок. Модернизация видна в освобождении от таких ограничений, связанных с происхождением, социальным классом, расой, местом в разделении труда. Жизненные достижения и неудачи во все большей степени — результат индивидуальных усилий, и в меньшей — производная характеристик, приписанных человеку в момент рождения.

Подобный ход мысли обосновывает трактовку половых идентификаций наряду с иными идентификациями, исчезающими вместе с устранением классовых границ. На силу идентификаций с половой группой стоит обратить внимание, ибо существует явная связь между нею и косностью социальных барьеров. Чем важнее для человека самоотождествление с мужчинами / женщинами, тем важнее для него связи, сцепленные с принадлежностью к этой категории, из которой нельзя выйти, и тем сильнее чувство подчинения неизбежным ограничениям. Половые идентификации оказались в группе классовых самоопределений из-за недостатка лучших способов и служат опосредованными симптомами трудных для измерения явлений.

Убывающая важность связей, которые являются следствием классово-слоевой принадлежности, — это последняя проверка предположений, выведенных на основании теории культурной модернизации обществ. Инструмент количественного анализа идентификаций оказался неприспособлен для проверки этого аспекта модернизации. Выяснилась недостижимость нахождения идентификаций однозначно связанных с участием в культуре конкретных социальных слоев и достаточно универсальных, чтобы такие идентификации проявились в исследовании случайных выборок взрослых жителей страны. В польско-российском исследовании можно получить лишь косвенные свидетельства, и они представлены в таблице 5.

Таблица 5

Изменение важности классовых идентификаций в России и Польше
(индекс важности)

Важно, что я	Польша		Россия		Изменения в Польше	Изменения в России
	1998	2002	1998	2002		
мужчина / женщина	54,6	62,6	64,0	55,6	8,0	–8,4
бедный	18,6	25,5	22,7	16,1	6,9	–6,6
обеспеченный	2,9	3,3	9,4	11,0	0,4	1,6
интеллигент	13,0	16,1	13,6	9,4	3,1	–4,2
крестьянин	6,9	9,2	8,7	9,7	2,3	1,0
рабочий	7,9	11,2	18,1	22,8	3,3	4,7
предприниматель	3,5	3,8	3,4	2,6	0,2	–0,9

Половые идентификации включены в таблицу, поскольку они, как и классово-слоевая принадлежность, кажутся неизбежными: обычно у индивида складывается впечатление, что не существует способов вырваться из такой приписной категории. Идентификации по линии богатство / бедность показывают важность материального аспекта классово-слоевой принадлежности, хотя исследователя в первую очередь интересовало измерение культурных, а не финансовых коррелятов этой принадлежности. В других самоотождествлениях возможны поиски подтверждений убывания важности внутрислоевых социальных связей. Результаты анализа промежуточных, косвенных мер не привели к однозначным выводам с позиций модернизационной гипотезы. И в очередной раз можно сказать, что более ясные результаты проявились в выборке из жителей России, чем Польши.

В связи с проблемой классов серьезные сомнения возникают в отношении самой схемы модернизации. Социологи доказательно описывают растущие различия в материальных условиях жизни внутри польского общества[13]. За этими экономическими

различиями наверняка последует и межгрупповая культурная дифференциация. И нелегко принять мысль, что это будет проявлением понятного движения общества на его пути к «современности».

Итоги российско-польских сравнений происходящих изменений

Изменения идентификаций, происшедшие в России и Польше между 1998 и 2002 г., истолкованы в свете теории культурной модернизации обществ. Пригодность и качество инструмента для таких целей было проверено на польско-немецких исследованиях. Сравнение идентификаций польской и немецкой молодежи вселяют уверенность, что методика сортировки самоотождествлений людей обнаруживает важные черты общества, а при многократном применении показывает направление изменений, отражает модернизационное продвижение изучаемой популяции. Применение того же инструмента к идентификациям взрослых жителей России и Польши дало интересные результаты.

С точки зрения протекания процесса индивидуализации оба общества переживают похожие изменения. Люди все менее охотно компонуют образ своего социального Я, своей социальной личности из готовых кубиков, предоставленных исследователем. Они стараются показать, что имеют все меньше черт, общих с другими людьми, что в качестве социальных существ делаются все более уникальными, все менее похожими на остальных, менее связанными групповыми верованиями и убеждениями. Теория модернизации предписывала в первую очередь обращать внимание на идентификации семейные, национальные, религиозные и классово-слоевые. Именно эти идентификации с течением времени должны становиться менее важными для индивидов.

Однако усиление религиозных идентификаций, а также локальных связей трудно согласовать с теорией культурной модернизации. Только некоторые изменения распространенности и важности самоидентификаций удается легко приписать (в каче-

стве следствий) политическим и экономическим событиям, таким, как консолидация государственной власти в России либо дискуссии в Польше в связи с вступлением в Евросоюз.

Можно было ожидать, что после марта 2000 г. (избрание Путина президентом) в идентификациях жителей России обозначится смягчение разочарований после крушения советской империи и облегчение вследствие стабилизации политического руководства. И действительно, в самоидентификациях жителей России отражается смена стиля президентства, усиление геополитического значения государства и довольно приличный темп экономического роста. Ожидалось, что российское и польское общества будут преображаться по прогнозу теории культурной модернизации, а не только реагировать на политические кампании, военные угрозы и стихийные бедствия. С тем и другим обществом связывались одинаковые ожидания, основанные на убеждении в едином направлении изменений.

Многие изменения не соответствуют предварительным ожиданиям. Мы ожидали нарастания разнородности соотнесений с сообществами и ослабления по сравнению с 1998 г. показателей важности, но результаты не оправдали ожидания. В особенности граждане Польши, словно послушные неким наказам неизвестного происхождения, в большинстве уверяют, что важнейшими их идентификациями являются семейные, национальные и вероисповедные. Вместо более тонкого различения социальных лояльностей, респонденты скорее уподобляют их друг другу и в совокупности, проявляют большее единомыслие в вопросе мнениях о том, что важнее всего в жизни общества.

В Польше результаты сильно разошлись с ожиданиями. К Польше особенно применим вывод о «задержанной» модернизации — результат интересный, поскольку он показывает, как общества реагируют на стресс, порождаемый крутыми преобразованиями. В России картина была гораздо яснее. Данные по России более сопоставимы с положениями модели культурной модернизации. За исключением религиозных, остальные идентификации укладываются в модернизационную схему: социальные связи остаются без изменений либо ослабевают вместо упрочения и закрепления. Нет ответа на вопрос, почему развитие ситуации в Польше идет вопреки естественному

ходу вещей. Очевидно несоответствие фактических данных со сделанными ранее прогнозами. Надо внимательнее отнестись к объяснениям изменений, происшедших в идентификациях жителей Польши.

Первое объяснение заключается в том, что анализ тренда показывает кратковременный, малосущественный изгиб, обычную неустойчивость, тем более случайную, что изменения в идентификациях невелики, а интервал времени между двумя измерениями короткий. Сохраняющаяся в Польше важность национальных и вероисповедных самоотождествлений может быть следствием дискуссий в период принятия решений о вступлении страны в Евросоюз. «Виновники» таких колебаний — журналисты и публицисты. Экономика переживает кризис, на рынок труда приходят рожденные в годы демографического пика. Экономические трудности и публичные дебаты сильно влияют на идентификацию членов общества. Дискуссии в средствах массовой информации и интенсивные приватные разговоры — одна из причин увеличения важности всего относящегося к сферам суверенности государства, национальных традиций, христианских ценностей, потенциальных ресурсов и недостатков общества, а также к будущему — собственному и близких людей. Возможно, одновременное нагромождение этих факторов вызывает отклонения от модернизационных изменений. Сиюминутная неуверенность в своем будущем склоняет людей к мышлению в категориях, которые оправдывались в прошлом, в XIX и XX вв. Тогда отклонения от предсказаний, сделанных на основе теории модернизации, — просто следствие текущих событий, проявление общественной «горячки». Если в 2002 г. действительно зарегистрировано лишь кратковременное возмущение более глубоких процессов, то успех интеграции польского общества в европейское сообщество народов вызовет возвращение к норме, принесет изменения в идентификациях, согласующиеся со схемой модернизации. Поэтому результат исследователя, скажем, в 2012 г. уже не должен удивить социологов так, как удивляют результаты 2002 г. Для будущих исследований распространенность и важность идентификаций в начале этого столетия стала бы только свидетельством разброда умов в период, предшествующий при-

нятию кардинальных решений для польского общества. Правильна ли эта гипотеза, мы увидим, когда утихнут споры о целесообразности вхождения Польши в Евросоюз.

Вторая гипотеза глубже, она пытается объяснить, почему не стоит рассуждать о торможении, а то и о попятном движении модернизации, признаки которого можно усмотреть в некоторых идентификациях жителей России и особенно в идентификациях жителей Польши. Речь идет не о сиюминутных изменениях и не о пороках исследовательского инструмента, оспаривается сама идея, будто общества маршируют к «современности» одной дорогой. Сторонники этой гипотезы относятся скептически по отношению к сверхобобщенным трендам и советуют оставить попытки втиснуть конкретные случаи в модели общественного развития. Вместо однонаправленного универсального процесса в качестве детерминант выдвигаются исторические факторы, формирующие цепь событий каждого национального государства и организованного ими общества[14]. Согласно такому ходу мысли, вместо одного «тренда» следовало бы описывать конкретный контекст национальной истории, иной в каждом государстве и в каждой национальной группе.

Вообще, модель культурной модернизации имеет парадоксальные последствия для истолкования человеческих самоидентификаций. Она допускает возможность того, что модернизация «обслуживает» волю индивидов, способна толкать людей в объятия то исключительной и обособленной народной общности, то универсальной общины верующих, приверженцев какой-то одной религии. Сущность культурной модернизации в ее стандартной формулировке можно свести к индивидуализации. Тогда выходит, что именно индивидуализация служит причиной того, что «я хочу быть патриотичным, хочу быть верующим, преданным прежде всего семье и все же каким-то иным», т. е. руководствуясь собственным выбором, тянусь к несовременным типам человеческой общности. От внешних факторов зависит, чего захотят члены обществ, подвергшихся глубокой индивидуализации. Во всем перечисленном нетрудно усмотреть механизмы самоограничения индивидуализации. С такими механизмами неизбежный процесс «культурного осовременивания» обществ перестает

быть лишь их фатальным предназначением и становится полем интеллектуального оттачивания парадоксов.

Ограничение модернизационной модели многое меняет в истолковании самоидентификаций населения. Оно позволяет признать ошибочным такое прочтение данных, что польская молодежь якобы догоняла немецких ровесников. Неприглядными становятся уподобления континууму, в начале либо в конце которого располагаются общества. Не повергают в панику и цифра, показывающие растущую важность вероисповедных идентификаций в декларациях взрослых жителей России. Следовательно, такие результаты говорят не столько о том, что зрелые члены российского и польского обществ поддаются понятным, регрессивным тенденциям и отсутствующим в других местах склонностям, сколько о реакциях людей на конкретные, особенные события, созидающие историю страны.

---

[1] А также критикуемая. Ср.: *Wallerstein I.* Modernization^ requiescat in pace // The capitalist world economy. Cambridge: Cambridge University. Press, 1979.

[2] Ср. результаты, представленные в разделе 2-1-1.

[3] Эмпирической базой выводов послужили данные опроса, проведенного на общепольской выборке молодежи (возрастная группа 15–24-летних), а также на аналогичной выборке немецкой молодежи в декабре 2001 г.

[4] Logika analizy socjologicznej / Tlum. T. Szawiel, red. A. Sulek. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1979. S. 56.

[5] Ср.: *Tiryakian E. A.* Sexual anomie, social structure, societal change // Social Forces. An International Journal of Social Research. 1981. Vol. 59. N 4. June. P. 1025–1072.

[6] Обсуждение идентификаций, упорядоченных с точки зрения распространенности по данным исследования 1998 г., см. в отчете: *Koseła K.* Procedura I-sort — jej własności na podstawie badań tożsamości społecznych w Polsce i w Rosji // ASK. 2000. №. 9. S. 7–38.

[7] *Nowak S.* Ciągłość i zmiana tradycji kulturowej. Warszawa: PWN, 1989. S. 450.

[8] Ibid. S. 451.

[9] Ср. результаты исследования IEA под заголовком «Civic education».

[10] *Casanova J.* Public religions in the modern world. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1994. Rozdz. 1 i 2. S. 11–66.

[11] *Davie G.* Religion in Britain since 1945. Believing without belonging. Oxford: Blackwell, 1994.

[12] *Durkheim E*. Suicide. A study of sociology / Trans. by J. A Spaulding, G. Simpson. New York: Free Press, 1897/1951. Ср. также: *Pickering W. S. F*. Durkheim's sociology of religion. London: Routledge & Kegan Paul, 1984.

[13] Ср., напр.: *Domanski H*. Hierarchie i bariery społeczne w latach dziewięćdziesiątych. Warszawa: Instytut Spraw Publicznych, 2000.

[14] См.: *Evans P. B., Rüschemeyer D., Skocpol T*. (eds.). Bringing the state back in. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1985. Похожим образом поступил со схемой секуляризации Дейвид Мартин. См.: *Martin D*. A general theory of secularization. New York: Harper&Row, 1978.

Часть 3

ДВА НАРОДА. ЭТНОС И ГОСУДАРСТВО

3-1. Гражданские и этнические идентификации в России

Е. Н. Данилова

В научной и популярной литературе активно обсуждаются проблемы интеграции современного российского общества, природа и причины этнических конфликтов в постсоветское время, рост национального самосознания русских, угроза ксенофобии из-за притока этнических мигрантов и т. п.[1] Тем не менее не так часто рассуждения опираются на эмпирические данные. В нашем распоряжении «социальные факты», полученные в репрезентативных исследованиях населения России и Польши. В фокусе данной главы идентификации с широкими общностями — этническими и гражданскими. Мы смотрим, насколько часто взрослые жители этих стран отождествляют себя с такими сообществами, каково их место и значение в системе множественных идентификаций.

Сравнение России и Польши дает представление о роли нации и государства и о соотношении этнических и гражданских идентификаций в моноэтничной Польше, не сталкивающейся с проблемами межэтнических конфликтов, и многонациональной России, для которой эти проблемы чрезвычайно остры.

Один из волнующих вопросов: что более значимо в сознании граждан двух стран — принадлежность к этносу или государству? Считается, что в Польше доминирует этническая идентификация. О российской идентичности идет много споров. Одни считают, что гражданско-государственная составляющая превалирует. Известен тезис о том, что в России всегда речь шла об идентичности в рамках государства, которое бесспорно считалось основой идентичности русских. Другие акцентируют внимание на росте этнического самосознания русских и национальных чувств, подогреваемых столкновениями с «чужими» культурами, приносимыми потоком мигрантов, возрождением Русской Православной Церкви. Тем не менее сегодня говорить о той или иной тенденции с достаточной уверенностью трудно.

Есть ли принципиальные различия между русскими, этническим большинством России (именно о нем прежде всего пойдет речь, поскольку в рассматриваемой выборке 86% русских) и жителями Польши и на что они указывают?

Другой вопрос — о роли этнических и гражданских идентичностей в интеграции общества. Идентификации с гражданскими общностями несут позитивный потенциал, не таящий в себе межнациональных трений и конфликтов. Но нельзя не согласиться с тем, что сегодня в России отсутствует достойный общегражданский проект, позволяющий интегрировать все общество. Каковы тенденции в этнической и гражданской идентификациях россиян по сравнению с поляками? Попробуем взглянуть на предложенные вопросы с помощью наших эмпирических данных.

В нашем исследовании к этническим мы условно относим все те категории, которые по своему содержанию связаны с культурными корнями этноса. Они же могут трактоваться как традиционные. Это — определения себя русским или поляком, близость по религии и культуре, славянская идентичность (сами люди часто вкладывают в эти категории и родовые признаки, указывающие на наличие общих предков).

Гражданские идентификации определяем как те, которые связаны с разными уровнями и формами отношений с общественными институтами, где не родственные связи, мифы и легенды о своем народе, а правовое поле и взаимодействие с государственными институтами и институтами гражданского общества являются основой, обеспечивающей важность и востребованность соответствующей идентичности. К гражданским, в нашем исследовании, относятся государственные идентификации, такие как «граждане России», «россияне», и надгосудар-

ственные идентификации «европейцы», т. е. граждане Европы, а также «все человечество», понимаемое как граждане мира.

Статус локальных идентификаций пока не вполне ясен. Отнесение себя к «жителям одного поселения, местности» может выступать и формой субгосударственной (муниципальной) идентификации, но для этого требуется высокая степень структурированности местного сообщества, чего в России пока не наблюдается. Поэтому в российском варианте идентификация себя с диффузным локальным сообществом, скорее всего, будет иметь много общего с этническими идентификациями.

Напомним, что применялись две методики. Обе предоставляют респонденту возможность соотнести себя с различными социальными категориями. Одна методика была нацелена на регистрацию личностной самоидентификации («Я-идентификации»). Вторая — на выявление групповых идентификаций («Мы-идентификации»).

Распространенность этнических и гражданских идентификаций у россиян и поляков

Наблюдается сходство двух стран в большой значимости и распространенности этнической и государственно-гражданской идентификаций, причем этот вывод следует из анализа данных, полученных по обеим методикам. Принадлежность к нации и государству — самые распространенные характеристики среднего россиянина и поляка. Я-идентификации с государством и этносом по распространенности конкурируют с такими первичными человеческими идентичностями, как гендерные и семейные (табл.1).

В России в целом для всего населения этническая и государственная идентичности идут на равных[2], в то время как в Польше значимость этнической выше, чем гражданской.

Различия в следующем: в России в число пяти самых распространенных попадает местная идентификация, в Польше — религиозная.

Казалось бы этнические и государственные сообщества не являются теми, принадлежность к которым ощущается повседневно. Тем не менее, как видно из таблицы 2, по частоте выбора гражданами двух стран в качестве эмоциональных идентификаций «воображаемые»[3] (конструируемые) сообщества усиленно соревнуются с реальными группами повседневного общения, такими как семья, друзья, единомышленники, товарищи по работе.

Не удивительно, что большой процент респондентов в двух странах выбирают в качестве близких малые реальные группы. Но важно и то, что достаточно высокий процент россиян и поляков указывают на сильную эмоциональную близость к этнонациональному и государственному сообществам. Для России близость по этническому признаку «с людьми моей национальности» (более 70%) демонстрируется несколько чаще, чем с гражданским сообществом «россияне». Однако примечательно, что и эта категория, когда-то выпущенная в жизнь первым Президентом России, остается актуальной — более 60% опрошенных считает ее своей «Мы-группой».

Таблица 1

Пять наиболее распространенных Я-идентификаций

В РОССИИ (N=1603)			**В ПОЛЬШЕ** (N=1069)		
Идентификации	**Распространенность (%)**	**Ранг**	**Идентификации**	**Распространенность (%)**	**Ранг**
Гражданин России	79	1–3	***Поляк***	84	1
Мужчина / Женщина	79	1–3	***Человек верующий***	77	2–3
Русский	78	1–3	Мужчина / Женщина	77	2–3
Мать / Отец	69	4–5	***Гражданин Польши***	70	4–5
Житель региона / города / местности	65	4–5	Мать / Отец	67	4–5

Таблица 2

Самые распространенные Мы-идентификации
(по ответам «часто»)

В РОССИИ (N=1603)			**В ПОЛЬШЕ** (N=1069)		
Ранг	**Идентификации**	**Распро-странен-ность (%)**	**Ранг**	**Идентификации**	**Распро-странен-ность (%)**
1	Семья. Друзья	86–88	1	Семья	87
2	Сверстники. Люди того же достатка. Единомышлен-ники	78–80	2	Друзья	76
3	***Люди той же националь-ности. Земляки***	72–74	3	Единомышлен-ники	62
4	Люди той же профессии ***Россияне*** Коллеги	63–64	4	***Поляки*** Люди того же достатка	54–57

Из таблицы 2 видно, что поляки в целом реже, чем россияне, выбирают те или иные Мы-идентификации, но порядок предпочтений примерно тот же.

Сходство проявляется и в том, что большинство россиян и поляков наиболее часто выбирают в качестве близких себе групп семью и друзей. Отличие — для большинства поляков более значимы прежде всего семья и друзья, в то время как большинство россиян декларируют близость не только с семьей и друзьями, но и с другими группами[4].

Подытоживая, можно сказать, что наряду с малыми группами и ближайшим окружением, жизненный мир россиянина и поляка вмещает воображаемые большие сообщества — нацию и государство. Для поляков традиционные ценности остаются незыблемыми и в эпоху перемен, их мир основывается на «трех китах»: семья, нация, вера. Государство имеет меньшее значение. Для русских важен расширенный микромир (семья, товарищи по работе, коллеги, близкие по духу, сверстники), своя национальная общность, своя «малая родина», а также и государство.

Рассмотрим далее *все множество* гражданских и этнических идентичностей. Сравнение с Польшей оттеняет проблемы российской идентичности. Особенно отчетливо видны различия двух стран, если сравнить идентификации, условно подразделяя их на две группы: гражданские и этнические. Повторим, что к комплексу этнических идентификаций относятся и религиозные, и культурные, которые тесно связаны с этничностью и подтверждают приверженность этно-национальным традициям. Славянская идентичность также может быть отнесена к этническим. Комплекс гражданских идентификаций включает в себя принадлежность к государственным сообществам, а также к надгосударственным — европейскую и идентификацию с человечеством («гражданин мира»).

Как видно из таблицы 3, в целом в России более распространены Я-идентификации государственно-гражданского комплекса, а в Польше — этно-культурного.

Польская идентичность очень гомогенна — она базируется на этносе[5], традиции и ценностях веры. Для большинства поляков естественен выбор идентичностей, указывающих на национальную принадлежность. Религиозные идентичности в Польше столь же важны, как и национальные. Вместе они образуют сплав «польскости». Так, около 70% поляков одновременно выбрали самоидентификации «поляк» и «верующий».

На фоне Польши *россияне* выглядят, если можно так сказать, более современными, доля гражданских идентификаций в сравнении с этнокультурными у них выше. Но российская идентичность сложнее, в ней содержатся противоречивые тенденции.

Россияне сильнее, чем жители Польши, выражают идентичность именно с государством, и с современным российским, и с бывшим советским. Россиян отличает более глубокий след имперского и советского прошлого, в самоидентификациях россиян сильнее чувствуется драматичность утраты быв-

Таблица 3

Сравнение гражданских и этнических идентификаций в России и Польше (Я-идентификации)

РОССИЯ (N=1603)	% в выборках		**ПОЛЬША** (N=1069)
Гражданские идентификации			
Гражданин России	**79**	70	Гражданин Польши
Советский человек	**44**	25	Гражданин Польской Народной Республики (ПНР)
Гражданин страны, которая перестала быть Великой державой	**35**	10	Гражданин страны незначительной в мире
Гражданин Великой державы	28	28	Гражданин страны, важной в мире
Европеец	24	**45**	**Европеец**
Этнические и культурные идентификации			
Русский	78	**84**	**Поляк**
Верующий	47	**77**	**Верующий**
Сторонник православной церкви	39	**50**	**Сторонник католической веры**
Славянин	**36**	27	Славянин
Приверженец Русской национальной идеи	17	**55**	**Приверженец польских народных традиций**
Представитель своей национальности	**10**		
Локальные идентификации			
Житель своей местности	**65**	50	Житель своей местности

П р и м е ч а н и е: Жирным выделены идентификации, которые более распространены в одной из стран по сравнению с другой.

шего государства — Советского Союза. Советская идентичность запечатлена в памяти людей старших поколений. За более чем 10 лет с того момента как перестал существовать Советский Союз, причастность к советскому народу еще живет в людском сознании: более 60% выбирают такую идентификацию либо когнитивно, либо эмоционально, из них почти 17% не приемлют нынешнего российского гражданства (не выбирают характеристику «гражданин России»). Тем не менее российская идентичность постепенно вытесняет советскую. В России больше 40% населения предпочитают новое российское гражданство и не ассоциируют себя с «советским человеком» (табл. 4), (из них, правда, 10%, отвечая на вопрос о Мы-идентификациях, выражают близость к советскому народу). Среди поляков тех, кто предпочитает современную Польшу социалистической ПНР, около половины.

Таблица 4

Сочетания современных и ретроспективных гражданских идентификации
(по методике Я-идентификация, доля в выборке)

	Одновременно выбрал и «Гражданин России» и «Советский человек»	Выбрал «Гражданин России», и НЕ выбрал «Советский человек»	Выбрал «Советский человек» и НЕ выбрал «Гражданин России»	НЕ выбрал НИ «Гражданин России», НИ «советский человек»
РОССИЯ Вся выборка (N=1603)	38	**41**	6	15
	Одновременно выбрал и «Гражданин современной Польши», и «гражданин ПНР»	Выбрал «Гражданин современной Польши» и НЕ выбрал «Гражданин ПНР»	Выбрал «Гражданин ПНР» и НЕ выбрал «Гражданин современной Польши»	НЕ выбрал НИ «Гражданин современной Польши», НИ «Гражданин ПНР»
ПОЛЬША (N=1069)	22	**49**	2	**27**

Интересно, что и для части поляков социалистическое прошлое имеет значение: более 20% поляков одновременно считают себя и гражданами современной Польши, и гражданиами бывшей Польской Народной Республики (ПНР), но только 2% предпочитают ПНР современной Польше.

Самое примечательное, что 27% поляков вообще безразличны к обоим видам гражданства. В России таких — 15%.

Отличительной чертой россиян является и более частый выбор идентификаций с местным сообществом. *Локальная идентификация* является одной из самых распространенной. В Я-идентификациях она уступает российско-гражданской и этнической принадлежности (табл. 1), однако в Мы-идентификациях чувства близости к «землякам» даже несколько опережают по распространенности чувства принадлежности к «россиянам» (табл. 2).

Такая глобальная гражданская идентичность, как *европейская,* естественно, выбирается чаще поляками, чем россиянами. В России эту идентичность выбрали всего 24% населения, что, видимо, связано с распространенной в правящих элитах и среди населения идеей об «особом пути» России[6]. В Польше гораздо меньше искушений «особым путем» и Евразийством. Кроме того, правящая элита в 2002 г. (в момент опроса) определенно готовила страну, уже вошедшую в НАТО, к вступлению в Евросоюз. Но несмотря на все это, оказалось, что не так много поляков — всего 45% — выбрали европейскую идентичность.

Что касается этно-культурного комплекса идентификаций, то здесь лидирует Польша (см. табл. 3). Однако распространенность чисто этнических Я-идентификаций, если суммировать выбравших идентификацию «русский» (78%) и «представитель своей национальности» (10%) , в России (в сумме 88%) и в Польше (84%) практически одинакова.

В Польше, как уже отмечалось, важнее культурные составляющие этно-национальной Я-идентичности. При сравнении с Польшей по распространенности религиозных идентификаций, наверное, могут проиграть многие страны.

Интересно, что и в России после 70-летнего периода забвения церкви почти половина населения относит себя к верующим, причем людьми других национальностей этот выбор делается несколько чаще, чем русскими (53% против 46%, см. табл. 1 Приложения). Причем среди русских вера практически сливается с церковно-институциональной принадлежностью: идентификации «сторонник православной церкви» и «верующий» идут почти на равных (40 и 46%, см. табл. 1 Приложения). А в Польше более значима категория «верующий», чем «сторонник католической веры» (разница в распространенности почти 30%). Таким образом, русский — это значит православный, а поляк — человек скорее верующий, чем католик. В многоконфессиональной пост-советской России имеет место институциональная экспансия православной церкви, в то время как в Польше католицизм не испытывает необходимости в этом.

Такая разновидность этно-культурной Я-идентификации, как *славянская,* более распространена в России, чем в Польше (см. табл. 3), и, естественно, среди русского населения (см. табл. 1 Приложения).

В нашем распоряжениии имеются данные о динамике идентичностей в России за 90-е годы, собранные с помощью методики Мы-идентичностей. Как следует из этих данных, на протяжении 90-х годов в России усиливалось чувство близости ко всем большим «воображаемым» сообществам (табл. 5). Самым заметным был прирост этнических и локальных идентификаций. Прирост гражданских идентификаций немного ниже, но также весом.

Иллюстрацией существующих тенденций в российской общегражданской идентификации служат результаты факторного анализа (табл. 6).

В сравнении с Польшей, где этно-национальная идентичность «поляки» является стержневой конструкцией, связывающей и поддерживающей все остальные, включая гражданские (см. структуру первого фактора в польской выборке), в России такой консистентности нет — этнические (и локальные) идентификации, судя по результатам факторного анализа, автономны от общегражданских (в число последних входит гражданство России, СНГ, советское гражданство и даже ощущение себя гражданином мира). Соответственно в России для части населения важнее этнические и локальные сообщества, а есть и те, кто готов солидаризироваться с другими гражданами, независимо от их

Таблица 5

Динамика распространенности этнических, гражданских и локальных Мы-идентификаций

(% респондентов, называющих чувство близости к тому или иному сообществу; сумма ответов «часто» и «иногда»)

Называют чувство близости к:	*Май 1992*	*Дек 1992*	*Март 1993*	*Июнь 1993*	*Нояб 1993*	*Июнь 1994*	*Нояб 1994*	*Янв 1997*	*Май 1998*	*Июнь 2002*	*Прирост % 2002-1992*
людям той же национальности	75	76	74	72	77	78	76	85	91	95	+20
россиянам	71	71	66	67	77	71	70	71	84	88	+17
общности «Советский народ»	47	46	44	39	49	49	44	54	52	63	+16
гражданам СНГ	49	42	38	36	38	39	34	50	63	66	+17
землякам (тем, кто живет в нашем городе, поселке)	73	75	71	76	75	80	80	83	92	96	+23

этнической и локальной принадлежности. Процессы усиления и конструирования региональных и местных идентификаций обсуждаются исследователями и рассматриваются как затрудняющие становление общегражданской идентичности в постсоветской России, как противостоящие федеральному «центру»[7]. В нашем исследовании локальная идентичность, представленная в формулировках «жители одной местности (села, города)», в сознании людей скорее отождествляется с малой родиной, соседством, землячеством, т. е. носит примордиальный характер и ближе по своему статусу к этнической (см. структуру первого фактора в российской выборке), чем к гражданской.

Таблица 6

Виды взаимосвязей между Мы-идентификациями

(по результатам факторного анализа 8 переменных, приводятся первые и вторые факторы после вращения)

РОССИЯ	**ПОЛЬША**
Фактор 1: Этнические и локальные идентичности (традиционные)	**Фактор 1: «Открытая» этническая идентичность**
Люди той же национальности 0.71	Поляки 0.74
Земляки 0.71	Все человечество 0.71
Местные традиции 0.68	Люди той же национальности 0.67
Приверженцы национальных традиций 0.48	Приверженцы национальных традиций 0.60
	Земляки 0.53
Фактор 2: «Открытые» гражданские идентичности (современные)	**Фактор 2: Ретроспективные идентичности***
Все человечество 0.78	Местные традиции 0.83
Граждане СНГ 0.73	Сторонники ПНР 0.68
Россияне 0.63	Приверженцы национальных традиций 0.60
Советский народ 0.63	
Приверженцы национальных традиций 0.48	**Высокие средние значения фактора получены для подвыборки крестьян*

Основное отличие между польской и российской моделью выявились во взаимосвязях этнических и гражданских идентификаций. В структурах факторов обнаружились два типа идентичности: открытые и закрытые. Открытый тип — случай, при котором отношение к более узкому сообществу не препятствует включению в более широкое — вплоть до «всего человечества». В России такими «открытыми» идентичностями являются гражданские, включая идентичность «россияне». А этническая

и локальная идентичности ведут скорее к закрытости, замкнутости в этих сообществах. В Польше — другое: принадлежность к этническому сообществу не мешает открытости, а идентичности, связанные с прошлым (с местными и национальными традициями, с прошлым государственным устройством — ПНР), являются закрытыми.

Русские и нерусские: соотношение государственной и этнической идентификаций

Более подробно остановимся на идентификациях по этническому признаку и идентификациях с государством. Польша — моноэтничное государство, а Россия — полиэтничное, поэтому в этой части рассмотрим отдельно подвыборки россиян, относящих себя к русским и к представителям других национальностей.

Напомним, что если взять всю российскую выборку, то в Я-идентификациях принадлежность к этносу и государству распространена примерно одинаково. Разделим теперь нашу выборку на две подвыборки: тех, кто отвечая на вопрос «паспортички», отнес себя к русским, и тех, кто назвал другую национальность, и рассмотрим Я-идентификации в рамках этих подвыборок. Необходимо подчеркнуть, что подвыборка нерусских — это не население национальных республик, а тех, кто большей частью живет среди русских.

Картина по подвыборкам отличается от той, что получена в масштабах всей выборки (см. табл. 1 и 2 Приложения).

Русские чаще выбирают этническую принадлежность, в то время как люди других национальностей реже — 88% против 70%. В выборе же российского гражданства практически нет различий между русскими и другими национальностями (77 и 79%).

Различия более заметны, если смотреть на *комбинации* этнических и гражданских Я-идентификаций. Являясь одновременно и гражданами страны, и членами этнического сообщества, не все люди считают обе принадлежности важными, некоторые выбирают только национальную, другие — только гражданскую. Есть и такие, для кого эти характеристики вообще не имеют значения (см. табл. 7).

Таблица 7

Соотношение этнической и гражданской идентификаций в России и Польше

(по методике Я-идентификаций, в % от выборки)

	Одновременно выбрал и «русский (или «представитель своей национальности») / поляк», и «гражданин России / Польши»	Выбрал «русский (или «представитель своей национальности») / поляк», и НЕ выбрал «гражданин России / Польши»	Выбрал «гражданин России / Польши» и НЕ выбрал «русский (или «представитель своей национальности») / поляк»	НЕ выбрал НИ «гражданин России / Польши» и НИ «русский (или «представитель своей национальности») / поляк»
РОССИЯ Вся выборка (N=1603)	**64**	**13**	**15**	8
Подвыборка (указали, что русские, N=1385)	**73**	**15**	6	6
Подвыборка (указали, что другой национальности, N=213)	55	15	**22**	8
ПОЛЬША Вся выборка (N=1069)	62	**22**	8	8

Большинство людей и в России, и в Польше отмечают одновременно свою принадлежность и к этносу, и к государству. Но особенно характерно это для русских: российское гражданство для большей части русских является столь же распространенным выбором, сколь и этническая принадлежность. Лю-

дям других национальностей совмещение государственной и этнической идентичностей дается труднее. Среди русских таких 73%, среди других национальностей — 55% (различия значимы).

В российской выборке в целом примерно одинаково число тех, кто выбрал этническую принадлежность без гражданства или гражданство без этнической принадлежности. Однако в подвыборке русских выше доля тех, кто склонен выбирать только этническую принадлежность, чем только гражданскую (15% против 6%), а среди нерусских выше доля тех, кто выбирает только гражданскую по сравнению с теми, кто выбирает только свою этническую принадлежность (22% против 15%).

Интересно, что вопреки распространенному мнению, российское гражданство «в чистом виде» чаще выбирается представителями других национальностей, живущими среди русских. А русские чаще, чем нерусские, выбирают этническую принадлежность. В этом смысле русские более схожи с поляками, которые, однако, живут в моноэтничной стране. Скорее всего, русским легче указывать свою этническую принадлежность, а представители других национальностей менее охотно делают это в ходе опроса. Связано ли это с ростом национального самосознания русских либо российская государственная идентичность не является для части населения однозначно позитивной, а этническая когнитивно более доступна — вопросы для более глубокого анализа.

Когнитивное осознание принадлежности к сообществу и эмоциональное отношение к нему

Поводы для ощущения себя гражданами страны или представителями этноса не обязательно связаны с противостоянием «чужим», или «другим», но, прежде всего, с тем, какие конструкции и смыслы предлагают политики и масс-медиа, в какой мере общие проблемы ощущаются своими, приходится ли чувствовать и решать их сообща. Наши данные позволяют взглянуть и на такую проблему: является ли человек, заявляющий о своей собственной принадлежности этническому или государ-

ственному сообществу, эмоционально включенным в это сообщество, переживает ли близость к другим его членам?

Можно ли говорить об этнической идентичности, если этническая общность ничего не значит для человека, хотя когнитивно он определяет себя как принадлежащий к ней? Или о гражданской идентичности, если факт принадлежности к гражданскому сообществу кажется человеку несущественным? Иными словами, каково соотношение когнитивных и эмоциональных идентификаций? Анализ совмещения Я- и Мы-идентификаций иллюстрирует данную проблему. Всю выборку мы поделили на четыре группы по типу соотношения этих двух форм идентификаций.

Человека можно считать более включенным в сообщество, когда он определяет себя как принадлежащий к сообществу и одновременно считает его членов близкими себе, чувствует причастность к сообществу, сопереживает его проблемам. Условно назовем таких людей «вовлеченными в сообщество». Это наиболее сильные идентификации. Предположительно этот тип обладает сильным солидаризующим потенциалом в рамках сообщества, но и наибольшей возбуждимостью, когда речь заходит об интересах сообщества, когда можно «играть» на эмоциональной составляющей этой идентификации.

Другой тип — те, кто когнитивно заявляют о своей принадлежности, но не испытывают чувства близости к сообществу. Вряд ли можно говорить о том, что такой человек сильно обеспокоен проблемами своего сообщества, эти чувства не актуализированы. Такие идентификации менее эмоционально нагружены. В принципе это нормальное состояние людей в спокойной ситуации. Условно назовем этот тип «когнитивно осознающие принадлежность к сообществу». Предположительно они сравнительно нейтральны в отношении положения и проблем своего сообщества.

Третий тип — те, кто не говорит о своей принадлежности сообществу, но при этом испытывает чувства близости и причастности к нему, что означает, что сообщества и их проблемы для него небезразличны. Такое отношение с сообществами можно сравнить с болельщиками спортивных команд, основная роль которых в постоянном проявлении эмоциональной поддержки

команды. Условное название — «болельщики», или сочувствующие. Вероятно, этот тип содержит солидаризирующий потенциал, по крайней мере эмоциональное сопереживание и потребность в поддержке. Хотя не исключено, что такие чувства могут быть и декларативными. Тем не менее можно говорить о том, что чувства и интерес по отношению к сообществу актуализированы, их легче «подогревать», примерно как в случае с болельщиками.

И, наконец, есть и такие, кто не признают ни своей принадлежности к сообществу, ни чувств к нему — «абсентеисты».

Рассмотрим отношение этих групп к этническим и государственным сообществам в России и Польше.

Этнические сообщества. В России в целом более 60% граждан осознают свою принадлежность к таковым сообществам и связаны с ними близкими солидарными чувствами. «Вовлеченных в сообщество» больше среди русских (67%), чем среди людей других национальностей (53%)[8] (табл. 8).

В Польше, однако, где высоко значение этнической идентичности, доля «вовлеченных в национальное сообщество» ниже (около половины), чем в России. Среди поляков довольно значительна (35%) доля «когнитивно осознающих этничность», т. е. тех, которые выбирают свою индивидуальную «польскость», но не испытывают близких чувств к другим полякам. «Болельщиков» в отношении этно-национального сообщества совсем немного.

Интересно, что в подвыборке русских распределения похожи. Относительно высока доля «когнитивно осознающих свою этничность», и так же как и в Польше, мала доля «сочувствующих болельщиков».

Отношение людей других этносов к своим этническим сообществам не так очевидно. Здесь относительно высока (более 20%), в отличие от русских, доля «сочувствующих болельщиков», для которых важнее не столько собственная когнитивно определяемая этническая идентичность, сколь соучастие и поддержка своего национального сообщества. То есть люди менее охотно указывают свою собственную принадлежность на когнитивом уровне, но не могут не выразить свою эмоциональную близость со своим этническим сообществом.

Таблица 8

Типы этнической идентификации (по комбинации Я- и Мы-идентификаций)
(в % от выборки)

	I **«Вовлеченные в сообщество»** (Одновременно выбрали «я-русский (или «представитель своей национальности») /поляк», и чувствуют близость к «людям своей национальности»	II **«Когнитивно осознающие принадлежность к сообществу»** Выбрали «я-русский (или «представитель своей национальности») /поляк», и НЕ чувствуют близость к «людям своей национальности»	III **Болельщики или Сочувствующие** (Чувствуют близость к «людям своей национальности» и НЕ выбрали «я-русский (или «представитель своей национальности») / поляк»	IV **Абсентеисты** НЕ выбрали «я-русский (или «представитель своей национальности») / поляк», и НЕ чувствуют близость к «людям своей национальности»
РОССИЯ Вся выборка (N=1603)	58	19	16	7
ПОЛЬША (N=1069)	49	**35**	8	8
РОССИЯ Подвыборка тех, которые указали, что они русские, N=1385)	**67**	**22**	8	4
РОССИЯ: (Подвыборка тех, которые указали, что принадлежат другой национальности, N=213)	53	17	**22**	8

Гражданско-государственные сообщества. Традиционно в Польше государственная идентификация не имеет такой силы, как этно-национальная, и для поляков проблема гражданства не так значима, как для России. Однако и в современной России только половина населения ощущают себя «вовлеченными» гражданами страны, т. е. когда когнитивное отнесение совпадает с чувством причастности, близости с гражданско-государственным сообществом (табл. 9).

В обеих странах гражданско-государственная идентификация чаще выражена только на когнитивном уровне, нежели только на эмоциональном: для всех выборок доля «когнитивно осознающих» выше, чем «сочувствующих».

Таким образом, наиболее частый вариант — это гармоничное сочетание когнитивной и эмоциональной компоненты и в гражданско-государственной, и в этнической идентификациях.

В тех же случаях, *когда когнитивная и эмоциональная идентичности автономны,* для русского большинства обе идентификации — гражданско-государственная и этническая — чаще только когнитивны, чем только эмоциональны (см.: строки 2 и 3 в табл. 8 и 9). А для представителей других национальностей, проживающих среди русских, гражданская идентификация чаще только когнитивна, а этническая — только эмоциональна (ср.: строку 4 в табл. 8 и 9). То есть нерусские воспринимают свою гражданскую принадлежность разумом, а этническую скорее чувствами. Среди них больше тех, для кого связь и поддержка национальных общностей и сетей важнее, чьи этнические чувства более выражены. Для русских же эмоциональная компонента обеих идентификаций ослаблена, и свою «российскость», и свою «русскость» он воспринимают в основном «умом». В этом смысле имеется сходство между русским этническим большинством в России и поляками, которые также в большей степени когнитивно, чем эмоционально, воспринимают свои и гражданство, и этнос.

На протяжении истории России и Польши идеи этноса и государства формировались в этих странах по-разному. Чувство принадлежности к сообществу государственному и со-

Таблица 9

Типы гражданской идентификации (по комбинациям Я- и Мы-идентификаций)
(в % от выборки)

	I **«Вовлеченные в сообщество»** (Одновременно выбрали «я-гражданин России/Польши», и чувствуют близость к «россиянам/гражданам Польши»	II **«Когнитивно осознающие принадлежность к сообществу»** Выбрали «я-гражданин России/Польши», и НЕ чувствуют близость к «россиянам/гражданам Польши»	III **Болельщики или Сочувствующие** (Чувствуют близость к «россиянам/гражданам Польши» и НЕ выбрали «я-гражданин России/Польши»	IV **Абсентеисты** НЕ выбрали «я-гражданин России/Польши», и НЕ чувствуют близость к «россиянам/гражданам Польши»
РОССИЯ Вся выборка (N=1603)	51	29	12	8
ПОЛЬША (N=1069)	42	29	15	15
РОССИЯ (Подвыборка тех, кто указали, что русские, N=1385) 51	28	13	8	
РОССИЯ: (Подвыборка кто указал, что другой национальности, N=213) 48	29	11	12	

обществу этническому в России и Польше рождалось в разных условиях, след тех давних событий присутствует и в наши дни.

В Польше традиции и наследие XIX и XX в. проявляются в сплаве этнической общности с общностью вероисповедания. В XIX в., важном периоде для формирования современных европейских наций, здесь не было самостоятельного государства. Национальную территорию приходилось постоянно отвоевывать у соседних империй. Поэтому исторически идея этно-национальной общности главенствовала в Польше, где, в отличие от России и Западной Европы, не государство и власть, а национальная элита и церковь формировали чувство принадлежности к особому народному сообществу.

В России картина в принципе другая. В Российской империи государство всегда стремилось превалировать над этносом. Государство вторгалось в религию, принуждало к обязательной военной службе, контролировало систему воспитания и образования. Такие действия принесли плоды: у большинства жителей понятия страны, отчизны, великого государства и святой земли всего народа слились воедино. В Советском Союзе линия имперского сплочения была продолжена.

Серьезным вызовом для россиян стали события последних лет, в ходе глубоких трансформаций их представления об этнических и государственных общностях менялись, приобретали иные смыслы. В России прежде всего изменилось само государственное сообщество. Сложность самоопределения вызвана многими факторами. Один из них — болезненный процесс смены советской на общероссийскую гражданскую идентичность прежде всего для поколений, социализированных в Советском Союзе.

Здесь можно выделить по крайне мере два аспекта. Первый. Этническое самосознание может стать конкурентом государственной и общегражданской идентичности.

Когда мы говорим об общегражданской идентичности, то имеем в виду не только принадлежность к определенному государству, но, прежде всего, доверие и комфорт граждан, живущих в пределах одного государства, выполнение взаимных обязательств.

Отношение к такому сообществу, как «россияне», можно рассматривать как гражданскую идентичность, прежде всего потому, что эта более широкая общность и в многонациональном государстве позволяет подняться над узко-этническими интересами. Известно, что в начале периода постсоветских реформ само название «россияне» казалось мало приемлемым как для правящих элит национальных республик Российской Федерации, для которых принцип права наций на самоопределение служил мощным орудием в борьбе за власть и ресурсы, так и для русских этнонационалистов, опасающихся растворения русского ядра в сверхэтнической общности[9]. Тем не менее, как показывают данные, эта идентификация принимается большинством населения, особенно на когнитивном уровне (методика Я-идентиифкации), и на протяжении 90-х годов становится все более распространенной (методика Мы-идентиифкации).

Многие наблюдатели считают, что для русских идея государства важнее этноса, и что идентичность в России было скорее принято связывать с государством, нежели с этносом, особенно в Советское время. Согласно точке зрения П. Кольсто, Советский Союз был надэтническим государством, как и дореволюционная Россия была державой надэтнической, «сверхнацией, ядро которой составлял русский этнос, а верхушка обладала державным, имперским, но не национальным самосознанием»[10]. Советская власть также пыталась сконструировать новую историческую общность «советский народ», которая, по сути, была тоже надэтнической. Ни то ни другое не может быть названо этнической идентификацией. Соответственно и этнической идентичности русские практически не испытывали. Ссылаясь на данные опросов 70-х — начала 80-х годов, Пол Кольсто отмечает, что в то время как 80% граждан других национальностей связывали свою родину с национальной республикой, 70% русских заявляли, что их родина — Советский Союз[11].

По мнению Ю. Левады, категория «советский народ» более вместительна и многоаспектна, это суперэтническая категория была видоизмененной или превращенной формой, синтезирующей идею государственности и этно-национальной идентичности («семья народов»)[12]. Она подавляла и заменяла

в прошлом остальные социогрупповые идентичности, прежде всего этнические.

В связи с этим возрождение этнического самосознания русских после распада СССР и его конкуренцию с общегражданским рассматривают как естественный процесс .

Другой аспект сложного процесса формирования общегражданской идентичности — идентификация с «Великой державой». После распада СССР даже многие антикоммунистически настроенные люди, с радостью встретившие избавление от власти КПСС, сожалели о крахе державы, которая ассоциировалась не столько с социальным строем, сколько с величием страны. Поэтому бóльшая по сравнению с Польшей важность государственной общности заметна и в частоте выбора идентификации, показывающей горечь от распада «советской империи», ностальгию по «Великой державе» и «советскому народу». Драматизм утраты великого государства и не соответствующий ему образ нынешней России также объясняют трудности становления новой гражданской идентификации и причины живучести (особенно среди старшего поколения) идентификации с «советским народом» (см. табл. 3).

Идея сильного государства оказалась существенно подорванной. Более того, современное российское государство вообще мало стимулирует людей к осознанию себя его гражданами. Критическое отношение россиян к своему нынешнему государству и его структурам установлено множеством исследований, недоверие к государственным институтам достигает невероятных размеров. Выражается это во взаимной «безответственности»: государство не несет ответственности за своих граждан и за то, что с ними происходит, поэтому и граждане не несут ответственности за свою страну.

Тем не менее *наши данные позволяют сделать несколько позитивных выводов*. Позитивным фактом является то, что общегражданская идентичность «россияне» принимается населением страны и широко распространена.

Для большей части населения гражданская и этническая идентичности одновременно приемлемы. Есть те, для кого важнее гражданская идентичность, причем именно гражданские идентификации в России являются наиболее «открытыми», позволяющими включаться и в более широкие сообщества, вплоть до граждан мира. Одновременно есть и тенденция усиления этнической и локальной идентичностей, которые ведут скорее к закрытости, замкнутости в этнических и местных сообществах.

Русский этнос с точки зрения идентичности чувствует себя относительно комфортно, так же как польский в Польше. Но в сравнении с поляками россияне независимо от своей национальности сильнее привержены гражданско-государственной идентификации. Этот факт, возможно, есть продолжение традиции, сохраняющейся с советских времен. Россия, будучи преемницей Советского Союза, идеалами гражданского проекта которого восхищались западные мыслители[13], в определенном смысле имеет более модернизированную по сравнению с Польшей структуру идентификаций, а россияне имеют все предпосылки идти по пути современной общегражданской идентичности.

Однако вместе с тем в России есть опасность замыкания в этническом или местном сообществе. Чувства причастности к этническим и локальным сообществам, как показало наше исследование, у части населения сосуществуют с общегражданской российской идентичностью. Элиты не смогли предложить цивилизованную общегражданскую программу, заменяя ее популистскими призывами, что способствует скорее росту экстремистских настроений, особенно на основе этнически окрашенного патриотизма, ведущего в многонациональном государстве скорее к дезинтеграции, чем к интеграции, и препятствующего притоку необходимых для развития экономики страны мигрантов. Попытки возродить идею великодержавной составляющей общероссийской идентичности, которая была взята на вооружение новым руководством страны, также таят в себе много опасностей. У россиян существует потребность в общегражданской идентичности, основанной на доверии граждан и государства, а стратегию ее формирования власть и элиты пока не предлагают.

В Польше же картина принципиально иная. Польская модель не слишком сильно изменилась по сравнению с моделью национального государства XIX в., сохранив традиционные ценности и идентичности. По образному выражению наших польских коллег, россияне от уваровской триады в свое время

ушли, а поляки к ней, наоборот, приходят[14]. Этническая идентичность поляка на протяжении веков выполняет роль интегрирующей силы. И социалистическое прошлое не вытеснило эту традицию и не изменило идентичность поляка. Но дело не только в истории и традиции, но и в стимулирующей роли элит и гражданского проекта, направленного на объединение с Евросоюзом. В сознании поляков сильны не только этнические, религиозные идентификации, но и гражданские. Эта структура идентификации воплощает идею национального государства, усиленного вызовом в виде объединения с Европой, но и одновременно *открытого* внешнему миру и объединению с другими странами. То же, по-видимому, и в других бывших социалистических странах Центральной и Восточной Европы и Балтии. Возможно, поэтому восточноевропейским странам, вдохновленным идеей возрождения своих национальных государств, было легче перейти на «новые рельсы» и при этом воссоединиться с Европой. В России же постсоветские трансформации, отягощенные трудностями становления новой общегражданской идентичности, носят более болезненные формы и имеют характер маятниковых движений.

---

[1] См. напр.: Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. Т. И.Заславской. М.: МВШСЭН, 2003.

[2] Однако если взять подвыборку русских (т. е. тех, кто называет себя русскими), то по распространенности этническая опережает государственную (См. табл. Приложения).

[3] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. В. Г. Николаева. Под. ред. С. П. Баньковской. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.

[4] По данным мониторинга, россияне на протяжении 1990-х годов выбирают в качестве близких им групп семью, друзей, сверстников-людей одного поколения, коллег по работе, земляков. Первичные группы образуют устойчивый базовый комплекс коллективных идентификаций. Ориентация на семейные и дружественные связи преобладает и в других странах восточноевропейского региона. Так, например, в исследовании эстонских коллег также выявилось, что большинство эстонцев во многом отождествляют себя с первичным группами. Причем это не только семья и родственники, но и друзья, коллеги, люди, разделяющие общие ценности (Т. Вихалемм. По результатам сравнительного эстонско-шведского исследования 2002 года). И восточные немцы отличаются от западных большим весом первичных групп в своих идентификациях (К. Косэла. По результатам сравнительного исследования молодых немцев и поляков 2001 года).

[5] Следует, правда, иметь в виду, что у поляков, в сравнении с русскими, «этнос» ближе к «нации» в ее гражданском понимании.

[6] В 2002 г. 63% населения считали, что «России нужно следовать не чужим образцам, а собственным традициям и особенностям». См.: Общественное мнение-2002. По материалам 1989–2002 гг. М.: ВЦИОМ. 2002. С. 155–157. См. также анализ этой проблемы в кн.: *Вишневский А. Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

[7] См., напр.: Центр и региональные идентичности в России / Под. ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. СПб.; М.: Изд-во Европейского университета в СПб.; Летний сад, 2003.

[8] Важно иметь в виду, что здесь мы рассматриваем не население национальных республик, а тех, кто попал в общероссийскую выборку, т. е., тех, кто большей частью живет среди русских.

[9] *Kolsto P.* Political construction Sites: National building in Russia and the Post-Soviet States / Trans. from Norvegian. Boulder, Colorado; Oxford, UK:Westview Press, 2000. P. 213.

[10] Ibid. P. 214.

[11] Ibid. P. 198.

[12] *Левада Ю. А.* Возвращаясь к феномену «человека советского»: проблемы методологии анализа // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения.1995. № 6. С. 14–18.

[13] Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хорх и др. М.: Праксис, 2002. С. 12.

[14] См. раздел 3-2.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Распространенность Я-идентификаций в подвыборках русских и нерусских
(% в подвыборках)

Идентификации	Подвыборка тех, кто указали, что они русские (N=1385)	Подвыборка тех, кто указал, что принаждежит к другой национальности (N=213)
Я — представитель своей национальности	x	70,4
Русский 88,0	x	
Гражданин России	79,6	77,0
Житель своей местности	65,4	62,9
Советский человек	44,3	40,8
Гражданин Великой державы	28,9	23,5
Гражданин страны, которая перестала быть Великой державой	34,7	35,2
Европеец	24,3	23,9
Верующий	46,4	52,6
Сторонник православной церкви	40,8	24,4
Славянин	39,2	17,8
Приверженец русской национальной идеи	18,0	7,7

Таблица 2

Распространенность Мы-идентификаций в подвыборках русских и нерусских
(% в подвыборках, по ответам «часто»)

Идентификации	Подвыборка тех, кто указали, что они русские, N=1385)	Подвыборка тех, кто указал, что принаждежит к другой национальности (N=213)
С людьми той же национальности	74,3	74,6
С земляками (теми, кто живет в нашем городе, поселке)	71,4	74,6
С россиянами	63,8	59,6
С теми, кто уважает местные традиции	59,0	66,2
С приверженцами русских народных традиций	53,9	43,2
С общностью «Советский народ»	38,2	39,9
С гражданами СНГ	33,4	39,4

3-2. Триада Уварова по-польски: Католицизм. Государство. Нация

К. Косэла

Повышенная важность национальной идентификации

Современное польское общество слишком этнически однородно, чтобы можно было проверить идентификационные отличия польского и непольского населения страны[1]. Самое большее можно сравнивать только людей, продекларировавших национальную идентификацию, с теми, кто не посчитал ее важной. В современной России, где русские составляют свыше восьмидесяти процентов (83%) всего населения, все-таки сохраняются условия, благоприятствующие более частому выдвижению некоторых иных самоидентификаций кроме принадлежности к «российскому народу»[2]. Это самоутверждение польской принадлежности связано с сильнейшей гражданско-державной гордостью, укорененностью в вероисповедной традиции и привязанностью к «малой родине», т. е. к своему региону и местному сообществу[3]. Несмотря на все зигзаги и повороты истории, в ответах можно усмотреть совместное проявление и связь трех сообществ — государственного, вероисповедного и местного. Для поляков большее значение национальной идентификации видно из более высокого, чем в России, места национальной идентичности на шкалах распространенности и важности[4]. В Польше национальная идентификация более распространена и стоит на первом месте в иерархии личностной важности. Вдобавок в Польше в значительно большей степени, чем в России, указание национальной идентификации является знаком хорошей социальной укорененности индивида. Оказывается, что в России индивиды, подчеркивающие собственную национальную самоидентификацию (т. е. заявляющие: «Для меня важно, что я россиянин»), не так сильно отличаются от остальных людей с точки зрения количества заявленных идентификаций, как это имеет место в Польше. В польском обществе лица, которые не заявили национальные идентификации (т. е. не подчеркнули важности для себя того, что «…я поляк / полька»), указывали существенно меньше других социальных идентификаций. Уменьшение числа идентификаций, составляющих социальную идентичность человека, свидетельствует о меньшей глубине его социализации, о том, что он находится как бы на периферии общества, не вполне живет его делами, не чувствует принадлежности к его группам и сообществам, чуждается общественной жизни. Все это можно считать признаком «социального недоразвития». В России такое недоразвитие, вытекающее из отсутствия подтверждения национальной принадлежности, признания этой принадлежности важной самохарактеристикой, выражено решительно слабее, чем в Польше[5].

Национальное сообщество — это сообщество, которое делит мир на своих и чужих, на тех, перед которыми мы имеем некоторые моральные обязательства (соплеменников), и тех, с кем нас связывают уже только интересы (например заграничных партнеров). И вот оказывается, что деление ближних на своих и чужих, обозначенное национальной самоидентификацией, менее выражено в России по сравнению с Польшей. В России весомее кажется славянская общность и память о недалеком в прошлом и неисключаемом в будущем общем гражданстве с населением стран СНГ. В Польше слабее и менее охотно, чем в России, чувство близости распространяется на другие сообщества, более обширные, чем собственная этническая группа, например на ту же славянскую общность. Тем большее значение приобретает национальное сообщество.

Воображаемые сообщества

Отличительные места национальной, государственной и вероисповедной идентификаций в порядке, созданном с точки зрения личной важности самоидентификаций, не дают информации о том, преобладают ли в отношениях между этими сооб-

ществами гармония и взаимоподдержка или соперничество и взаимоотрицание. В известном смысле это заглядывание в «социальную душу людей», наши данные лишь агрегируют их совокупность в целом, состоящую из индивидов. Можно вообразить общество, поделенное на три «племени»: «государственников», «националистов» и «верующих», где каждое племя демонстрирует преданность только одному сообществу. Если члены этих племен будут последовательными в своих идентификациях, мы увидим, что нация, государство и религия создают важные сообщества. Как узнать, соперничают или мирно сосуществуют эти сообщества?

В польском случае это легко показать, проверив на совместимость идентификации отдельных людей. Но принимать во внимание надо не распределения, а корреляции идентификаций. Тогда мы увидим, что три эти сообщества накладываются друг на друга не только в обществе, но и в его отдельных индивидах. Анализ эмпирических данных показывает силу связей, существующих в триаде государственного гражданства, национальной принадлежности и религии.

Может показаться сомнительным сведение проблемы сосуществования названных сообществ к уровню человеческих чувств и обязательств вместо анализа институтов и образцов поведения.

Выбор индивидуалистично-субъективного подхода можно обосновать. Факт, что в социальных идентичностях, понимаемых как определенная композиция социальных идентификаций, важное место одновременно занимают национальные, государственные и вероисповедные идентификации, не случаен, но есть следствие исторического и институционального контекста. Общества вынашивают и развивают идентичности, подходящие к требованиям своего сохранения и развития, и социальные институты, дабы работать, должны иметь корни, иметь отображения в субъективных идентичностях. Это один из тезисов, постоянно повторяемых социологами.

Триада Уварова

Взаимоналожение и взаимоусиление трех выделенных нами сообществ-общностей имело своих теоретиков. Теоретики устроения гармоничного лада в обществе могут оспаривать либо обосновывать существующий порядок, немногие из них имели возможность воплощать свои помыслы. Тем временем сообщества взаимопересекаются и подкрепляют друг друга помимо теоретических обоснований и наряду с ними.

У россиян в их «национальных идеях», как правило, сильно чувствовалась связь национальных, вероисповедных и политических проявлений общности. Связь эта сложилась в XIX в. в споре с либеральным идеалом государства и гражданского общества. Интересно то, что как в России, так и в Польше, несмотря на все перипетии XX столетия, и дальше можно наблюдать национальные идентификации в сплаве с государственными и вероисповедными. В России от выступления С. С. Уварова[6] в 1843 г.[7] вплоть до падения монархии пользовались, развивая национальную идею, трехчленной формулой: Православие, Самодержавие, Народность.

В Польше связка «поляк — католик» и длившиеся два последних столетия коллективные усилия по достижению и сохранению независимости объединяют народ, государство и религию в аналогичную российской триаду элементов. Содержание, определяемое как российская национальная идея в XIX в., не было либеральным: «Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Наравне с двумя национальными принципами [самодержавием и православием] существует и третий, не менее важный, не менее сильный: народность», — утверждал Уваров в достопамятном выступлении. И даже через много лет имеют значение усилия, вкладываемые в истолкование членов триады. На месте державности (государственности) может стоять самодержавие, в другое время — система, основанная на согласованных решениях. На месте религии мыслимы Православие или религиозно окрашенная духовность; одно время может быть важен религиозный институт, в другое — чувство, отношение к Богу. Каждая новая подстановка в формулу расширяла поле интерпретаций. Из одних ее только эле-

ментов можно создать 3^3 идеологических проектов, разнящихся степенью демократизма и формализации отношений в государстве. Следовательно, каждое из рассматриваемых понятий достаточно расплывчато и допускает несколько толкований смысла.

Сопоставление толкований элементов триады Уварова

Религия	Государство	Народ
Духовность	Державность	Соборность
Православие	Самодержавие	Народность
Церковь	Государство	Отечество

Элементы триады взаимно объясняются, корригируются и конкретизируются. Их простое перечисление не передает сложности «русской национальной идеи»[8]. Ни один член триады нельзя понять без двух остальных.

Ход мысли политических руководителей страны можно описать следующим образом: самодержец должен быть православным и национально ориентированным государем. Власть должна смотреть на свое призвание и задачи как на дело Божие, дабы народ принял власть как благословенный Господом богатырский труд государственной службы. И как носитель высшей власти в христианском государстве самодержец не подлежит никаким ограничениям, кроме укорененных в жизни народа, иначе говоря, народных обычаев.

Вероисповедное сообщество имеет похожие ограничения и связи: Православие должно быть русским, а не византийским, греческим или грузинским. Ясно и то, что оно должно быть не узко церковным учением клира, а народной верой. Связь Православия и *народности* заключена в понятии *соборности*. «Соборность» это принцип жизни Церкви, распространенный на мирян, на «Землю».

Национальное сообщество тоже оказывается в объятиях двух остальных сообществ: нация должна быть православным народом, поддерживающим своего царя. Народ стремится строить свою земную жизнь в согласии с божественным правом. Народ, добровольно принимая заповеди Евангелия, увенчивает свой государственный корабль фигурой помазанника Божьего — русского православного царя.

Каждый из элементов соотносится с остальными членами триады. Религия является и народной и государственной. Народ есть защитник Православия, той духовной силы, которая охраняет его и поддерживает самодержавную власть. В то же время каждый элемент триады соответствует какой-то общности (политической, вероисповедной, национальной). Обоснованию необходимости совместного проявления этих общностей трудно сопротивляться, если аргументацию излагал мыслитель, а не полицейский. Очевидно, создание на основе триады программы и набора принципов гражданского общества должно возмутить либерала. Такой узел не оставляет места гражданской свободе, рациональности, демократическому равенству. Для либерала это образец негативного социального порядка и согласия — не так должно быть организовано политическое сообщество при либеральной демократии. Пропасть разделяет позицию либералов, хлопочущих о равенстве, рациональности и автономии выбора для членов политического сообщества, и принципы, впервые изложенные министром царя Николая I. За каждым случаем стоят представления политического сообщества о принципах хорошего управления в государстве.

В Польше трудно найти простой эквивалент русской национальной идее. Иначе, чем в Империи, рефлексия о месте польского народа в мире ставила перед ним неотложные цели: обретение национального государства, обеспечение ему безопасности путем членства в подходящем военном союзе, быстрое цивилизационное продвижение. В писаниях на тему судьбы и назначения польского народа не появилось туго завязанного узла фундаментальных принципов, аналогичного триаде Уварова. Польские «Бог, Честь, Отчизна» функционируют в урезанной, светской версии исключительно как девиз войска польского. К тому же «честь» после Второй мировой войны слегка отдает фашизмом. Польская триада не имела претензий описывать государственный строй и основополагающие ценности общества, организованного этим государством.

Голос народа, национального сообщества, по природе своей лишенного четкого руководства, не считается с дискус-

сией, отводящей определенное место каждому из трех обсуждаемых сообществ. Неопределенная мистическая природа народа создает поле для соперничества разных сил. Кто будет говорить от его имени: пророк, публицист, политик или духовный пастырь? Желающих много, но отсутствуют какие-либо механизмы выявления и подтверждения руководства. Поэтому проект, стремящийся определить взаимные отношения трех сообществ и отталкивающийся от вероисповедного сообщества, был бы достоин реализации. Требует внимания результат исторических процессов, решение вопроса: то ли политическое, национальное и вероисповедное сообщества сосуществуют на равных в головах всех членов общества, то ли в России и в Польше, возможно, бок о бок живут три племени людей: националисты, государственники и приверженцы определенной религии.

Корреляции

Триада Уварова существовала в совершенно особом укладе отношений между государственными и церковными институтами, внушаемая в школе, в армии — везде, где только удавалось и было возможно. Прилагались большие усилия на государственном уровне, чтобы триада имела соответственное психическое подкрепление в системе гражданских обязательств жителей царской империи. Под конец XX столетия удалось изучить, в каком состоянии находится психическое представление связи трех сообществ как в России, так и в Польше. В ответах жителей России и Польши читаются следы длящегося уже десятилетия социального эксперимента и проводимой сверху модернизации. В обеих странах прочность соединения членов триады и трех сообществ (государственного, национального и вероисповедного) подверглась тяжким испытаниям. Исследование 1998 г. позволило увидеть, что же осталось, несмотря на исторические испытания. Картина сложилась столь же ясная, сколь и парадоксальная.

В стране, которая 160 лет назад основой своей национальной идеи сделала связь народности, религии и государственности, сохранилась только связь национальной и государственной идентичностей. Вероисповедание, понимаемое как самоидентификация с сообществом людей верующих, выпало из исторической триады. Испытание временем выдержала лишь связь номинальной церковной идентификации с национальной и государственной, хотя корреляция тут очень слабая. Не удивительно парное выступление государственной и национальной идентификаций, зато отсутствие в спайке третьего, религиозного звена показывает, как успешно большевистские лидеры и советские комиссары расправились с этой опорой монаршего трона. Для внешнего наблюдателя выпадение из триады идентификации с сообществом верующих является подтверждением ранее высказанных прогнозов. Больше всего удивляет, что несмотря на все усилия по профанации религии, существует какая-то связь государственной и национальной идентификаций с относительно нечастой самоидентификацией с православной церковью.

Таблица 1

Корреляции идентификаций в рамках триады «религия, национальность, государство».
Россия, вся выборка
(коэффициенты фи-корреляции)

Я	Русский	Гражданин России
Русский	–	0,164
Верующий	0,036 несущественная	0,061
Сторонник православной церкви	0,182	0,186

Между тем в Польше, которая не имела своего Уварова, вероисповедная государственная и национальная лояльности выступали под конец XX столетия весьма дружной тройкой (демонстрируя сильные корреляции).

Все корреляции между указанными идентификациями слабее в России по сравнению с Польшей. Это значит, что в Польше

Таблица 2

Корреляции идентификаций в рамках триады «религия, национальность, гражданство государства».
Польша, вся выборка
(коэффициенты фи-корреляции)

Я	Поляк	Гражданин Польши
Поляк	–	0,330
Верующий	0,291 несущественная	0,286
Человек католических ценностей	0,183	0,284

на основании знания о заявленной самоидентификации с одним сообществом можно более уверенно предсказать появление и двух остальных деклараций. В Польше эти идентификации связаны значительно теснее, в России их связь достаточно свободная. Самая сильная связь соединяет национальную идентификацию с государственной (коэфф. 0,330). Обращение к геометрии поможет представить характер зависимости, существующей в Польше. Если корреляции идентификаций представлять графически, то следовало бы нарисовать равнобедренный треугольник. Его самая короткая сторона-основание соответствовала бы наибольшей корреляции между идентификациями национальной и государственной. Две более длинные равные стороны соответствовали бы менее тесной и почти одинаковой силе связи этих идентификаций с религиозной идентификацией (коэфф. 0,284; 0,286), т. е. с сообществом людей верующих. Житель Польши, декларирующий идентификацию с сообществом верующих, с одинаковой вероятностью продекларирует идентификацию и с польским народом, и с гражданами польского государства (табл. 2).

В таблице 2 привлекает внимание результат, который было трудно предвидеть. Там очевидна более сильная корреляция между идентификацией с сообществом верующих и национальной идентификацией, нежели между идентификацией с католической церковью и национальностью (0,291 и 0,183). Вопреки ожиданиям, утверждение собственной «польскости» сильнее связывается с подчеркиванием значения веры как таковой (0,291), чем с подчеркиванием своей «католичности» (0,183)! Подтверждение собственной польскости больше тяготеет к самоотождествлению со всем «Божьим людом», нежели к подтверждению связи с членами католической церкви. Национальная идентификация поляков больше направляет мысль к небу, чем в сторону Ватикана. Эта выявленная статистическая закономерность требует объяснения.

Сопоставление с Россией делает еще более наглядным интригующий характер этой закономерности. В России с государственной и национальной идентификациями ассоциируется институциональная идентификация с вероисповеданием. В Польше с национальной идентификацией сильнее связана общая религиозная идентификация («Для меня важно, что я человек верующий»), слабее — идентификация «церковной принадлежности». Все это можно свести к двум связкам, из которых более сильная: поляк — человек верующий, более слабая: русский — человек православный. За каждой из этих связок стоят раздумья и историческая память людей.

Интеллигенция в объятиях трех сообществ

Тугой узел, завязанный переплетением государственного сообщества с национальным и вероисповедным, а также слиянием их норм противоречит постулатам политического либерализма. Поющие в унисон государственное, национальное и вероисповедное сообщества угрожали бы свободе и рациональности обывателей. Такие условия быстро привели бы к притеснениям со стороны религиозного государства и постепенному поглощению общества государством. Если в силу исторических причин в той или иной мере сформировался общественный уклад, в котором эти сообщества накладываются друг на друга и взаимно поддерживаются, то тем важнее задача воспитания граждан, способных к независимости. Либерал, наверное, подпишется под постулатом воспитания гражданина-демократа, ко-

торый обладает способностью дистанцироваться от массового сообщества и не подчиняться всецело его велениям и наказам. Иными словами, если уж человек в наше время остается в неполитических сообществах, то пусть, по крайней мере, умеет дистанцироваться от их традиций и требований. В отношении универсальной полезности рецепта «гражданина, вырванного из тисков сообществ», я выразил бы некоторые сомнения и с оговорками принял бы, что он целиком принадлежит традиции либерального интеллектуализма. Тезис, что к этой традиции можно присоединить идеи устранения неполитических сообществ в целях смягчения напряжений между культурным плюрализмом и сплоченностью гражданского общества, я признал бы необоснованным; возможно, он будет оправдан в отдаленном будущем, но не реальными действиями современного либерального государства. Сегодняшние демократии не борются с неполитическими сообществами. Путь воспитания и образования, путь повышения сознательности я приветствовал бы как наилучший способ защиты граждан от непомерной подчиненности сообществам.

Подходящий способ уяснить способность жителей России и Польши к дистанцированию от рассматриваемых сообществ — связать эту характеристику с уровнем образования. С лучшим интеллектуальным снаряжением можно связать повышенную чувствительность индивидов к стеснению личной свободы действующими сообществами, а также и сохранение потенциально большей дистанции в отношении целенаправленного связывания политических, национальных и вероисповедных идентификаций программами, навязываемыми под маркой «национальных идей». Отсюда возникает сильное желание узнать, как в сознании интеллигента сосуществуют три идентификации из триады Уварова. Известные слова Иисуса Христа «...истина сделает вас свободными...» мы обратим в вопрос: «Освободил ли их [интеллигентов] свет просвещения?»

Наше исследование проводилось в 1998 г. По меньшей мере уже 10 лет можно было свободно спорить о русской национальной идее и о направлении, в котором должно изменяться общество Польши. В обеих странах тон таких дискуссий задавала интеллигенция. Представители этих слоев уверяли остальной

народ, что у него есть миссия, особое призвание и выдающиеся ресурсы. В России XIX в. интеллигенты спорили о месте этой страны в мире, делясь на западников и славянофилов. В Польше они проповедовали, каким должен быть народ, каким государство, какой — вера. После десятилетий, когда свобода обсуждения национальной идеи была ограничена, появилась возможность проверки того, что уцелело из постулированной некогда связки трех идентификаций в обществе как в целом и в одной из его подгрупп (вопрос: Как выглядят теперь самоидентификации интеллигентов?).

Советская интеллигенция необычайно охотно дистанцировалась от воспетых в триаде сообществ. Каждому из трех элементов она противопоставила нечто иное, например, Православию — атеизм. Усилия по очищению общества от всех других сообществ кроме политического оказались более последовательными в государствах, имеющих опыт тоталитарного правления, чем в государствах авторитарных, не говоря уж о демократических, и более последовательными в России по сравнению с Польшей. Для подтверждения этого посмотрим, чего больше в самоидентификациях теперешних российских интеллигентов: воззрений министра Уварова или его либеральных оппонентов.

Каждый результат анализа будет открытием, ибо раньше таких тестов не было. Новой информацией окажется даже основанное на данных исследования утверждение, что сравнение ответов лиц, подчеркивающих в России свою принадлежность к группе интеллигенции, с результатами всех остальных жителей страны не вносит ничего нового. Это означает, что жители, идентифицирующие себя с интеллигенцией, не отличаются от остальных соотечественников по взгляду на связь государственной, национальной и вероисповедной идентификаций. То есть система социальных лояльностей ближе к либеральному идеалу, нежели к давно отзвучавшей концепции министра Уварова.

В российской выборке в целом видна связь церковно-институциональной идентификации с государственной и национальной (коэфф. 0,182; 0,186). То же явление с незначительным усилением можно наблюдать в группе лиц, идентифицирующих себя с интеллигенцией (коэфф. 0,176; 0,225). Самоидентифика-

Таблица 3

Корреляции идентификаций в рамках триады «религия, национальность, государственное гражданство» в России по всей выборке и по группе интеллигенции, 1998
(коэффициент фи-корреляции)

Идентификации	**Выборка в целом**	
	Я — русский	Я — гражданин России
Я — верующий	0,036 несущественная	0,061
Я — сторонник православной церкви	0,182	0,186
Я — русский		0,164
Идентификации	**Представители интеллигенции**	
	Я — русский	Я — гражданин России
Я — верующий	0,013 несущественная	–0,006 несущественная
Я — сторонник православной церкви	0,176	0,225
Я — русский		0,164

ция (с интеллигенцией) не вносит ничего нового в достаточно ясную картину. Она показывает, что в Российской Федерации государственная, русско-национальная и церковно-православная лояльности сохраняют связь, хотя и довольно свободную. Смутные остатки триады Уварова аналогично выглядят и в группе интеллигенции при сравнении с выборкой в целом. Интеллигенты чуть менее охотно, чем остальные, связывают национальную идентификацию с православной. Советский Союз в свое время освободил своих граждан из удушающих объятий трех сообществ. Самоидентификация же с группой интеллигенции не высвобождает из коллективных пут, не уничтожает ограничений, связанных с групповой принадлежностью, так как

мало что осталось для уничтожения после 74 лет абсолютного господства в стране «политического сообщества» (государства). В результате жители России свободны от традиций, норм и обычаев тех сообществ, которые потенциально связывают руки их польским соседям, ограничивая независимость выборов, затемняя рациональность мышления и действия, и могут даже угрожать правовому равенству.

Первое, что привлекает внимание в таблице 4 для Польши — это значительная разница между силой связей в группе интеллигенции и в общей выборке жителей Польши. Лица, отождествляющие себя с интеллигенцией, иначе, чем в России, отличаются от своих земляков структурой лояльностей. У интеллигенции сильнее, чем в обществе в целом, связаны национальная идентификация и идентификация с группой верующих, слабее — идентификации государственная и национальная, слабее — государственная и идентификация с группой верующих, наконец, слабее (и это очень интересно) — идентификации национальная и вероисповедно-церковная. Корреляции, более слабые в группе интеллигенции, нежели в общей популяции, свидетельствуют о том, что люди образованные менее охотно, чем малообразованные, идентифицируются с тремя сообществами одновременно. Свою лояльность и социальные обязательства они адресуют осторожно, не всем сообществам сразу. Труднее приходит к ним признание, что они одновременно суть поляки и граждане Польши. Приверженность католическим ценностям образованные охотнее связывают с декларацией своей идентификации с гражданами государства, чем с польским народом. Они по сравнению со своими хуже образованными соотечественниками отличаются повышенной способностью дистанцироваться от трех названных сообществ — национального, государственного и вероисповедного. Тем самым они приближаются (хотя не так хорошо, как россияне) к идеалу гражданина, способного освобождаться от бездумного подчинения традициям, наказам, запретам как порождений той или иной групповой принадлежности.

Более высокая, чем во взятой целиком выборке, групповая корреляция национальной идентификации с идентификацией с верующими, как ни парадоксально, тоже говорит об известном освобождении польской интеллигенции. Спросим себя,

Таблица 4

Корреляции идентификаций в Польше в рамках триады «Религия, национальность, гражданство государства»
(коэффициенты фи-корреляции в группе интеллигенции и среди остальных лиц[9]; в скобках указаны коэффициенты фи в общей выборке)

Идентификации	Пpредставители интеллигенции	
	Я поляк	Я гражданин Польши
Я верующий	0,400 (0,291)	0,233 (0,286)
Я приверженец католических ценностей	0,124 (0,183)	0,208 (0,284)
Я поляк	0,203 (0,330)	
Идентификации	**Остальные (не указавшие на идентификацию интеллигента)**	
	Я поляк	Я гражданин Польши
Я верующий	0,254 (0,291)	0,304 (0,286)
Я приверженец католических ценностей	0,198 (0,183)	0,305 (0,284)
Я поляк	0,348 (0,330)	

с какой принадлежностью ассоциируются более ощутимые обязанности: с принадлежностью к польскому народу или к совокупности граждан польского государства; с принадлежностью к Божьему люду вообще или к членам католической церкви? Среди интеллигентов выбор одного малообязывающего сообщества идет в паре с лояльностью по отношению к другому, равно маловостребованному (коэфф. phi = 0,4). Ибо с точки зрения возможностей управления, критериев членства и конкретности формальных обязанностей, сообщество «Божьего люда» не отличается от сообщества польского народа.

В Польше в группе интеллигенции заметна повышенная по сравнению с обществом в целом склонность к разложению

связок самоидентификаций, более слабая взаимозависимость в колебаниях национальной и государственной идентификаций. Интеллигент заметно реже говорит об этих идентификациях на одном дыхании. Интеллигент лучше остальных умеет отделять лояльность к национальному сообществу от лояльности к сообществу граждан своего государства. Более того, в группе интеллигенции вероисповедная идентификация гораздо тоньше дифференцирована на церковно-институциональную и чисто «религиозную». Чувствуя живую связь с сообществом людей верующих, интеллигент, если нужно, умеет дистанцироваться от сообщества членов католической церкви. Хотя все эти вещи видятся по отдельности, но необязывающая привязанность к «народности» легко уживается с туманно описываемой тягой к делам «окончательным», судьбоносным и сверхъестественным. Эта тяга, которую поэт Юлиан Тувим высмеял у предвоенного интеллигента, оказывается вдруг достоинством интеллигента конца XX в. — достоинством, конечно, только тогда, когда суждения о пороках и добродетелях выносит либерал.

Под конец слово следует предоставить Сергею Семеновичу Уварову. Появился ли он в нашей работе как маловажное украшение или же в его мыслях и устремлениях можно усмотреть более глубокое социологическое содержание? Мы многое знаем об этом человеке и его деле. Был баловнем судьбы: рожденный в 1786 г., уже в 1818 г. возвысился до поста президента Академии наук; во главе Росийской Академии наук оставался до самой кончины в 1855 г. В карьере ему помогли выгодная женитьба и личные связи. Министром народного просвещения он был с 1833 по 1849 г., и в этой роли оказался слишком либеральным во времена реакции на события так называемой Весны народов (ряда европейских революций 1848 г.). Уварова помнят прежде всего как автора «триединой формулы», которая укрепила его положение бюрократа и оправдывала в дальнейшем приклеенный к нему ярлык «реакционера». Его упрекали в том, что он, как и многие его современники, растратил и затоптал собственные ценности: будучи атеистом, делал Православие государственной религией; либерал в душе — отстаивал самодержавие как фундамент системы российского правле-

ния; любитель западной литературы, корреспондент европейских литературных салонов и знаменитостей — подданным русского царя предлагал национализм. В конце концов от всего этого осталась только красота «уваровита» — редкого минерала, названного в честь главного администратора российской науки. Стоит ли жалеть о посвящении ему этих немногих строк?

Начало памятного министерского обращения звучит как строфы торжественного манифеста: «Посреди стремительного упадка религиозных и общественных институтов в Европе, распространения разрушительных понятий, смутных событий, осаждающих нас со всех сторон, стало необходимым укрепление Отечества нашего на твердом фундаменте, каковой есть основа благосостояния, силы и жизни людей…» Патетический тон обычно украшает документы высокого начальства, но здесь за высоким стилем действительно прячется ощущение угрозы и упадка. Модернизационные перемены несут тревоги также и нашим современникам. Размышления графа Уварова не были ни сумасбродными, ни уникальными. Министра народного просвещения царя Николая I вспоминают и вызывают его дух из прошлого потому, что он был первопроходцем, был одним из первых исследователей религиозного национализма. Интерес к нему подогревают вполне современные данные о ваххабитах Нигерии, братьях-мусульманах Сирии, фундаменталистах американских, иранских, израильских, индийских и др[10]. Создается впечатление, что поле для подобных изысканий быстро растет, в разных точках земного шара появляются все новые случаи, принадлежащие к тому же самому типу явлений. Объединяет ли эти случаи постулат графа Уварова о тесной связи государственного, национального и религиозного сообществ как рецепта исправления общества? Попадает ли в тот же класс явлений ситуация в Польше?

Закономерности, обнаруженные в группе лиц, отождествляющих себя с интеллигенцией, не должны заслонять зависимости, наблюдаемой во всей совокупности польских граждан. Привлечение результатов анализа идентификаций граждан России только ярче выделяет особенности польского общества. Мы, поляки, одновременно члены общности, организованной из трех накладывающихся друг на друга сообществ: государственного,

национального и религиозного. Интеллигентов от остальных социальных групп отличает лишь то, что они несколько чаще живут в двух сообществах, а не во всех трех. Из теоретических соображений следует, что при такой структуре общества у польских граждан могут возникать проблемы с обеспечением себе того уровня свободы, равенства и рациональности, какого требует форма правления либерального политического сообщества. Оппоненты либералов из лагеря коммунитаристов стараются развеять эти опасения. Беспристрастный наблюдатель без труда определит, к каким правам и к какому видению общества взывал Гюнтер Грасс, советуя полякам: «Церкви надо указать, где ее место, где проходит граница…»[11]. Слушать ли его так, как Уварова, или же быть осмотрительнее?

В наших данных мы не находим солидного основания, чтобы в польском контексте говорить о религиозном национализме. К польскому случаю понятие «религиозного национализма» больше подходило в 1980-х годах, нежели после перелома в общественном строе. Зато в анализе ситуаций, складывающихся в разных странах света, обращение к такой интерпретации событий все чаще бывает обоснованным. Общества изменяются, и не всегда эти изменения заслуживают одобрения.

---

[1] Представители национальных меньшинств составляют в Польше столь малую часть населения, что социологи не считают нужным ставить вопросы о национальности в анкетах, рассчитанных на общепольскую выборку из жителей страны.

[2] Напомним, что вариант ответа, сформулированный в ходе социологического исследования, звучал так: «Для меня важно, что я россиянин».

[3] Исследование CBOS 1992 г. (так называемый Омнибус) проведено на общепольской адресной выборке взрослых жителей страны, N > 1000 человек. Исследование Института социологии Варшавского университета от 1995 г. имело название «Польское общество перед вызовом демократии», авторами были: М. Грабовска — руководитель, Е. Щеллава-Колбовска, К. Косэла, А. Сулэк и Т. Шавел. Осуществил это исследование CBOS на общепольской адресной выборке взрослых жителей страны в октябре 1995, N = 1585. Исследование «Social identities in transforming societies: Russia and Poland» проведено благодаря фонду «Research support scheme», который поддержал работу коллектива под руководством К. Косэлы из Института социологии Варшавского университета и группы исследователей из Ин-

ститута социологии РАН (Москва) под руководством Елены Даниловой и Владимира Ядова. В Польше сбор данных проходил в марте 1998 г. на общепольской адресной выборке взрослых жителей, N = 1107. Российское исследование проводилось в мае 1998 г. на общенациональной квотной выборке взрослых жителей, N = 1605.

[4] См. раздел 2-1-1

[5] Привлечение к анализу национальной идентичности объясняет в Польше 16,5% изменчивости числа характеристик, признаваемых лично важными (длина рядов, составленных из социальных идентификаций), тогда как в России только 9,4%.

[6] Основные элементы российской национальной идеи суть Духовность, Державность, Соборность. Принципы эти имели разнообразные истолкования-подмены. В правление Николая I они были отлиты в «триединую формулу: Православие, Самодержавие, Народность» С. С. Уваровым, главой Министерства народного просвещения, в публичном чтении по случаю десятилетия Министерства (1843). См.: *Лазарева А. Н.* Интеллигенция и религия. М.: ИФ РАН, 1996. С. 16.

[7] В «Истории России» Людвиг Базилов утверждает, что «триединую формулу» С. С. Уваров вывел еще как товарищ министра просвещения в 1832 г., а в 1843 представил ее в полном виде в очередном письменном докладе царю Николаю. См.: *Bazylow L.* Historia Rosji. Wrocław: Ossolineum, 1975. S. 288–289.

[8] Ср. *Лазарева А.* Интеллигенция и религия.

[9] Корреляции, характеризующие силу связей идентификаций в группе остальных лиц (не-интеллигенции), приведены здесь только по соображениям логической последовательности. Всю интересную информацию можно найти в этой же таблице, которая позволяет сравнить числа, касающиеся интеллигенции и выборки в целом.

[10] Общие черты явлений и процессов, происходящих в названных обществах, с обзором соответствующей литературы и обширной библиографией см.: *Friedland R.* Religious nationalism and the problem of collective representation // Annual Review of Sociology. 2001. Vol. 27. P. 125–152.

[11] «Вложить палец в рану» // Gazeta Wyborcza. 1999 9/10 X. S. 11.

3-3. Геополитическая соотнесенность как часть национальной идентичности

С. Г. Климова

Различия в оценках близости других народов у поляков и русских

Национальное самосознание не может существовать автономно, без соотнесения своей нации с другими. Образы других стран и народов как более или менее близких являются элементом так называемой «низкой» геополитики[1], включающей набор представлений о месте своей страны в мире, потенциальных союзниках и главных соперниках. Большинство населения может разделять «официальное» геополитическое видение мира, но может и не разделять его, сохраняя идеологические или примордиалистские мифы и стереотипы (например, мифы о «братьях-славянах» или «американских империалистах»).

«Низкая» геополитика и основанное на ней геополитическое видение мира — необходимый элемент национальной идентичности. У каждого народа имеется свой собственный круг стран и наций, с которыми постоянно идет сопоставление в определенном ассоциативном ряду. Национальная идентичность любого народа обязательно включает представления о соседях и вообще о зарубежных странах, из которых, в свою очередь, формируются представления о признаках, отличающих «нас» от «них», жителей других государств. В рамках каждого национального самосознания складывается своя собственная иерархия «значимых других» национально-этнических групп. Возникает вопрос: насколько неизменны представления о других странах и народах? Очевидно, что эти представления складываются не только и даже не столько под влиянием личного жизненного опыта. Личный

опыт заменяет информация, почерпнутая из СМИ, кинофильмов и произведений искусства, школьных и вузовских курсов. Представления, почерпнутые из СМИ, более изменчивы. Те или иные события, происходящие на международной арене, могут изменить представления о странах и народах: бывшие «друзья» могут оказаться в какой-то исторический момент «чужими», или даже «врагами», а бывшие «враги» — «друзьями».

Для того чтобы составить более объемное представление об идентичности русских и поляков, мы решили выяснить, как изменилось их восприятие других национальных общностей за четыре года, прошедшие со времени первого исследования. Был повторно задан вопрос: «Одни народы вызывают у нас симпатию, мы понимаем их, другие — чужды и непонятны. Что Вы думаете о перечисленных здесь народах: какие из них вам близкие, а какие — далекие?». Вопрос предполагал оценку по критерию близости (т. е. понятности и положительного отношения) 6 национальных групп: американцев, немцев, поляков (для русских), русских (для поляков), китайцев, японцев, финнов. Выбраны эти национальные группы были не только по степени предполагаемой значимости для опрашиваемых, но и по принципу контраста основного вектора «запад-восток». При этом ожидалось, что и само понятие «близкая — далекая нация», и приписывание качеств «запада» или «востока» будет носить скорее культурно-психологический, нежели географический характер.

В российской культуре ценностная проблема вектора ее развития как европейской или азиатской страны традиционна. Оппозиция западной (европейской) и восточной ориентаций сложилась в петровский и послепетровский период и не потеряла своей актуальности сегодня. Культурное самосознание определило судьбу России в антитезе как Западу, так и Востоку, противостоя им обоим, выступая как Запад для Востока и Восток для Запада. Эта амбивалентность сказывается и на обыденном сознании, затрудняя национальную самоидентификацию в кризисные периоды и стимулируя чувства особой национальной гордости в периоды, определяемые как успешные.

Обратимся к анализу динамики распределения ответов в российском и польском исследовании на вопрос степени близости перечисленных наций поляками и русскими (см. табл. 1–2).

Таблица 1

Вопрос россиянам: ***«Одни народы вызывают у нас симпатию, мы понимаем их, другие — чужды и непонятны. Что вы думаете о перечисленных здесь народах: какие из них нам близкие, а какие далекие?»***
(% от числа опрошенных по строке в соответствующем году)

Народы (Россия)	Очень близкие; скорее близкие		Не знаю		Скорее далекие; совсем далекие	
	1998	2002	1998	2002	1998	2002
Американцы	22,2	*18,1*	16,4	18,2	61,5	63,6
Немцы	22,1	**25,8**	15,7	17,0	62,2	57,0
Поляки	37,2	*31,7*	20,1	21,0	42,7	**47,1**
Финны	26,2	*23,1*	22,8	24,8	51	51,9
Китайцы	12,9	**17,4**	18,5	19,2	68,6	63,3
Японцы	11,1	13,2	17,8	19,4	71	67,2

Таблица 2

Вопрос полякам: ***«Одни народы вызывают у нас симпатию, мы понимаем их, другие — чужды и непонятны. Что вы думаете о перечисленных здесь народах: какие из них нам близкие, а какие далекие?»***
(% от числа опрошенных по строке в соответствующем году)

Народы (Польша)	Очень близкие; скорее близкие		Не знаю		Скорее далекие; совсем далекие	
	1998	2002	1998	2002	1998	2002
Американцы	45	39,4	17,3	19,0	37,5	41,5
Немцы	40,4	36,5	16,5	17,2	43,1	46,1
Русские	26,9	**33,3**	18,7	21,6	54,2	*44,7*
Финны	14,8	13,8	31,7	29,3	52,9	56,4
Китайцы	3,6	5	24,7	24,8	70,8	69,9
Японцы	8,4	6,5	23,8	23,7	67,5	69,4

Из таблицы 1 видно, что преобладающая общая и для поляков, и для россиян ориентация на западные страны в 2002 г. сохранялась. Сохранялась и большая выраженность этой ориентации у поляков. Неизменными оставались и доминирующие ориентации. Поляки у россиян были по-прежнему на первом месте по степени близости. Но психологическая дистанция от них несколько увеличилась. Четыре года назад «близкими» или «скорее близкими» называли поляков 37,2% россиян, а в 2002 г. — 31,7%. Отдалились и другие ближайшие соседи — финны. Еще дальше стали и американцы. «Ближе» стал лишь один из четырех западных народов — немцы.

Таким образом, для россиян в 2002 г. сохранялся и общий ориентированный на «запад» ценностный комплекс, и приоритет поляков в этом комплексе. Вероятно, для россиян был ценен не просто «западный образ жизни». Критерием близости является и соседство, и «общая судьба» — бывшее в прошлом общее гражданство, членство в социалистическом содружестве, общие славянские корни.

Ослабление внимания россиян к своим ближайшим соседям и больший интерес к немцам можно объяснить как ситуативными, так и долгосрочными обстоятельствами. С тех пор, как президентом России стал В. Путин, контакты с Германией и другими странами — лидерами Европейского союза стали более интенсивными. Но главное, что результатами этих контактов стали не только телевизионные картинки встреч «друга Владимира» с «другом Герхардом», но и более широкое присутствие немецкого капитала в экономике России и немецких товаров, их рекламы, более широкое культурное взаимодействие. Вероятно, все больше людей в России становятся если не участниками, то непосредственными свидетелями этого взаимодействия.

У поляков в 2002 г., как и в 1998, ценностно-культурная ориентация на Запад была выражена более явно, чем у россиян. Общие приоритеты «близости» сохранялись неизменными: на первом месте по степени близости были американцы — граждане отнюдь не граничащего с Польшей государства, а западные соседи — немцы — на втором. Восточные соседи — русские — занимали третье место по степени близости. Однако за анализируемый промежуток времени несколько увеличилась дистанция между поляками и американцами, поляками и немцами. Вместе с тем дистанция между поляками и русскими несколько сократилась. В 2002 г. поляки считали русских близкими даже несколько чаще, чем россияне — поляков, в то время как в 1998 г. такие ориентации высказывали примерно на треть меньше респондентов в Польше, чем в России.

Некоторое ослабление внимания поляков к американцам и немцам можно объяснить, вероятно, тем, что ожидания по отношению к своим западным партнерам у части граждан Польши были несколько завышенными. Когда они не оправдались, или оправдались не в полной мере, часть польского общества стала чаще смотреть на Восток, в сторону России, которая к 2002 г. стала постепенно выходить из экономического и политического кризиса, и соответственно представлять больший интерес для экономических контактов. Возможно, впрочем, в этом интересе присутствует и геополитический фактор: все западноевропейские страны стали немного «ближе» к России в последние годы, и Польша здесь просто следует общей тенденции.

Разница между русскими и поляками в отношении к японцам и китайцам в целом сохранилась. Доля русских, назвавших «близкими» китайцев и японцев, примерно в три раза превышает аналогичную долю поляков. Однако в отношении русских к своим восточным соседям за четыре года обнаруживаются некоторые перемены. Если для поляков и японцы, и китайцы сейчас практически на одинаковом психологическом расстоянии, то русские существенно чаще, чем четыре года назад, стали называть «близкими» китайцев, а японцы остались примерно на прежнем психологическом расстоянии. Но в целом восточный вектор у русских по-прежнему выражен слабее, чем западный.

Согласуются с нашими результатами данные, полученные в 1998 г. Российским Независимым институтом социальных и национальных проблем (исследование выполнено по заказу московского представительства Фонда Эберта). Они выясняли мнение россиян о том, к каким странам Россия ближе по культуре, экономике и национальному характеру. Для оценки предложены США, Франция, Германия, Китай, Япония, Индия. Использовалась одиннадцатибалльная шкала. Оказалось, что

смысловая ось «Запад-Восток» разделилась на три сопоставимых по величине фрагмента. По культуре «западный участок» имеет поддержку 49,3% россиян, евразийский — 38,1%, восточный — 12,6%. По особенностям национального характера соответственно: 33,8%, 54,6%, 11,6%. Мы видим, что по «особенностям национального характера» средний, евразийский участок выражен сильнее, чем по параметру «культура». Соотношение «западных» и «восточных» ориентаций практически такое же, как в наших данных. В целом можно сказать, что большинство россиян воспринимают свою страну как европейски-евразийскую. Азиатский компонент евразийства слаб и связан скорее с объективным фактом соседства с этими странами.

Похожие данные приводит Фонд «Общественное мнение». Отвечая на вопрос: «По своим традициям, культуре, истории Россия ближе к Европе или она ближе к Азии?», 45% респондентов сказали, что к Европе, и 16% — к Азии. Но когда вопрос ставился по-другому: «Одни говорят, что Россия соединяет в себе черты Европы и Азии. Другие говорят, что Россия — особая страна, не похожая ни на Европу, ни на Азию. С каким из двух мнений Вы согласны?», большинство респондентов (60%) заявило, что Россия — особая страна, не похожая ни на Европу, ни на Азию. Заявленная особость сосуществует с мнением, что России следует укреплять отношения и со странами Европы, и со странами Азии (74%). За дружбу только с Европой высказались 12%, только с Азией — 5%[2].

Осознавая европейскую природу своей культуры, россияне, как показывают опросы, ощущают культурную близость со странами Европы в большей степени, чем с Америкой. Только 30% респондентов согласились с тезисом о том, что «образ жизни, культура и ценности жителей Западной Европы и американцев различаются незначительно», тогда как 50% опрошенных солидаризовались с противоположным суждением: «жители Западной Европы и американцы в этом отношении различаются очень сильно». При этом респонденты решительно отдают европейцам предпочтение перед американцами (см. табл. 3).[3]

Особенно часто заявляют о большей благосклонности к обитателям Старого света, нежели к американцам, обладатели высшего образования и лица с относительно высокими доходами, иначе говоря — представители социально-демографических групп, располагающих наибольшими социальными ресурсами. Эти же группы реже, чем в среднем, высказываются в пользу американцев. В группе молодых людей несколько больше, чем в среднем, симпатий к американцам, но и здесь на первом месте — европейцы.

Таблица 3

Вопрос: ***Если говорить в целом, то к кому Вы относитесь лучше — к европейцам или к американцам?***[4]

(% от числа опрошенных в группах по столбцу)

	Все	Возраст 18–35 лет	Образование высшее	Доход на чл. семьи: свыше 1000 р.
К европейцам	51	57	61	60
К американцам	11	16	8	7
Одинаково хорошо	20	15	20	23
Одинаково плохо	5	3	4	4
Затруднялись ответить	13	9	*8*	*7*

Следует обратить внимание и на то, что респонденты вчетверо чаще говорят об «одинаково хорошем» отношении к европейцам и американцам, чем об «одинаково плохом», — уже это дает определенные основания сомневаться в адекватности популярных представлений о подъеме антизападных настроений. Если приведенные данные свидетельствуют скорее о социокультурных предпочтениях россиян, то весьма близкое к ним распределение ответов на вопрос: «Что более важно для России — развитие партнерских отношений с Евросоюзом или с США?», говорит уже о внешнеполитических ориентациях. В пользу Евросоюза высказались 46% респондентов, и только 10% — в пользу США (28% опрошенных полагают, что отношения с Евросоюзом и США одинаково важны для России)[5].

Повторное исследование 2002 г. проводилось до начала вторжения американских и союзных войск в Ирак, что стимулировало «дружбу» некоторых европейских лидеров с Россией

против США в этом вопросе. Тем не менее идеи о том, что россиянам и европейцам следовало бы объединиться, чтобы успешнее противостоять американскому диктату, в той или иной форме присутствовала в массовом сознании накануне Иракской войны и связанных с ней событий во внешней политике.

В целом данные о «близких и далеких народах», так же, как и результаты других исследований, позволяют сделать вывод о том, что образ Запада у россиян становится более дифференцированным. Образ Европы дистанцируется в массовом сознании от образа США и в известной мере защищает от эрозии «западнические» культурные установки. Благодаря этому социокультурный образец, значимый прежде всего для наиболее динамичных социальных групп российского общества, способен сохранять свою притягательность независимо от того, как воспринимаются «средним россиянином» Соединенные Штаты.

Территориальное соседство как фактор оценки народов в качестве близких или далеких

Мы предположили, что для россиян значимым фактором в оценке степени близости различных народов является территориальное соседство России и с западными, и с восточными странами. Анализ связи территориального соседства с оценкой степени близости позволяет прояснить влияние ценностно-культурного либо экономического комплекса там, где высокие (или, напротив, низкие) оценки близости нельзя объяснить только соседством. За прошедшие четыре года оценки степени близости шести обозначенных в исследовании народов существенно изменились при сохранении общей доминирующей ориентации жителей разных регионов России на ближайших соседей.

Начнем с Дальнего Востока. Ближе других (с самыми большими отклонениями от средних) для его жителей остались непосредственные соседи: японцы, китайцы и американцы (хоть и через океан, но все равно соседи) (см. табл. 4–5). Немаловажным фактором в оценке этой близости являются, конечно, контакты с японцами и китайцами, интенсивность которых нарас-

Таблица 4

Близкие народы на западе для жителей разных регионов России

(Отклонения от средних данных по России в регионе в процентных пунктах)[6]

Регионы	Отклонения от средних данных по России (запад)							
	Американцы		Немцы		Поляки		Финны	
	1998	2002	1998	2002	1998	2002	1998	2002
Дальний Восток	+10,7	+8,5	-6,8	-5,5	-2,7	-5,1	*-6,2*	-7,9
Сибирь и Кемеровская обл.	-4,3	**+0,3**	+0,5	**+6,8**	+6,3	+3,2	-0,6	-3,9
Урал и Башкирия	-0,5	**+17,1**	+1,4	**+19,8**	*-10,1*	**+17,6**	-1,8	**+13,6**
Поволжский и Волго-Вятский регион	+0,6	-1,7	-3,7	-2,1	+0,3	*-6,2*	-8,9	*-4,0*
Центральный и центрально-черноземный регион	*-6,0*	-5,7	-1,0	-7,5	+2,3	*-9,5*	+4,2	*-6,2*
Северный Кавказ и Ростовская обл.	+0,6	*-5,2*	-0,4	*-9,6*	-2,2	-0,4	-6,6	-2,5
Москва и Подмосковье	+7,3	*-5,2*	+2,1	*-8,4*	-2,5	-1,4	-0,9	-3,1
Север и Северо-Запад	-0,6	*-4,8*	-0,5	-1,4	+6,5	*-0,8*	+23,5	*+10,1*
Средние по России (%)	22,2	*18,1*	22,1	**25,8**	37,2	*31,7*	12,9	**17,4**

Таблица 5

Близкие народы на востоке для жителей разных регионов России

(Отклонения от средних данных по России в регионе в процентных пунктах)

Регионы	Отклонения от средних данных по России (восток)			
	Японцы		Китайцы	
	1998	2002	1998	2002
Дальний Восток	+13,6	+13,4	+13	+13,0
Сибирь и Кемеровская обл.	+0,4	+1,3	+5,5	+4,6
Урал и Башкирия	-0,7	**+15,5**	-3,4	**+11,4**
Поволжский и Волго-Вятский регион	-2,6	-2,8	-1,5	-6,5
Центральный и центрально–черноземный регион	-2,8	-5,7	-5	-5,4
Северный Кавказ и Ростовская обл.	+6,1	*-1,3*	+4,3	**+10,4**
Москва и Подмосковье	-1,6	*-9,4*	-2,4	-7,1
Север и Северо-запад	-2,7	-4,9	-2,7	*-6,8*
Средние по России (%)	11,1	13,2	26,2	*23,1*

тает у жителей Дальнего Востока в последние годы. Представители этих национальностей включены в обыденное повседневное общение и поэтому оцениваются как близкие. Здесь, по нашему мнению, отразилась национальная особенность русских, отмечаемая многими исследователями, — принятие в «свой круг» представителей этнически и культурно далеких народов, если они оказались в зоне повседневных контактов.

Для сибиряков и жителей Кемеровской области стали более близкими по сравнению с прошлым исследованием американцы и немцы. А для жителей Урала и Башкирии — все шесть

обозначенных в анкете народов. Почему для жителей срединных земель России вдруг стали близкими отнюдь не граничащие с ними народы, можно попробовать объяснить, если привлечь данные об общих закономерностях в динамике оценки степени близости разных народов, выявленных в прошлом исследовании. В частности, была обнаружена связь между адаптацией и переживанием снижения либо повышения собственного статуса и оценкой степени близости всех народов, но в первую очередь — западных.[7] Эти данные — косвенное свидетельство того, что в последние четыре года на Урале и в Башкирии, а также в Сибири и в Кемеровской области большая доля населения переживает восходящую мобильность, чем в других регионах России. Данные статистики по этим регионам не фиксируют существенно большего роста реальных денежных доходов населения за последние три года, так же как и существенно большего роста объемов производства. Вероятно, восходящая мобильность населения в этих регионах началась с более низкой точки и происходит в последние годы более интенсивно (в особенности в нефтедобывающих регионах). Более детальная интерпретация выявленных сдвигов требует углубленного анализа социально-экономической ситуации в регионах. В частности, не исключено, что свой вклад в большую открытость иностранцам вносит и политика региональных властей, ориентированных на контакты с зарубежными партнерами (как, например, в Свердловской области).

Жители Северного Кавказа и Ростовской области стали чувствовать себя существенно более далекими от американцев, немцев и японцев. Культурно-психологическая дистанция между жителями этих регионов и поляками, а также финнами не изменилась, но китайцы стали им ближе. Этот факт тоже нельзя объяснить в рамках нашего исследования. Возможно, здесь сыграли роль идеологические компоненты (традиционно консервативному населению этих регионов ближе госкапиталистический уклад нынешнего Китая), но, возможно, стали более интенсивными прежде редкие контакты с китайцами, приезжающими в Россию на заработки.

Жители Поволжского и Волго-Вятского регионов стали ощущать себя более далекими от поляков и китайцев, чем это

было четыре года назад. В отношении других народов показатели близости как были, так и остались примерно на среднем уровне.

В Центральном и Центрально-черноземном регионах России увеличилась дистанция от немцев, поляков и финнов по сравнению с тем, что было четыре года назад. Но если сравнивать эти показатели со средними по исследованию 2002 г., обнаружится, что жители этого региона дальше ото всех народов. Возможно, это отражение не слишком динамичного развития региона в последние годы.

Что же касается москвичей и жителей Подмосковья, американцы, прежде существенно более близкие им, чем россиянам в среднем, сейчас стали существенно дальше. Дальше стали и немцы, и японцы, и китайцы. Примерно то же культурно-психологическое расстояние сохранили жители столичного региона от поляков и финнов.

Финны более близки жителям Северо-запада, чем россиянам в среднем, но сейчас об этой близости заявляют существенно реже, чем четыре года назад, а дистанция от поляков увеличилась. Возможно, контакты с европейцами и американцами для жителей регионов, включающих обе столицы, потеряли остроту первого знакомства и обнаружили различия, признаваемые существенными.

Близкие и далекие народы для представителей разных возрастных групп в России и Польше

Общая закономерность для российской выборки состоит в том, что чем старше человек, тем дальше ото всех. Эта закономерность сохранилась и в повторном исследовании. Здесь, несомненно, играет роль не только возрастная, но и имущественная депривация. Люди старших возрастов в России оказались в связи с реформами в очень тяжелом положении. Стоит, впрочем, отметить, что в двух старших возрастных группах культурно-психологическая дистанция ото всех народов хотя и остается большей, чем в среднем, но по сравнению с 1998 г., она

несколько сократилась, что может быть свидетельством некоторого улучшения материального и морально-психологического положения людей этой возрастной категории.

Возрастная группа 45–54 года похожа скорее на старшую когорту, чем на младшую: здесь нет значимых отклонений от средних в положительную сторону в отношении всех шести народов. Но если сравнивать с данными предыдущего исследования, обнаружится, что эта дистанция несколько сокращается.

Возрастные группы 25–34 года и 35–44 года показывают, по самым разнообразным опросам, наибольшую адаптированность и успешность в нынешней России. В этих группах несколько увеличилась дистанция от американцев и от финнов; осталась примерно на прежнем (близком к среднему) уровне от немцев; эти группы по-прежнему значимо чаще, чем россияне в среднем, ощущают свою близость с поляками. Заметим, что большая, чем в среднем, близость к полякам фиксируется в двух соседних возрастных группах. Это значит, что люди, став старше на четыре года (интервал между двумя исследованиями) сохранили убеждение в культурной и психологической близости русских и поляков. Скорее всего, это убеждение подкрепляется деловыми, культурными, личными контактами, в то время как в отношении других народов такого подкрепления не происходит. В частности, в этих возрастных группах увеличилась дистанция от финнов.

С этой точки зрения посмотрим, как изменилось отношение к другим народам в самой молодой группе (18–24 года). Это — единственная возрастная группа, которая значимо чаще, чем в среднем, сохраняет ощущение близости к американцам и немцам. По отношению к другим народам показатели ощущаемой близости находятся примерно на среднем уровне. Это значит, что американские культурные стандарты сохраняют свою привлекательность для самых молодых, в то время как люди постарше начинают относиться к ним спокойнее. Отметим, кстати, что за четыре года младшая возрастная группа перешла в следующую, но не сохранила ощущения «близости» к Америке (см. табл. 6).

У поляков в 1998 г. не было такой сильной связи возраста с оценкой других народов как близких (см. табл. 7). В целом эта

Таблица 6

Оценки россиянами народов как близких или скорее близких в зависимости от возраста

(Отклонения от средних данных по России в возрастной группе в процентных пунктах)

Возрастные группы	Отклонения от средних данных по России											
	Американцы		Немцы		Поляки		Финны		Китайцы		Японцы	
	1998	2002	1998	2002	1998	2002	1998	2002	1998	2002	1998	2002
18–24	**+10,5**	**+9,3**	**+8,1**	**+5,1**	+1,8	+3,1	+3,2	+0,6	+1,2	-1,8	+5	+4,5
25–34	+4,9	-1,0	**+6,6**	+3,8	+7,3	**+6,0**	+2,2	-0,3	-1,3	-1,5	+0,6	+1,6
35–44	+5,5	-2,1	+3,5	+1,0	**+6,4**	**+9,0**	**+6,8**	+2,1	+2,4	-4,6	+1,7	-1,3
45–54	-2,1	+1,5	-1,7	+2,5	-1,0	-0,1	-2	+2,2	+0,5	+2,2	-0,1	+1,9
55–64	-7,9	-2,1	-6,0	-6,8	-6,8	-6,7	-6,3	-1,4	*-5,1*	+0,6	*-7,1*	-1,0
>,= 65	*-11,5*	-3,6	*-10,7*	*-5,1*	*-10,3*	*-11,0*	*-5,5*	-3,4	+1,5	+3,7	-0,8	-2,7
Средние	22,2	*18,1*	22,1	25,8	37,2	*31,7*	26,2	*23,1*	12,9	**17,4**	11,1	13,2

же тенденция сохранилась и в 2002 г., что свидетельствует о большей интегрированности польского общества, отсутствии депривации старших поколений. Однако стоит отметить, что некоторое разочарование в американцах стали испытывать самые пожилые поляки, в то время как самые молодые стали к ним существенно ближе.

Отношение поляков к немцам очень сильно различается в разных возрастных группах. За четыре года не изменилась общая закономерность: дистанция между немцами и поляками увеличивается с возрастом (так же, как и у русских). Но, в отличие от русских, у поляков по отношению к другим народам подобной динамики нет. Можно предположить, что «эхо войны» у поляков звучит сильнее.

И поляки, и русские очень сильно пострадали от немцев в годы 2-й Мировой войны. Но прошло время и стереотип немцев как врагов не воспроизводится в сознании этих народов. Молодые поляки чувствуют себя гораздо ближе к немцам, чем их сверстники в России. А по сравнению с самыми старшими своими соотечественниками молодые поляки сейчас ближе к немцам на 30 процентных пунктов (четыре года назад было 25,7).

Таблица 7

Оценки поляками народов как близких или скорее близких в зависимости от возраста

(Отклонения от средних данных по Польше в возрастной группе в процентных пунктах)

Возрастные группы	Отклонения от средних данных по Польше											
	Американцы		Немцы		Русские		Финны		Китайцы		Японцы	
	1998	2002	1998	2002	1998	2002	1998	2002	1998	2002	1998	2002
18–24	+1,8	+6,1	**+14,8**	**+16,0**	**+8,2**	+3,4	*-4,3*	-2,9	-1,7	+2,0	0	-0,5
25–34	-2,9	-0,7	**+9,1**	**+5,7**	+2	+3,0	*-5,1*	-1,3	-1,6	-1,4	+4,3	-1,1
35–44	-3	-0,9	-1	+4,3	-3,3	+1,1	+3	-1,2	+1,7	+1,9	+0,9	+0,4
45–54	**+4,7**	+0,8	-3,4	+4,6	+1,1	+2,9	+3,1	-0,4	+1,7	-0,5	-2,6	+1,9
55–64	-3,9	+2,8	*-8,4*	*-6,1*	-1,7	-2,2	+0,4	-0,8	-0,9	-1,3	-0,9	-0,3
>,= 65	**+4,4**	-0,4	*-10,9*	*-14,1*	-3,8	-1,3	+1,6	+3,7	+0,4	+0,4	-2,6	-0,7
Средние	45	39,4	40,4	36,5	26,9	33,3	14,8	13,8	3,6	5	8,4	6,5

Есть любопытная динамика в некоторых возрастных группах поляков и в отношении других народов. Так, наибольшими симпатиями к американцам в 1998 г. отличалась группа 45–54 года — то поколение, которое делало польскую перестройку и поколение их родителей — люди старше 65 лет. Сейчас ощущение близости к американцам в этих возрастных группах примерно на среднем уровне.

При общем улучшении отношения поляков к русским в последнем исследовании не обнаруживается различий в возраст-

ных группах, в то время как в 1998 г. самые молодые поляки ощущали русских близкими существенно чаще, чем представители других возрастных групп. Оценки степени близости поляков с другими народами не обнаруживают в возрастных группах существенных отклонений от средних.

Связь оценок близости к народам с материальным положением

Анализ наших данных показывает, что в России существует прямая связь определения народов как близких или далеких с уровнем материального благополучия. Чем богаче люди, тем реже все народы оцениваются ими как близкие. Далекими оказываются все народы чаще для бедных (см. табл. 8).

Таблица 8

Оценки русскими народов как близких или скорее близких в зависимости от уровня благосостояния

(Отклонения от средних данных по России в возрастной группе в процентных пунктах)

Уровень благосостояния	Отклонения от средних данных по России											
	Американцы		Немцы		Поляки		Финны		Китайцы		Японцы	
	1998	2002	1998	2002	1998	2002	1998	2002	1998	2002	1998	2002
Очень низкий	-6,7	-5,0	-6,9	-6,5	-5,9	-6,8	-5,5	-6,7	-2,1	-2,2	-3,5	-4,0
Низкий	-1,4	+1,9	+0,1	+0,4	-0,5	-0,7	-0,4	+1,7	-1,0	-1,1	-0,8	+2,3
Средний	+5,5	+1,6	+6,9	+4,9	+4,7	+5,9	+6,8	+5,3	+2,3	-1,4	+4,1	+0,7
Высокий	+20,3	+2,7	+13,3	+7,2	+17,3	+14,5	+10,1	+5,2	+8,3	+5,3	+11	+2,9
Очень высокий	+36,9	+23,1	+27,9	+9,5	+26,4	-0,9	+19,3	-10,5	+9,8	+6,1	+7,1	+4,5
Средние по России	22,2	18,1	22,1	25,8	37,2	31,7	26,2	23,1	12,9	17,4	11,1	13,2

Эта закономерность не изменилась за четыре года, но доля «богатых», называющих «близкими» другие народы, ощутимо уменьшилась по отношению ко всем, за исключением китайцев. Это крайне важное обстоятельство, которое отражает общую тенденцию переориентации ресурсных групп «на собственные силы». В экономике эта переориентация воплощается в усилиях по поддержке отечественных производителей, а в политике — ростом популярности «новых правых» — сил, заявляющих о своем намерении защищать интересы отечественного частного бизнеса в отличие от «старых правых», которым приписываются компрадорские установки.

Общим и для России, и для Польши является существенно большая дистанция от западных народов (в Польше и от России) у бедных людей. Это значит, что экономической дистанции и в России, и в Польше соответствует и культурная, ценностно-нормативная дистанцированность. У поляков различия между бедными и богатыми по отношению к другим нациям тоже сохранились, но наиболее существенные изменения произошли в группах богатых. К американцам представители двух самых состоятельных групп (с высоким и очень высоким доходом) стали относиться существенно хуже, а в средней по доходам группе, наоборот, отношение к американцам существенно улучшилось.

К немцам же поляки с высоким и очень высоким доходом стали относиться значительно лучше. Вероятно, за последние годы экономические и культурные связи Польши и Германии стали более интенсивными. Не последнюю роль играет в этом сближении также интеграция Польши в европейские надгосударственные структуры.

Отношение к русским существенно улучшилось в трех группах: со средним, с высоким и очень высоким доходом. Очевидно, что постепенный выход России из экономического кризиса делает ее привлекательным партнером для ближайшего соседа.

Отношение поляков к другим народам не претерпело существенных изменений (см. табл. 9).

Заметная динамика отношения поляков с разными доходами к американцам, немцам и русским явно имеет экономические основания: деловые контакты с ближайшими соседями

Таблица 9

Оценки поляками народов как близких или скорее близких в зависимости от уровня благосостояния

(Отклонения от средних данных по Польше в возрастной группе в процентных пунктах)

Уровень благосо-стояния	Отклонения от средних данных по Польше											
	Амери-канцы		Немцы		Русские		Финны		Китайцы		Японцы	
	1998	2002	1998	2002	1998	2002	1998	2002	1998	2002	1998	2002
Очень низкий	-4,5	-3,2	-6,8	-7,7	-6,1	-9,3	-5,5	-5,1	+0,8	+0,6	-0,9	0
Низкий	0	-3,0	+7,7	-3,8	+5,1	-0,6	+1,6	-1,7	+1,1	-3,2	+1	-2,9
Средний	-1,1	+7,8	+1,3	-2,4	-0,2	+11,8	+0,9	+1,4	-0,6	+1,1	0	+1,2
Высокий	+6,9	*-12,9*	-0,1	+13,2	-1,3	+7,4	+2,1	+3,6	-0,5	-0,2	+2,8	+0,5
Очень высокий	+7,8	*-21,1*	-1,5	+18,8	+14	+20,6	+3,2	+3,1	+0,9	-0,4	-2,8	+1,2
Средние	45	39,4	40,4	36,5	26,9	33,3	14,8	13,8	3,6	5	8,4	6,5

оказываются для представителей этих групп выгоднее, чем контакты с дальними партнерами, в то время как людям со средними доходами все еще интересны заокеанские друзья, родственники или партнеры.

Тот факт, что и в Польше, и в России более заметно тяготение к западным странам, чем к восточным, заставляет утверждать, что для значительной части населения Польши и России западные страны являются референтными в определении национальной идентичности. Это означает, что западные эталоны, нормы поведения и потребления служат образцами для наиболее активных социальных групп обеих стран. За четыре года (1998–2002) в определении других народов как более или менее близких и в России, и в Польше произошли некоторые перемены, как общие для обеих стран, так и особенные,

характерные только для одной из них. Общим и для поляков, и для россиян в 2002 г. стало увеличение психологической дистанции от американцев, особенно характерное для состоятельных граждан обеих стран. Но для «богатых» россиян стали более далекими все четыре западных народа (немцы — в меньшей мере), а для «богатых» поляков немцы и русские стали существенно ближе.

Таким образом, ориентация на западные культурные образцы, характерная для высокоресурсных групп в России, имеет тенденцию к ослаблению. Ценностно-нормативное несоответствие между более или менее ресурсными группами преодолевается не за счет внедрения «западных» образцов в низкоресурсные группы, а за счет ослабления интереса к этим образцам в высокоресурсных группах. Стоит, однако, отметить, что речь идет не об элитных группах, инкорпорированных в западное общество и стиль жизни, а о сравнительно более благополучной части рядовых граждан.

С другой стороны, рост притязаний в сфере потребления во всех социальных группах в России, внушенный именно западными стандартами, вызывает, особенно у молодежи, сохранение ориентации на «западную» систему ценностей.

---

[1] О «высокой» и «низкой» геополитике см.: *Ó Tuathail G.* Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

[2] Фонд «Общественное мнение». Всероссийский репрезентативный опрос 23 января 1999 г. 1500 респондентов.

[3] Фонд «Общественное мнение». Всероссийский репрезентативный опрос 17–18 марта 2001 г. 1500 респондентов.

[4] Формулировка вопроса может породить определенные сомнения: не включают ли респонденты россиян в число «европейцев»? В этом случае распределение ответов оказалось бы, мягко говоря, не слишком информативным. Однако данный вопрос задавался респондентам непосредственно после вопроса о различиях между жителями Западной Европы и американцами, которому, в свою очередь, предшествовали вопросы о Евросоюзе. Такой контекст практически исключает понимание термина «европейцы» в сугубо «географическом» смысле, поэтому респонденты, говоря о «европейцах», несомненно, имели в виду обитателей западноевропейских стран.

[5] Фонд «Общественное мнение». Всероссийский репрезентативный опрос 11–12 мая 2002 г. 1500 респондентов.

[6] Здесь и далее отклонение от средних данных обозначается с плюсом, если в анализируемой группе (в данном случае — в регионе) отдано больше, чем в среднем по России, голосов за близость с тем или иным народом, и с минусом, если меньше.

[7] *Климова С. Г.* Какие народы нам ближе // Россия: Трансформирующееся общество. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С. 626.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнительные исследования тем и ценны, что позволяют заострить внимание на фактах, которые при изучении «изнутри» часто не представляются существенными. Сопоставляя результаты исследований, можно задуматься и над более широкими вопросами об обществах, переживающих перемены.

Главное внимание мы уделили анализу эмпирических данных двух последовательных с интервалом в четыре года массовых обследований социальных идентичностей граждан обеих стран. Инструмент, который мы используем, хоть и не является точным прибором, но свое дело делает. Он обладает прогностической способностью — даже за эти четыре года, как нам кажется, удалось ухватить наметившиеся тенденции, выявить реперные точки изменений, которые впоследствии проявились в более выраженном виде. Его пригодность для кросс-культурных исследований вне всяких сомнений демонстрируется авторами нашей книги.

На удивление много похожего обнаружено в идентификациях граждан России и Польши. Постулат Льва Толстого — все счастливые семьи похожи друг на друга, а несчастливые — несчастны по-своему — кажется сомнительным в отношении больших народов. Мы увидели, что есть и нечто общее для обществ, переживающих «травмы» перемен. Исследование помогло найти сходные тенденции, которые, возможно, являются универсальными для любого общества в периоды радикальных изменений. Даже во времена социальных сдвигов основы лю-

бого общества до конца не разрушаются. Базовыми универсальными опорами выступают первичные — семейные и дружеские — общности. Основным адаптационным ресурсом является ближайший круг общения. Тем не менее наряду с ними важны и большие воображаемые сообщества — этнос и государство, хотя и при различном их предпочтении. «Польская реакция на трудности, — пишет Кшиштоф Косэла, — заключается в новом смыкании семейно-народно-вероисповедных рядов». Россияне чаще проявляют идентификацию со своим этносом, регионом и государством.

Сходство российского и польского общества проявляется при характеристике той части населения, которая, по собственным определениям, выиграла в ходе реформ. «Выигравшие» в обоих обществах по социально-демографическим параметрам — это более молодые люди, проживающие преимущественно в крупных городах или мегаполисах, имеющие высокий уровень образования, в целом более материально обеспеченные. Это также более активные, деятельные люди, привыкшие полагаться на собственные силы, а не ждать помощи извне, т. е. обладающие значительным социальным ресурсом. Причем в обеих странах выявляется одна и та же очевидная тенденция: чем в большей степени люди адаптированы к изменившимся условиям, тем в меньшей степени они подвержены чувствам сожаления по утраченному прошлому.

Сходство прослеживается и в конструкциях идентификаций, связанных с социальной структурой. В социальных структурах не произошло заметных композиционных изменений, скорее имеет место маргинализация и старых, и новых слоев, в субъективных оценках видны реакции на резкое усиление экономической стратификации и дифференциации в доходах.

Интересными видятся и обнаруженные в сравнении различия. Сравнение помогло выявить и относительно позитивные моменты, но также оттенило проблемы развития российского общества, высветило несколько вопросов, которые кажутся нам достойными внимания.

Исследование фиксирует изменчивость идентификаций, отражающих перемены в обществе. Но вместе с тем идентичность «удерживает» заложенные в глубоких пластах сознания

культурно-укорененные константы. А они существенно различны. Достаточно посмотреть на «сплав» вероисповедной и национальной идентичностей в Польше и приверженность россиян сильному государству.

Будучи в Гарварде, Питирим Сорокин возмущался стремлением американцев выяснить особенности национального характера количественными методами. Он утверждал, что «дух народа» численно изобразить нельзя. Тем не менее выявить различия в коллективном сознании народов количественными методами возможно, что и показало наше исследование. В идентификациях запечатлены разные культурные и политические традиции, прежде всего связанные с тем, какую роль играло государство на территориях наших стран, как воспринимались народные сообщества, на чем основан дух их единения и как наши соседские народы видят друг друга.

В нашей книге Томаш Зарицкий, используя понятия Бурдье, интерпретирует различия польской и российской национальной идентичности, используя формулу «культурный капитал versus политический». Он также показывает, как в Польше исторически относятся к России и в чем истоки такого отношения. По его мнению, ключевое различие в том, что в Польше центральную роль играет культурный капитал, тогда как в России — капитал политический. Использование образов России в построении собственной польской идентичности объясняется компенсаторными механизмами в борьбе с комплексом неполноценности по отношению к Западу, — борьбе, направленной на компенсацию экономической и политической отсталости за счет опоры на культурный капитал. С одной стороны, в польском дискурсе подчеркивается сила государства и военная мощь России, а иногда и ее экономическое богатство, а с другой — говорится о том, что Россия — нецивилизованное, грубое, неевропейское общество, подавляющее наряду с собственными гражданами другие нации и неспособное порвать с тоталитарным, коммунистическим и имперским наследием. В России действует сходный механизм, однако компенсация достигается за счет политического капитала, что наилучшим образом доказывается популярностью идеи сильного государства. Сила государства базируется прежде всего на сильной армии и спецслужбах.

Наше исследование подтвердило эту формулу: для россиян остается значимой идентичность, ассоциированная с государством, причем сильным, польская же идентичность вырастает из национальных и культурных традиций. Кшиштоф Косэла решил проверить, насколько действует в Польше и России триада графа Уварова («Православие, Самодержавие и Народность»). Простое соответствие русской национальной идее, выраженной Уваровым, обнаружить в Польше трудно в силу особенностей польской истории, и прежде всего отсутствия на протяжении длительного времени собственной государственности, но в сознании поляков «взаимопереплетение» трех названных сообществ, которые не оказались сильно подорванными социализмом, гораздо прочнее, чем в России. Для поляков в 90-е годы наиболее значимым было деление людей на входящих в польское национальное сообщество или не входящих в таковое. Сама история страны в XIX и XX вв. сформировала у поляков обостренную чувствительность к национальному сообществу. Прошлое довлеет над настоящим и исследования постоянно фиксируют наличие у поляков национальной идентичности в состоянии мобилизации, как будто угроза этой идентичности существует и по сей день. Вместе с тем национальная идентичность проявляется «мягко» наряду с открытостью внешнему миру.

В России уваровская триада претерпела достаточно серьезные перемены. Если соединение национального, религиозного и государственного в России было характерно вплоть до 1917 г., то к концу XX столетия эта связка распалась. Религиозный элемент утратил прежнюю значимость, даже единство национального и государственного элементов не сильно выражено в сознании россиян. Граждане России оказались более свободными от традиций и обычаев, связанных с принадлежностью к сообществам. «Советский Союз освободил своих граждан от удушающих объятий трех сообществ», — пишет Кшиштоф Косэла. Вывод Косэлы о российской идентичности как более соответствующей модернизационным процессам кажется довольно неожиданным, речь может идти скорее о «разоукоренности» россиян, которые вновь пытаются обрести свои корни.

Использование теоретического конструкта модернизации облегчает задачу сравнения, задает его параметры. Привычны мнения о том, что в линии модернизации Польша стоит впереди России согласно макроэкономическим показателям и другим критериям, разработанным мировыми организациями. Легитимацией лидерства Польши является ее вступление в Евросоюз. Тем не менее, как было показано нашими данными, с точки зрения «коллективного сознания» в Польше сильна укорененность в традиции, а в России навязанная сверху модернизация сделала свое дело — россияне менее привержены традиционным ценностям. Но, будучи разукорененными, россияне также возвращаются к корням, растет число верующих и сторонников культурных традиций. И самое важное — в России усиливаются этнонациональные чувства и привязанности, что не может не вызывать у ряда исследователей тревожных мыслей по поводу развития новой волны этнонационализма и ксенофобии.

Здесь будет уместно задаться вопросом, что может дать нам сравнение с Польшей для понимания ситуации в России? Действительно, два с лишним века назад в странах Западной Европы идеология национализма служила модернизационным и освободительным антиимперским целям, формированию национальных государств, национальных буржуазии, профессионалов, чиновников. В то время этнические сообщества и связанные с ними идентичности были основными для становления европейских государств. Но служат ли нынешние этнические идентичности этим целям? В странах Восточной Европы — частично да, антиимперским, антитоталитарным после распада Советского Союза, то же можно сказать и о бывших советских республиках. Но одновременно этнонациональные идентичности в этих странах активизировались в связи с объединением в Евросоюзе, с опасениями насчет утраты своей только обретенной национальной и государственной идентичности. Именно в этом видят антимодернизационные проявления такой идентичности польские коллеги. Но и в России рост этнического самосознания вряд ли обладает модернизационным потенциалом, скорее это — шаг назад, даже по сравнению с идеологизированным интернационалистским проектом Советского Союза. В этом смысле остатки советской идентичности могут быть и

интернациональными ризидуалами. Россияне в отличие от поляков привычны к жизни в многоэтничном окружении и стояли на более модернизированной стартовой площадке в начале реформ. Довольно трудно представить себе, как будут справляться с новыми вызовами глобального мира поляки, когда в моноэтничной стране появится масса мигрантов из других стран с другими религиозными и этническими корнями. Поэтому польские коллеги характеризуют коллективное российское сознание как более современное. В этой логике Россия в сравнении с Польшей по идее более адаптирована к глобальным вызовам. Но это лишь «по идее», если бы многими политическими структурами, в том числе и государством, не разыгрывалась этнонациональная карта взамен построения общегражданской идентичности, для которой были все основания. Причем общегражданская идентичность «вспыхивает» лишь периодически в моменты ощущения угрозы для страны (например, взрывы домов в Москве, чеченская война). Правительство и зависящие от него средства массовой информации сознательно эксплуатируют этот фактор почти по Оруэллу: внешний враг может быть тем или иным, но быть непременно должен.

Обретение общероссийской идентичности дается нашим гражданам не без труда. «Россияне» как новая гражданская идентичность хоть и набирают вес, но для многих благодаря великодержавной составляющей, которую умело «раскручивает» власть. В нашем исследовании, в котором два опроса с интервалом в четыре года пришлись как раз на конец президентства Ельцина и начало — Путина, зафиксирован заметный рост самоопределений в качестве граждан Великой державы.

Еще одна болезненная для России тема — совладание с имперским прошлым. Великая держава и империя далеко не одно и то же. Оставаясь одной из великих держав, России предстоит как-то совладать с имперским синдромом. По нашим данным, до половины россиян продолжают определять себя как советских людей и как граждан Великой державы, которая либо была в прошлом, либо есть в настоящем. К этому же ряду можно отнести и особое внимание наших граждан к своей уникальности и слабом желания «вписывать» себя в глобальные сообщества: европейское, общемировое. Близкими странами поляки в большинстве называют США, Германию, а россияне — те, что регионально соседствуют, т. е. на Дальнем Востоке — Японию, на Северо-западе — Финляндию. Тем не менее, по нашим данным наметились и тенденции открытости внешнему миру, растет число россиян, идентифицирующих себя со всем человечеством.

Польша обрела возможность освобождения от угроз ее суверенитету с запада и востока. Но полякам, как и другим гражданам Европейского Союза, предстоит совместить собственную национально-культурную идентичность с идентичностью граждан ЕС. При заметных различиях в культуре и политических традициях, а также в реакциях, вызванных новыми глобальными вызовами, все же конфигурации идентификаций, полученные нашими исследованиями за четыре года, говорят о том, что наши страны скорее сближаются, чем расходятся в своем движении.

Развивая тему модернизации, начатую в нашей книге Кшиштофом Косэлой, нельзя не сказать о сравнении России и Польши в плане динамики и ресурсов социальных изменений. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на различия в том, что называется *качеством социального субъекта*. Использование инструмента социальных идентификаций позволяет говорить о таком параметре, который трудно найти в оценках, рассчитанных экономистами и технократами.

Советская модернизация под руководством партии и правительства, направленная на скорейшую индустриализацию и урбанизацию, носила скорее искусственный, насильственно-вынужденный, нежели эволюционный характер. За этими темпами не было изменений в «человеческом факторе». Всеобщее образование, развитие науки и т. д. сочетались с глубокой идеологической индоктринацией. О феномене советского человека говорится много. Основное его качество — десятками лет он оставался неготовым к ответственности и за себя самого и за сообщества, к которым себя относил. По нашим данным более половины людей в качестве близких им качеств отмечали, что они — такие как все, что от их действий ничего не зависит. По сравнению с Польшей это значительно более высокий процент.

Помимо прочего, лишенный гарантий безопасности посткоммунистический человек в России превратился в человека деполитизированного. Разницу подчеркивает и тот, выявленный российским исследователями Ольгой Дудченко и Анной Мытиль факт, что в Польше адаптированные слои населения политически более активны, тогда как в России более активны «проигравшие» от реформ. Они значительно чаще проявляют интерес к происходящим политическим событиям, чем «выигравшие», а также более массово участвуют в выборах. Таким образом, активную гражданскую позицию занимают в Польше адаптированные слои населения, а в России — слабо адаптированные или дезадаптированные. Также из анализа следует, что в Польше существует прямая зависимость между уровнем адаптированности и выраженностью демократических установок: «выигравшие» в большей степени ориентируются на демократические ценности, чем «проигравшие». В России же нет никаких различий в демократических установках. При этом если у российских групп «проигравших» и «стабильных» значения индекса демократизации выше, чем у аналогичных польских групп, то в группе «выигравших» ситуация противоположная: преуспевшие поляки более демократически настроены, чем россияне.

Таким образом, качество социальных субъектов в двух странах различается. Более модернизированным и «зрелым» в том смысле, что менее чувствует зависимость от других и государства, является скорее поляк, а не россиянин.

Возникает вопрос: что определяет успех реформ — зрелость социального субъекта или уровень экономического развития? Не следует ли вспомнить известное изречение относительно того, что лучше научить голодных ловить рыбу, нежели просто дать им пищу?

Мы располагаем субъективными оценками успешности реформ и своего положения, которые противоречивы. Например, за период между двумя опросами в России стало больше тех, кто пассивен и апатичен, но вместе с тем здесь заметно повысилась персональная идентичность «хозяин своей судьбы», чего не наблюдалось в Польше. То есть одновременно в России прослеживается и другая тенденция — растет ориентация людей на собственные силы. Из анализа следует, что наряду с большей социальной пассивностью россияне проявляют большую интернальность, чем поляки, когда речь заходит проблемах, непосредственно связанных с их личной жизнью. Например, россияне чаще решают свои проблемы сами, а поляки чаще ориентируются на поддержку других. Россияне чаще, чем поляки, считают, что их благополучие зависит только от них самих. Есть ли это результат того, что социальный субъект «зреет» в результате переживаемых трудностей, или того, что все более отчуждается от неэффективных социальных институтов и государства? Для иллюстрации укрепления указанных тенденций в России интересны данные других массовых опросов последних лет. В «Новой газете» в июле 2006 г., ссылаясь на результаты массового опроса Института социологии РАН, были приведены такие данные: только 5% взрослого населения России не считали, что государство должно быть полностью ответственным за судьбы своих граждан, т. е. все остальные видят в государстве «отца родного». Но при этом, когда речь идет о том, на кого рассчитывать в решении своих проблем, только 6% полагаются во всем на государство, т. е. остальные более 90% рассчитывают на себя и находятся на полном самообеспечении. За государством оставлена роль принятия решений, но при этом граждане никак не чувствуют ни собственной причастности к проводимым мерам, ни ответственности за их воплощение. Сильное отчуждение от государства, которое за время реформ не оправдало ожиданий граждан, по большинству патерналистского толка, привело к заметной автономизации частной сферы без особой надежды на реализацию гражданских прав и взаимного уважения.

Так что адаптация россиян к нынешнему социуму — это, скорее всего, привычное на уровне обыденной жизни самостоятельное приспособление к реформам, а не активное в них участие, которые всегда инициировала верховная власть и государство, но не общество, и тем более не движение наподобие польской «Солидарности». Бывая в Польской Народной Республике, мы, советские, удивлялись обилию в городах и селах разнообразных бронзовых вывесок типа Zwiazek, Spolecznosc, Towarszystwo, Klub и т. п., не говоря уже о костелах.

Скорее всего, мы имеем дело с весьма популярной (особенно среди экономистов) теорией зависимости от прошлого.

Прошлое России принципиально отличается от польского, несмотря на то что определенное время обе страны находились в социалистическом лагере. Антонио Грамши в своих «Тюремных тетрадях» писал, что когда на Западе слабеет государство, на поверхность выходят гражданские структуры и они обеспечивают стабильность общества. Когда рушится государство в России, то рушится все. Известно, что Маркс делал наброски к четвертому тому «Капитала» об азиатском способе производства, в котором именно государство играет лидирующую роль и в экономике, и тем более в политике и идеологии. Правы были классики, говоря об основополагающей роли государства в России. Это и модернизующее начало, и желанная опора, и в то же время тиран своих граждан.

В той же логике видятся и социальные ресурсы развития двух стран. Наиболее распространенные идентификации служат своего рода маркировкой ресурсов. В России — это преимущественно персональные сети взаимосвязей, а не социальные институты. Государственные и социальные институты, начиная с органов охраны правопорядка и заканчивая армией и церковью, по результатам многочисленных массовых опросов, доверия давно не вызывают. Потому дружеские и семейные отношения остаются чуть ли не единственным надежным ресурсом жизненного успеха россиянина.

Еще один тревожный симптом, выявленный исследованием: в России при большей важности трудовой сферы и большем выборе профессионально-трудовых общностей в качестве своих идентификаций профессионализм не столь открыто является показателем успешности или ресурсом, как у поляков.

На первый план в ряду персональных ресурсов в России выходит молодость, а в Польше — профессионализм и другие социально востребованные характеристики. И конечно — общепольская идентичность, основа сплоченности. Трудно не заметить, что польские коллеги специально выделяют интеллигенцию, которая и сегодня влияет на умы граждан намного заметнее, чем в России. В Польше интеллигенция остается если не властителем дум, то как минимум влиятельной общественной силой. Она менее, чем остальное население, привержена традиционным ценностям, обладает модернизационным потенциалом. В России интеллигенция — предмет постоянных дискуссий на тему сохранилась ли она как таковая. Значительная часть образованных людей стала обслуживать власть и бизнес, другая часть демонстративно устранилась от политики, и лишь малая горстка идеалистов продолжает осуществлять миссию русской интеллигенции. Сторонники и инициаторы горбачевской перестройки с некоторой иронией именуются невостребованными в наше время «шестидесятниками». Бизнес-элита к 2006 г. оказалась под контролем центральной государственной власти. И только высшее и центральное чиновничество может нынче претендовать на роль элиты, владеющей мощными ресурсами управления социально-экономическими и политическими процессами. В одном из наших российских исследований социальных идентификаций кластерный анализ по критерию «Кого Вы можете назвать "Это мы" и кого "Это — они"?» в кластер «они» попали бомжи, алкоголики, бандиты и… чиновники.

Достигнута ли стабильность в России? Как видно из исследования на 2002 г., в России наметилась тенденция стабилизации — по многим показателям субъективного самочувствия и по конфигурации идентификаций жители России, похоже, переживают время относительной стабильности. Однако с этим можно поспорить. Да, верно, что россияне, и по нашим данным и по массовым мониторинговым опросам последних лет, ощущают стабильность, но не особенно ждут лучшего. Данные репрезентативных опросов уже три года фиксируют «привыкание» к жизненным трудностям. Более половины населения вполне удовлетворены президентством В. Путина. По нашим данным, значительно увеличилась численность группы «выигравших» — тех, кто ощущает улучшение своей жизненной ситуации, и группы «стабильных». В Польше же за период с 1998 по 2002 г., наоборот, стало больше «проигравших» — людей, считающих, что уровень их благополучия понизился.

Однако нашим исследованием выявлено несколько моментов, которые вносят сомнение относительно гармоничной стабилизации в России. Характер выбора идентификаций дает информацию о том, как в представлениях об обществе отражено само общество. Представления россиян о своем обществе менее четкие, россиянин менее разборчив в выборе своих групп,

поляк более разборчив и избирателен. Россияне в своих социальных идентификациях называют в среднем до трех общностей, поляки — до двух, т. е. они более четко определились в новом социальном пространстве. В России скорее размытая социальная идентичность, большая растерянность в отношении окружающего социума.

Из анализа субъективных оценок выигрышей и потерь в результате реформ и собственного места в обществе следует вывод о том, что в Польше процесс формирования новой матрицы социального взаимодействия уже дал ощутимые результаты, а в России он находится еще в начальной стадии. Для россиян характерно превалирование личностных характеристик, а не социальных (групповых) оснований для самоидентификации.

Более того, свидетельством большей структуризации и стабильности польского общества является большая «умеренность» и реалистичность в оценке достижений, притязаний и степени своего влияния на происходящие события. Россияне же более дифференцированы и амбициозны в своих самооценках. Проявления таких черт нашими соотечественниками можно трактовать как подростковые синдромы со всеми вытекающими последствиями возможной дестабилизации.

Другим индикатором меньшей стабильности российского общества является его более выраженное, по сравнению с польским обществом, социальное расслоение, субъективное противостояние между «богатыми» и «бедными» и существенно более высокий уровень относительной депривации. В Польше чувствуется депривация в отношении стран Западной Европы, и уровень депривации повышается в основном из-за смены референта, что отражает периферийное сознание, но и стимул к развитию. Самосознание россиян более закрыто — в этом смысле выше относительная депривация менее успешных, которая связана с большим имущественным разрывом между бедными и богатыми в пределах своей страны.

Насколько твердо можно говорить об улучшении общественных настроений и психологического климата в обществе, в котором замечены такие тенденции, в котором растет доля людей, считающих, что от их действий ничего не зависит? Стабильность или социальная апатия? А может быть — затишье перед бурей? Поставленными вопросами мы обязаны сравнительному исследованию, обнаружившему как позитивные, так и проблемные моменты для российского общества.

Итоги этого сравнительного исследования идентичностей в историческом масштабе — «моментальный снимок», который, надеемся, сохранит свою ценность в качестве исторического свидетельства и добавит кое-что к пониманию характеров двух народов и текущих событий.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РОССИЯНЕ И ПОЛЯКИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ. ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕНТИФИКАЦИЙ (1998–2002 гг.)

Редакторы: *Е. Е. Жирнова, В. Н. Подгорбунских*
Корректор *В. Н. Подгорбунских*
Верстка *Ю. Н. Дрюков*

Лицензия № 00944
от 09.02.2000 г.

Сдано в набор 03.08.2005. Подписано в печать 15.06.2006.
Формат 60 × 90 $^1/_{16}$. Печать офсетная.
Учетно-изд. л. ???. Тираж 800 экз.
Заказ №

191023, С.-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Издательство Русской Христианской гуманитарной академии
Тел.: (812) 310-97-91;
факс: (812) 571-30-75;
E-mail: editor@rchgi.spb.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12.